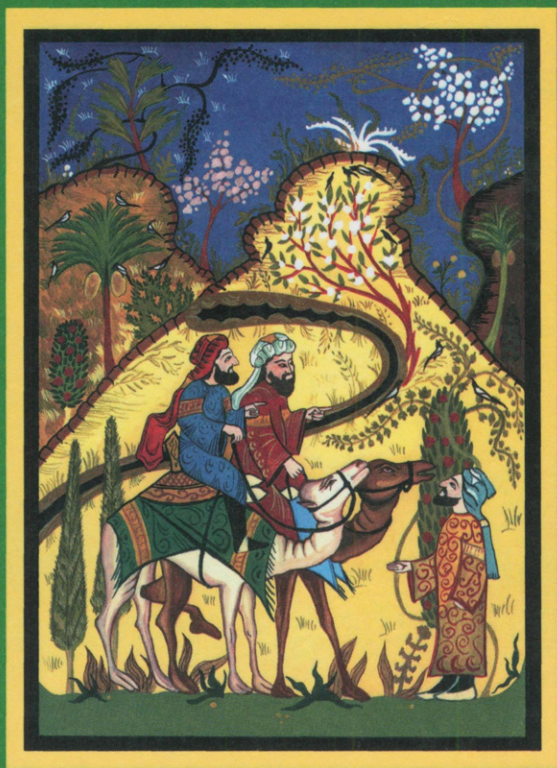

Д.В. Микульский

Арабскі
Теродол

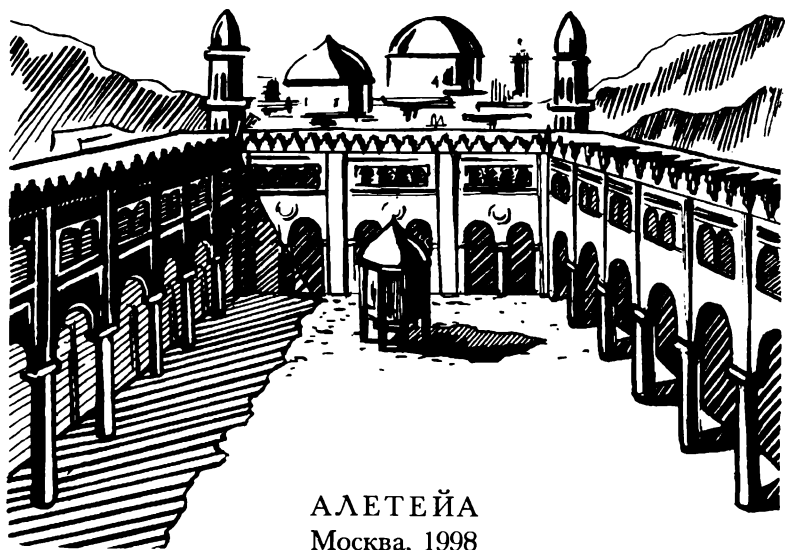

Д.В. Микульский

Арабский Терем

АЛЕТЕЯ
Москва, 1998

Серия «VITA MEMORIAE». Основана в 1996 г.

Микульский Д.В.

М59 Арабский Геродот. — М.: Алетея, 1998. — 229 с.: ил. —
(Vita memoriae.)

ISBN 5-89321-014-X

Новая книга из серии «Vita memoriae» продолжает знакомить читателя с историей, реалиями, нравами средневековья, приглашая из Западной Европы перенестись на загадочный Ближний Восток. Это первая книга на русском языке, посвященная жизни и трудам выдающегося арабского историка, писателя, географа и путешественника X в. Абу-л-Хасана ибн ал-Хусейна ал-Масуди, оставившего в своих работах интересные и объективные описания многих земель, известных в то время арабо-мусульманам, ценнейшие материалы по истории и этнографии.

Пристальный взгляд Масуди открывает для нас целый мир, где легенды переплетаются с реальностью, где плетутся зловещие заговоры и возводятся прекраснейшие шедевры архитектуры, где далекие, непостижимые для нас люди страдают и радуются так же, как и любой человек во все времена.

ISBN 5-89321-014-X

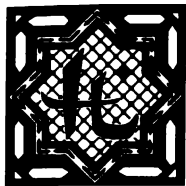
© Микульский Д.В., 1998
© Издательство «Алетея», 1998

Абабкклк
Теродолк

*Посвящается памяти
моей матери Р.Б. Микульской*

а исходе IX столетия в знатной багдадской семье потомков сподвижника основателя ислама Мухаммада Абдаллаха ибн ал-Масуда родился мальчик, которому было суждено занять видное место в истории арабо-мусульманской географической науки, историографии и литературы. Известный английский арабист Х. А. Р. Гибб назвал крупнейшее из сохранившихся сочинений Абу-л-Хасана Али ибн ал-Хусейна ал-Масуди — «Золотые копии и россыпи самоцветов» — одной из лучших книг на арабском языке.

Арабо-мусульманская культура уделяла много внимания отдельным личностям. До нашего времени сохранились тысячи биографий религиозных и политических деятелей, поэтов, прозаиков, ученых арабо-мусульманского мира. Несмотря на то что упоминания о нем содержатся в шести арабо-мусульманских сочинениях — в знаменитом библиографическом своде иракского ученого второй половины X в. Ибн ан-Надима «Фихрист», у ученого XI в. ан-Наджаши, у андалусского автора Ибн Хазма (ум. в 1064 г.), у египтян аз-Захаби и ас-Субки (оба — XIV в.), в знаменитой «Мукаддиме» Ибн Халдуна (ум. 1382 г.), — знаем мы о жизни Масуди очень мало. Авторы, упоминающие о Масуди, пишут о месте его рождения, нередко противореча друг другу, а затем приводят названия его сочинений. Такая информация уместается в нескольких стро-

ках. В биографической литературе не сохранилось даже явно вымышленных анекдотов о поступках и высказываниях Масуди, подобных тем, персонажами которых являются многие другие деятели арабо-мусульманской культуры. Мы даже не знаем точно, в каком году он родился, — за год рождения Масуди условно принимается 896 г.

Зато в главном из сохранившихся сочинений Масуди — «Золотых копиях» — содержатся яркие, запоминающиеся анекдоты и новеллы о многих выдающихся людях. Масуди был первым автором, который представил историю мусульманской общины, арабо-мусульманского государства — Халифата — как объект занимательного, во многом вымышленного повествования. Сам же Масуди как подлинно творческий, а потому увлеченный своим делом и скромный человек остался непроницаемым для последующих биографов.

В то время кабинетов для занятий наукой в нашем понимании не было, однако тип «кабинетного» ученого уже сложился. Масуди же никогда не довольствовался постижением мудрости, хранящейся в пыльных фолиантах, хотя его начитанность и обширность познаний поразительны. Он пытался изучить мир, в котором жил, и именно его благородное любопытство было тем двигателем, который заставлял его совершать длительные, порой многолетние путешествия. За свою жизнь Масуди объехал и описал значительную часть известных в то время арабо-мусульманам земель, оставил характеристики народов, среди которых ему приходилось жить. Он собрал правдивые сведения о тех странах, в которых ему самому побывать не довелось. Его сообщения о многих землях и населявших эти земли народах стали важным источником для историков, географов и этнографов. Тщательно изучая то, что видел собственными глазами или слышал от осведомленных людей, придирчиво отделяя достоверное от того, что,

по его мнению, противоречило истине, Масуди решил ряд важных задач географической науки своего времени, завоевав на века славу выдающегося географа и путешественника.

Вот почему этот замечательный человек остался в истории не только арабо-мусульманской, но и мировой культуры как историк, оригинальный писатель и выдающийся географ и путешественник.

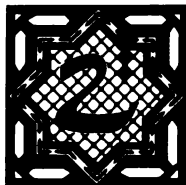

Глава I

Детство в «городе 1001 ночи»

Страна, где находится Багдад, —
лучшее место на земле.

*Масуди,
«Книга указания и наблюдения»*

говоря о Масуди, настоящем сыне своего времени, невозможно не рассказать о Багдаде — городе, в котором он родился и вырос, где начал постигать глубины наук, откуда отправился в свое первое путешествие, куда он потом не раз возвращался и о котором тосковал, покинув его навсегда. Во многом рассказ о столице Халифата основывается на том, что сообщает о ней в своих сочинениях Масуди.

Сегодня в иракских туристических проспектах пишут, что Багдад — это город бессмертных восточных сказок «1001 ночи». Именно здесь, как повествует эта замечательная книга, по ночным улицам и переулкам бродил благородный и справедливый Повелитель верующих Харун ар-Рашид в сопровождении своего премудрого вазира Джафара ал-Бармаки и всегда, подобно древнегреческому «богу из машины», являлся вовремя, чтобы приблизить счастливую развязку. К сожалению читателей «1001 ночи», историческая наука давно доказала, что реальный Харун ар-Рашид несколько не был похож на тот симпатичный персонаж, который запечатлен в памяти читателей сказок. Образ Харуна ар-Рашида, столь же пленительный, сколь не соответствующий своему реальному прототипу, стал чуть ли не центральным в арабской народной литературе позднего средневековья благодаря тому, что в народной

памяти это имя связывалось с эпохой расцвета империи, мощи Халифата, отблески которой столь заметны в гораздо более поздней «Книге 1001 ночи».

Блистательная и трагическая история Города Мансура

В эпоху Масуди Багдад еще был цветущей столицей арабо-мусульманской империи и считался городом относительно новым, хотя за свою тогда еще недолгую по сравнению с другими городами Ближнего Востока историю он успел пережить немало потрясений.

В последнем своем сочинении — «Книге указания и наблюдения» («Китаб ат-танбих ва-л-ишраф») Масуди, перечисляя основанные со времени возникновения ислама крупнейшие города, называет их семь. Багдад оказывается предпоследним, шестым.

Считается, что «Багдад» — слово персидского происхождения, которое означает «богоданный». Полузабытый этот смысл улавливается даже и на русском языке, ибо оба языка — и русский, и персидский — относятся к одной языковой семье — индоевропейской. Нет ничего удивительного в том, что название столицы Ирака имеет персидское происхождение — ведь Ирак до завоевания его в VII в. арабо-мусульманами входил в состав державы Сасанидов — обширной империи, которой управляла иранская династия. Такое истолкование слова «Багдад» находит подтверждение и у Масуди — он сообщает, что в седой древности на месте знаменитого впоследствии города находился некий идол, который назывался Баг.

Основание Багдада было связано со сменой правящих династий в Халифате.

После смерти основателя ислама пророка Мухаммада во главе мусульманской общины встали халифы, дословно —

«заместители» пророка. Первые четыре халифа — Абу Бакр, Омар, Осман, Али — считаются в традиционной арабо-мусульманской историографии праведными, исполненными особого благочестия. Верующие мусульмане полагают до сих пор, что во времена праведных халифов в мусульманской общине свято блюди заветы Корана и пророка Мухаммада и поэтому первые мусульмане, современники праведных халифов, жили счастливо.

Но после смерти в 661 г. последнего из праведных халифов, Али ибн Абу Талиба, зятя и двоюродного брата пророка, власть в Халифате захватили Омейяды — знатный и богатый арабский род, правивший в Мекке, на родине Мухаммада, в доисламское время.

Омейяды установили наследственную монархию. Однако потомки последнего праведного халифа Али и других родственников пророка Мухаммада в глазах современников обладали большими правами на престол, и власть Омейядов не могла быть прочной.

Но именно при Омейядах Халифат достиг наибольших размеров. Земли его простирались от границ Франкского королевства на западе до границ Китая на востоке. В это же время в дополнение к материальным богатствам закладывались основы богатства духовного: это была эпоха рождения арабо-мусульманской культуры, органически соединившей в единое целое культурные традиции покоренных народов и народа-покорителя и впоследствии ставшей одной из величайших мировых культур.

Родственники основателя ислама и их приверженцы объявили Омейядов нечестивыми правителями, царями-язычниками, не являющимися подлинными халифами. Первоначально борьбу против господства Омейядов возглавили Алиды, потомки четвертого праведного халифа. Их притязания на

власть в мусульманской общине поддержало население Ирана, в особенности восточноиранской области Хорасан, недовольное господством арабов-бедуинов, взивавших большие поборы в пользу дамасских правителей. Алиды рассылали по городам и весям Хорасана, а также других областей своих даи — агитаторов, которые вербовали сторонников для борьбы за «святое дело» и собирали средства в пользу потомков Али. На последнем этапе борьбы против власти Омейядов, однако, главенствующее место в борьбе против правящей династии было занято другой родовой группировкой родственников Мухаммада — Аббасидами, потомками дяди основателя ислама, Аббаса. Руководителем борьбы против Омейядов под эгидой Аббасидов стал бывший невольник, перс по происхождению, Абу Муслим. После ряда жестоких сражений военные силы Омейядов были разгромлены. Последний омейядский халиф, Марван ибн Мухаммад, бежал в Египет, где был убит. В Халифате установилась власть новой династии — Аббасидов, датой начала правления которой считается 750 г.

Одним из первых актов новой династии был отказ от прежней столицы Омейядов, «нечестивого» Дамаска, где были так сильны византийские, христианские традиции, чуждые исламу. Первоначально аббасидский халиф Абу-л-Аббас ас-Саффах находился в южноиракском городе Куфе, потом переехал в особый укрепленный лагерь под Куфой, а затем в ал-Анбар. Однако все эти места были по тем или иным причинам неприемлемы в качестве столиц. Например, Куфа, созданная изначально как военный лагерь-база для организации экспедиций на территории, подвластные сасанидскому Ирану, была населена потомками бедуинов, которые с детства хорошо владели оружием и имели склонность к мятежам и восстаниям. Так что обстановка в этом городе была достаточно взрывоопасной.

Второй аббасидский халиф Абу Джафар ал-Мансур (754—775) в конце концов остановил свой выбор на местечке Багдад, лежавшем почти в самой середине Ирака — древней Месопотамии — недалеко от Ктесифона, бывшей столицы сасанидского государства. На строительство Города мира — таким было сначала официальное название Багдада — согнали около ста тысяч крестьян из окрестных деревень. В отличие от средневековой Европы, где строительство замков и крепостей было одной из феодальных повинностей, крестьяне, возводившие новую столицу, получали хоть и мизерную, но все же плату за свой нелегкий труд.

Строительство Багдада проходило согласно четко разработанной программе. В плане город был круглым. Он состоял из двух основных частей: халифской резиденции, расположенной в центре, и окружавших ее кварталов торговцев и ремесленников. Весь город был обнесен глубоким ровом и крепостной стеной. Стена окружала также и халифскую резиденцию. Во внешней и внутренней стенах имелось по четверо ворот. Каждая пара ворот во внешней и внутренней стенах соединялась крытой галереей, внутри которой были устроены специальные помещения для воинов, охранявших покой Повелителя верующих.

Багдад был задуман халифом Мансуром как город-резиденция, поэтому неудивительно, что окруженный стеной дворец занимал большую площадь, нежели «посад». Диаметр центральной части города равнялся 2 км, диаметр же всего города в целом — 2,6 км. Видимо, в то время большинство населения Багдада составляла свита халифа, слуги и воины-гвардейцы, а немногочисленные торговцы и ремесленники были поселены там для того, чтобы удовлетворять потребности двора.

Гордостью Круглого города Мансура по праву считался халифский дворец, увенчанный зеленым куполом, на кото-

ром находилась конная статуя. Со временем все это здание получило название Зеленого купола. Еще при жизни Масуди, в 941 г., Зеленый купол обрушился — видимо, во время бури в него попала молния. Стены же некогда великолепного сооружения простояли вплоть до середины XIII в.

В Зеленый купол вели Золотые ворота, Баб аз-Захаб, облицованные мрамором и украшенные золотом.

Зеленый Купол служил халифской резиденцией в течение пятидесяти лет. После того как Багдад был захвачен войсками второго сына знаменитого по «1001 ночи» Харуна ар-Рашида, Мамуна, который сверг своего сводного брата Амина, сильно пострадавший во время боев Зеленый купол так и остался пустовать и был окончательно заброшен.

Конфликт между сыновьями Харуна ар-Рашида Амином и Мамуном (810—813) является одной из самых трагических страниц арабо-мусульманской истории IX в. Как это часто бывало в средние века, смута в Халифате возникла из-за соперничества двоих братьев-принцев. Настоящая гражданская война, в результате которой был разрушен главный город мусульманского государства, погибли тысячи его жителей, наложила неизгладимый отпечаток на души современников и многих последующих поколений жителей Халифата. Хотя Масуди родился много позже кровавых событий начала IX в., он интересовался тем, как они разворачивались, и зафиксировал в главном из дошедших до нас сочинений свидетельства очевидцев жестокой междоусобицы.

Вот что говорится по этому поводу в «Золотых копиях». У Повелителя верующих Харуна ар-Рашида была любимая жена, госпожа Зубайда, которая, как и ее царственный супруг, является персонажем нескольких новелл «1001 ночи». Она обладала твердым характером и пользовалась значительным влиянием на ар-Рашида. Однако вскоре выяснилось, что госпожа

Зубайда не может зачать ребенка от своего супруга. Халиф был этим весьма огорчен, так как очень хотел иметь наследника. Тогда приближенные посоветовали ему поступить так же, как поступил легендарный библейский патриарх Авраам, личность которого была хорошо известна мусульманам по их священной книге Корану, где Авраам выступает под именем Ибрахима как один из праведников-пророков, которому Аллах дал божественное откровение, а также по легендам, которые сложились в Аравии еще задолго до возникновения ислама, а потом были освящены новой религией. Дело в том, что так называемые северные арабы, к которым причислялось и родное племя основателя ислама курайш, вели свою родословную от сына Ибрахима и его наложницы Агари Исмаила. Арабы считали, что Исмаил, изгнанный Ибрахимом вместе с матерью по наущению его законной жены Сары, вырос в пустыне и основал мекканский храм Каабу, храм, который почитался арабами-язычниками, а после возникновения ислама стал его основной святыней.

Итак, вельможи посоветовали Харуну ар-Рашиду вызвать ревность у госпожи Зубайды и взять себе наложницу, подобно тому как Ибрахим взял в наложницы Агарь. Придворные надеялись, что тогда исполненная ревности супруга халифа родит наследника, как Сара родила Исаака, возревновав к Агари, давшей жизнь Исмаилу. Повелитель верующих послушал совета, взял в наложницы рабыню по имени Мараджил, которая вскоре забеременела и родила Мамуна. Тогда, как пишет Масуди, возревновавшая госпожа Зубайда родила Амина.

После гибели Амина — первого аббасидского халифа, умершего насильственной смертью, — обстоятельства его жизни стали обрастать различными легендами. Люди средневековья были склонны видеть во всех событиях, особенно таких, кото-

рые имели большое общественное значение, волю провидения. Не представляли исключения и арабы-мусульмане. Они полагали, что гибель Амина была предопределена заранее и что Аллах ниспослал знамения, которые предупреждали об этом. Масуди питал большую склонность к подобного рода преданиям и, видимо, сам в значительной степени им верил, так же как Шекспир верил в реальность предсказания, которое три вещи сестры дали Макбету и Банко. Поэтому нет ничего удивительного в том, что в «Золотых копиях» он приводит рассказ, переданный якобы со слов Зубайды, о том, что ей трижды — когда она зачала Амина, когда родила его и когда отняла сына от груди — являлись некие женщины, которые предсказали, что у будущего халифа будет неуравновешенный характер и что он погибнет вскоре после начала своего правления. Рассказ об этом вещем сновидении отражает восходящее еще к античности верование в парк — особых мифических существ женского пола, которые определяют судьбу новорожденного. Античные же эллинистические традиции были весьма сильны в арабо-мусульманском мире.

С очень раннего возраста между двумя сыновьями ар-Рашида — Амином и Мамуном — развернулось острое соперничество за приоритет во внимании отца, за влияние при дворе. Вокруг каждого из принцев сложилась партия придворных и родственников, которые раздували эту вражду. Положение Мамуна было менее выгодным — многие придворные попрекали его тем, что он рожден от наложницы, а не от законной жены. Сводные братья относились друг к другу с нескрываемой ненавистью. Масуди приводит рассказ известного филолога Кисаи о том, что однажды Харун ар-Рашид пригласил его во дворец и представил ему своих сыновей. Кисаи, очарованный образованностью и обходительностью обоих юношей, рассыпался перед халифом в льстивых комплиментах, одна-

ко ар-Рашид, отпустив сыновей, залился слезами и сказал, что после его смерти между Амином и Мамуном неизбежно возникнет усобица.

Желая нормализовать взаимоотношения между сыновьями, Харун ар-Рашид принимает решение об установлении твердого порядка наследования власти в случае своей смерти. Чтобы придать своему решению полностью законный характер, а также чтобы связать братьев клятвенными обязательствами относительно друг друга, халиф совершает вместе с сыновьями в 802 г. хадж — паломничество к главной святыне ислама, мекканскому храму Каабе, что является одной из важнейших обязанностей мусульманина. Находясь в Мекке, Харун ар-Рашид написал специальный документ, в котором говорилось, что после смерти халифа его место занимает Амин, а в случае смерти Амина ему наследует Мамун. Братья принесли присягу в том, что они обязуются свято блюсти договор и сохранять верность друг другу. Харун ар-Рашид решил для вящей важности подвесить грамоту к потолку Каабы в присутствии сотен мусульман, собравшихся в Мекку для совершения паломничества. Масуди сообщает, что, когда свиток попытались подвесить, он упал. Мусульмане сочли это падение предзнаменованием того, что договор между принцами в скором времени будет нарушен. Тут же начали искать и другие пророчества. Некий паломник стал утверждать, что ему было видение — двое мужчин, спорящих из-за верблюда, и окровавленные вороны.

После смерти Харуна ар-Рашида Амин, как и было условлено, стал халифом, Мамун же сделался наместником богатой иранской провинции Хорасан. Вскоре Амин решил все же нарушить договор с братом и назначить престолонаследником своего малолетнего сына Мусу. Мамуну же он послал письмо с приказом двигаться в Багдад. Почувствовав недоб-

рое, Мамун решил вступить с братом в вооруженную борьбу. Вскоре войска Мамуна под командованием одного из лучших его полководцев, Тахира ибн ал-Хусейна, наголову разбили халифскую армию под иранским городом Реем. Через некоторое время Тахир и другой полководец Мамуна, Хасам ибн Айан, осадили саму столицу Халифата Багдад. Амин же, который, по словам Масуди, отличался большой физической силой и незаурядной красотой, но был человеком недалекого ума и слабой воли, не предпринял фактически ничего для того, чтобы каким-то образом спасти положение и защитить жителей Города мира от бедствий войны. В то время, когда багдадцы страдают от обстрела камнеметных машин, пожаров, грабежей и голода, он, запершись в Зеленом куполе, предавался рискованным развлечениям. Так, например, однажды халиф голыми руками убивает дикого льва, привезенного во дворец егерями в специальной клетке и сумевшего из нее убежать. Дядя Амина и Мамуна, брат Харуна ар-Рашида Ибрахим ибн ал-Махди вспоминал, что однажды он вошел в покои Амина и застал его печально сидящим у окна, которое выходило на Тигр. Выяснилось, что рыбка, на которую Амин надел драгоценный перстень и пустил плавать в пруд, соединенный специальным каналом с Тигром, сумела, найдя в запруде отверстие, ускользнуть в реку. Когда умерла любимая наложница Амина, мать его сына Мусы, халиф долгое время предавался горю, оставив все дела, и только увещевания его матери Зубайды заставили Повелителя верующих принять меры по организации отпора противнику. Вскоре, впрочем, он утешился в обществе других рабынь, услаждавших Амина и его приближенных сладостным пением. В конце концов, когда положение стало совершенно безнадежным, Амин бежал из дворца, чтобы добровольно сдаться, надеясь на милость брата. Однако Тахир ибн ал-Хусейн приказывает отрубить ему голо-

ву и повесить ее в знак победы над воротами Баб ал-Хадид, а тело похоронить в одном из багдадских садов. Позже голову вместе со знаками халифской власти — плащом-бурдой пророка Мухаммада и его перстнем, которые передавались от одного халифа к другому, — отвезли в Хорасан к Мамуну.

Вот так бесславно окончилось правление Амина. Поэтому неудивительно, что новый халиф счел Зеленый купол несчастливым местом. Этот дворец, видимо, постоянно напоминал Мамуну о его предшественнике, и новый правитель решил поселиться в ином дворце, навсегда оставив прежнюю резиденцию.

Другой достопримечательностью Круглого города была соборная мечеть Мансура, построенная сразу вслед за дворцом. При Харуне ар-Рашиде выяснилось, что мечеть неправильно ориентирована относительно главной святыни ислама — мекканского храма Каабы, обращаться лицом к которому во время молитвы обязаны все мусульмане, поэтому халиф приказал ее разобрать и отстроить заново. После этого мечеть еще несколько раз достраивалась.

Тайны багдадского двора

Постепенно в Багдаде стали селиться коренные иракцы — потомки ассирийцев и вавилонян, выходцы из Ирана, арабы из различных племен и местностей. Здесь же было размещено тридцатитысячное войско Мансура, которое само по себе было весьма разнородным. Представители всех этих этнических групп первоначально говорили на своих языках, однако языком межэтнического общения стал арабский, который, конечно, изменился под воздействием иноязычия, и на этой основе постепенно сложился особый багдадский диалект.

Таким образом, Круглый город Мансура стал постепенно разрастаться. В 773 г. Мансур построил на берегу Тигра еще

один дворец — Хульд (что по-арабски означает «рай»). Затем на восточном берегу Тигра Мансур распорядился разбить специальный военный лагерь Русафу для престолонаследника Махди. Вскоре там также были возведены дворец и мечеть, и Русафа превратилась в один из районов Багдада. Торговля стала особенно бурно развиваться в южном пригороде новой столицы — Кархе.

Постепенно Круглый город Мансура из центра Багдада превратился в один из рядовых его районов. Этому способствовало прежде всего, видимо, то, что халиф Мамун окончательно перенес резиденцию из Зеленого купола во дворец Каср ат-Тин, построенный в начале IX в. вельможей Джафаром ал-Бармаки, который позже был казнен отцом Мамуна Харуном ар-Рашидом. В 892 г., незадолго до рождения Масуди, халиф Мутамид (870—892) обнес Каср ат-Тин стеной, возвел там еще целый ряд построек, разбил сады и огороды. Так образовалась халифская резиденция Дар ал-Хилафа, в которой халифы жили вплоть до взятия и разграбления Багдада монголами в 1258 г.

Вскоре халиф Мутаид (892—902) приказал построить примерно в двух милях от Каср ат-Тина еще один дворец — Сурайа («Плеяды»), соединив его с Дар ал-Хилафой подземным ходом. При халифе Муктафи (901—907) рядом с Дар ал-Хилафой был возведен еще дворец — Тадж («Корона»). Новый дворец был увенчан огромным куполом. Здесь же была возведена специальная соборная мечеть для обитателей халифской резиденции — Джамии ал-Каср («Дворцовая мечеть»). Последние расширения Дар ал-Хилафы, произошедшие при жизни Масуди, были произведены халифом Муктадиром (908—932).

Халифский дворец был настоящим независимым маленьким городом в составе огромного по тем временам Багдада. Размеры дворцового комплекса можно представить себе на

основании того, что, по сообщениям арабо-мусульманских авторов, он простирался в глубину от берега Тигра, на который выходила часть его стены, на целых 12 км. Внутренний гарнизон Дар ал-Хилафы насчитывал около двадцати тысяч охранников, причем только одна смена караула включала пять тысяч пеших воинов, четыреста особых стражников-караульных, восемьсот слуг внутренних покоев. Гвардейцами служили невольники-тюрки. Они были разделены на отряды, которые отличались друг от друга цветами обмундирования. Особо привилегированным полком гвардейцев была личная охрана халифа — ал-мухтарун («отборные»), которая несла службу во время аудиенций. После того как тюркские гвардейцы убили в 864 г. халифа Мутаваккила, они превратились в мощную политическую силу, способную распоряжаться халифским престолом. Масуди неоднократно с болью повествует о том, как они смещали и назначали новых халифов по своему усмотрению.

В систему дворца халифа входили следующие чины:

- эмиры (принцы) аббасидской династии;
- привратники во дворце халифа;
- хаджибы (камергеры) халифа, которых набирали из отпущенных на волю рабов отца халифа;
- прочая челядь — писцы дворцовой канцелярии, чтецы Корана, муэдзины (глашатаи, возвещающие с минаретов начало молитвы), астрологи (мунаджжимун), часовщики, рассказчики занимательных историй, шуты, курьеры, знаменосцы, трубачи и барабанщики, водоносы, ремесленники различных специальностей, конюхи, егеря, служители зверинца, лейбврачи, матросы придворных речных судов.

Хрестоматийно знаменитым элементом дворца восточного владыки является гарем. Конечно же, весьма многочисленный гарем имелся у первого из мусульманских владетелей —

халифа. Вообще-то, согласно мусульманскому праву — шариату, благочестивый мусульманин имеет право на обладание только четырьмя законными женами. Коран гласит даже, что мужчина может осуществлять это право только в том случае, если будет одинаково справедлив ко всем четырем женам. Но в то же время, помимо четырех законных жен, мусульманин может, если позволяют средства, обладать неограниченным числом невольниц.

Противоречия друг другу в деталях, арабо-мусульманские источники сходятся на том, что в гареме халифа содержалось несколько тысяч женщин. Заведовали делами гарема две статс-дамы — кахраманы, одна из которых назначалась лично халифом, а другая — его матерью. В гареме служили сотни евнухов. Среди наложниц халифа больше всего было греческих рабынь, которых захватывали во время постоянных войн с Византией, и рабынь тюркского происхождения. Вполне естественно, что сами Повелители верующих нередко оказывались отпрысками иноземных пленниц. Поэтому аббасидских халифов — современников Масуди с этнической точки зрения лишь весьма условно можно считать арабами. Родственники невольниц, которые имели счастье снискать особое благорасположение Повелителя верующих, также оказывались на гребне судьбы и нередко наводили ужас на всех придворных.

Во времена Масуди халифский дворец отличался изумительной роскошью. Многочисленные источники с восторгом пишут, например, о том, что в Дар ал-Хилафе имелись пруды из ртути и олова, искусно сделанные из драгоценных металлов деревья, на которых сидели и щебетали механические птицы. Так, в одной из зал был круглый пруд с прозрачной водой, посередине которого стояло дерево с восемнадцатью сучьями, отлитыми из золота и серебра. Искусственные листья разных цветов шевелились, имитируя порывы ветра, а

серебряные и золотые птицы оглашали залу сладкоголосым пением. Таково было одно из чудес арабо-мусульманской механики десятого века.

В многочисленных дворцовых садах произрастали розы, нарциссы, анемоны, белые маки, фиалки, жасмин, гранат, мята, гвоздики, лилии, мирт, лотосы, другие цветы, наполнявшие воздух чудесным ароматом. Пруды были украшены лотосом. Халифы не жалели средств на покупку различных редких растений. Например, халиф Кахир (932—934) приказал разбить померанцевый сад. Деревья для сада привезли в Багдад из Басры и Омана, куда они в свое время попали из Индии.

К сожалению, до нашего времени от всего этого великолепия остались одни воспоминания. Халифский дворец был полностью разрушен в 1258 г., когда Багдад был взят и разграблен монголами. Однако еще при жизни Масуди Дар ал-Хилафе был нанесен значительный ущерб. В феврале 929 г. тюркские гвардейцы подняли мятеж против правившего тогда Муктадира в пользу его брата Кахира. Муктадиру удалось подавить это выступление, однако дворец сильно пострадал, находившиеся в нем сокровища были частично разграблены ворвавшейся туда толпой. Это ситуация повторилась в 934 г. во время свержения Кахира, который за два года до этого занял место умершего Муктадира. Со второй же половины X в., когда власть аббасидских халифов почти полностью сошла на нет, Дар ал-Хилафа стала подвергаться систематическим разграблениям в моменты смены халифов, которых в то время чаще всего свергали с престола.

Несмотря ни на какие потрясения незыблемым оставался этикет халифской резиденции. Политически слабеющие Аббасиды стремились хотя бы пышностью дворцового церемониала компенсировать свою реальную немощь.

Во время официальных приемов Повелитель верующих восседал на специальной обитой черным шелком подушке. Он надевал черный шелковый или шерстяной кафтан, а на голове у него красовалась черная шапка — русафия. Халиф был опоясан мечом, перешедшим к нему в наследство от основателя ислама Мухаммада. Слева от него лежал еще один меч в красных ножнах, а спереди — Коран, принадлежавший, по преданию, третьему праведному халифу Осману (644—656). В руках халиф должен был держать посох пророка Мухаммада. Позади стояли стражники. Перед халифом натягивали занавес, который поднимали, когда в приемную залу входили вельможи.

Черный цвет считался цветом династии Аббасидов, он был принят ими в знак траура по главе их рода имаму (предстоятелю, руководителю) Ибрахиму, убитому последним омейядским халифом Марваном ибн Мухаммадом. Мусульмане придавали очень большое значение наличию у халифа посоха, перстня и бурды-плаща пророка Мухаммада. Недаром Марван ибн Мухаммад, окруженный аббасидскими войсками недалеко от местечка Бусир в Верхнем Египте, видя свой близкий конец, зарыл эти знаки халифского достоинства в песок, чтобы они не достались правителям из новой династии. Регалии были найдены только благодаря содействию одного из слуг убитого Марвана.

Входя в залу, где восседал халиф, придворный должен был приветствовать его фразой: «Мир тебе, о Повелитель верующих! Милость Аллаха тебе и его благословение!» К халифу было принято обращаться на «ты», «ибо это самое ясное, убедительное и предпочтительное обращение». С 30-х гг. X в. вошел в употребление обычай целовать перед халифом землю, однако такое раболепие было первоначально чуждо свободолубивому духу арабов-бедуинов и появилось, видимо, не

без влияния иранского дворцового ритуала. В знак особого расположения халиф протягивал руку для поцелуя. Царедворец должен был являться в опрятной одежде, источая аромат дорогих благовоний. Под дорогие одеяния следовало надевать стеганую ватой джуббу (фуфайку), чтобы запах пота не доставлял халифу беспокойства. Перед приемом у Повелителя верующих надо было обязательно почистить зубы. Вельможи входили к халифу степенной походкой, разговаривали с ним тихим голосом, обращались к кому-либо другому только с его разрешения. Знатоки придворного церемониала считали первейшим достоинством царедворца внимать во время приема только халифу и смотреть только на него, несмотря ни на что.

То же самое советует и Масуди читателям своих сочинений. В подтверждение этому он приводит в «Золотых копиях» следующий пример «хорошего тона» в обращении с халифами. Однажды некий знатный вельможа Йазид ибн Шаджара гулял в саду с первым омейядским халифом Муавией ибн Абу Суфианом (661—680). Муавия рассказывал Ибн Шаджаре о том, как его отцу Абу Суфиану удалось остановить сражение, которое разгорелось между арабами еще до ислама. Ибн Шаджара слушал халифа со всевозможным вниманием. Вдруг неизвестно каким образом Ибн Шаджаре в лоб угодил камень, который ударил его так сильно, что по лицу и бороде царедворца потекла кровь. Несмотря на это Ибн Шаджара даже не изменился в лице и дослушал историю Муавии до конца. Видя кровь на лице своего спутника, Муавия спросил, что с ним и почему он не жалуется на боль. Ибн Шаджара ответил, что рассказ халифа был столь занимателен, что он даже не заметил, что с ним творится что-то неладное. Тогда Муавия отпустил Ибн Шаджару, богато его наградив. Масуди считал, что монархов надо обязательно слушать очень вни-

мательно, даже если знаешь то, что они говорят, ибо такое поведение является признаком благовоспитанности. По мнению нашего автора, сердце властителя завоевывают два качества — кротость во время его гнева и внимание к его речи. Поэтому, если кто-то желает добиться благорасположения халифа, ему следует благоговейно внимать.

Важную роль в дворцовом церемониале аббасидских халифов играл хаджиб, обязанностью которого было вводить к Повелителю верующих посетителей. Хаджиб должен был быть зрелого возраста — от тридцати до пятидесяти лет, приветливым в обхождении, опытным в делах. Идя на церемонию, хаджиб одевался в черный кафтан, повязывал черную чалму и опоясывался мечом.

Иногда халиф, окруженный свитой, выезжал в город. Для этого случая подбирали чистокровных отборных коней. Впереди ехал трубач. Знаменосец держал черное знамя, на котором белыми буквами было написано: «Мухаммад — посланец Аллаха». Сопровождающие ехали так, чтобы защищать халифа от ветра и зноя солнечных лучей. Зеваки со всего Багдада собирались поглазеть на потомка дяди пророка Мухаммада.

Очень важную роль в жизни обитателей Дар ал-Хилафы играла одна существенная сторона дворцового церемониала, возможно, наименее официальная, — ночные пиршества халифа с его сотрапезниками, иначе говоря, собутыльниками, — надимами. Безусловно, сам халиф развлекался таким образом, в то время как для надимов ночные бдения у Повелителя верующих были самой настоящей службой, за которую они получали фиксированное жалование. В качестве надимов у халифа служили ученые и литераторы, которые отличались хорошими манерами, остроумием, знали много стихов и анекдотов старинных и современных им поэтов, сами умели сочи-

нять стихи или отличались какими-либо другими достоинствами. Нередко для образованного человека — адиба — служба в качестве надима-сотрапезника у халифа или какого-нибудь другого влиятельного лица была единственным источником существования. Часто надимами халифам служили действительно замечательные деятели арабо-мусульманской культуры. Одним из таких был друг и учитель Масуди Абу Бакр Мухаммад ибн Йахья ас-Сули (ум. ок. 946 г.). Сули учился у крупнейших филологов Салаба и Мубаррада. Он был одним из знаменитых шахматистов своего времени, благодаря чему и оказался при дворе халифа Муктафи (902—908), страстного любителя шахмат. Однажды состоялся матч между Сули и другим видным шахматным игроком той эпохи — Маварди. Первоначально, как сообщает Масуди, халиф держал сторону Маварди, которого он хорошо знал и манерой игры которого восхищался. Однако вскоре проявилось превосходство Сули, и Муктафи стал «болеть» за нового шахматиста. Впоследствии Сули составил специальное сочинение об аббасидских халифах, в котором он уделил особое внимание властителям, с которыми ему лично довелось общаться. В этом сочинении Сули подробно пишет о личной жизни халифов, о том, как проходили ночные застолья, на которых присутствовали надимы. Фактически «История Аббасидов» Сули является одним из первых арабо-мусульманских сочинений мемуарного жанра.

Надо сказать, что во времена Масуди шахматы получили широкое распространение в Халифате, прежде всего, конечно, среди знатных лиц. Видимо, арабы унаследовали эту игру от иранцев, к которым она, в свою очередь, попала прямо со своей родины — из Индии. Воспоминание о том, что родина шахмат — Индия, сохранилось и в арабо-мусульманское время. Масуди, например, сообщает, что изобретателем этой игры

является легендарный индийский царь Балхит, который придумал шахматную доску и фигуры, соответствующие небесным телам. Шахматы, изобретенные Балхитом, были волшебными, и с их помощью царь мог разгадывать замыслы своих врагов. Подробно описывает Масуди также и шахматные доски, существовавшие в его время, сообщает интересные сведения о том, каким образом проводились шахматные состязания. Оказывается, шахматисты во время игры подогревали свой спортивный пыл различными шутками, анекдотами и смешными стишками, которые, по мнению Масуди, помогали им добиваться успеха.

Вернемся, однако, к багдадским халифам и их сотрапезникам. Все тот же Сули оставил описание того, как проходили беседы халифа Ради (934—940) с его надимами. Первоначально все присутствующие читали хвалебные стихи в честь Повелителя верующих. Затем Ради начинал сетовать на бремя власти, утверждая, что стал халифом не по своей воле. Надимы всячески старались его утешить. Сам Сули говорил Ради, что бремя, которое нес пророк Мухаммад, было куда как более тяжелым, нежели участь халифа.

Несмотря на то что ислам не приветствовал употребление вина, в покоях аббасидских халифов оно лилось рекой. Нередко устраивались далеко не шахматные и не спортивные состязания в винопитии, причем побеждал тот, кто раньше показывал халифу опорожненный кубок.

Однако наиболее интересным как для халифа, так и для всех участников ночного пиршества были те рассказы и анекдоты, которыми надимы развлекали Повелителя верующих. Немало таких рассказов, не всегда носящих пристойный характер, сохранилось в «Золотых копиях» Масуди. Приведем один из них.

Жил в Мекке один низкий человек, который устраивал в своем доме собрания, где мужчины и женщины предавались

блуду. Был он знатным курайшитом (соплеменником основателя ислама Мухаммада. — Д.М.). Как-то жители священного города пожаловались на него правителю, который выслал нечестивца на близлежащую гору Арафат. Однажды злодей тайком пришел в Мекку и договорился с остальными развратниками о том, чтобы они нанимали ослов и ездили к нему для вкушения наслаждений. Нечестивые собрания вновь участились, о чем снова узнал правитель. Он послал за сводником и, когда того привели, сказал ему:

— Ах ты, враг Аллаха! Я выгнал тебя из священного города, но ты вновь развращаешь сограждан!

Распутник, конечно же, полностью отрицал всяческую вину. Тогда жители Мекки посоветовали правителю собрать всех наемных ослов и послать их на Арафат — если они придут к дому нечестивца, значит, он виновен. Правитель повелел поступить им таким образом. Ослы, конечно же, пришли прямо к дому развратника. Правитель счел это свидетельское показание достаточным для того, чтобы наказать сводника хорошей поркой, однако когда того привели и он увидел приготовленные плети, то сказал, что его нельзя наказывать на основании показания ослов, так как тогда все мекканцы станут посмешищем жителей Ирака. Правитель рассмеялся и отпустил развратника на все четыре стороны.

Некоторых надимов, даже очень знатного происхождения, весьма влиятельных, служба у халифа не доводила до добра. Масуди сообщает, что совместные ночные трапезы с Харуном ар-Рашидом привели одного из членов знаменитой вазирской династии Бармакидов к гибели, после чего халиф приказал подвергнуть опале весь этот род, который был почти поголовно уничтожен. Дело в том, что халиф питал особую привязанность к сыну своего вазира Йахьи ал-Бармаки Джафару, который, как и халиф, был большим знатоком фило-

софии. По ночам Харун ар-Рашид любил встречаться с Джафаром и обсуждать с ним различные философские проблемы. Вскоре об этих встречах узнала сестра халифа, Аббаса, которая выразила желание также принимать участие в этих беседах. Желая придать присутствию своей сестры на ночных встречах законный с точки зрения шариата характер, Харун ар-Рашид решил выдать сестру за Джафара, но потребовал, чтобы брак так и остался фиктивным. Аббаса, которая стала посещать философские беседы в качестве жены Бармакида, вскоре полюбила умного, образованного и красивого вельможу. Она пожелала, чтобы брак их стал не фиктивным, а самым настоящим, однако Джафар не смел ослушаться халифа, страшаясь его гнева. Тогда Аббаса, заручившись поддержкой матери своего мужа, соединилась с ним под видом рабыни-невольницы и родила от него ребенка. Поздно узнавший правду Джафар попытался скрыть свои подлинные отношения с Аббасой от ее царственного брата, однако вскоре все стало явным — тайну влюбленной раскрыла халифу его супруга госпожа Зубайда, с которой Аббаса поссорилась. Разгневанный халиф велел казнить Джафара и опозорившую халифский род Аббасу. После этого репрессии якобы были применены и против всех остальных Бармакидов. На самом деле история падения Бармакидов, приведенная Масуди, является всего-навсего красивой легендой. Халиф расправился со своими верными слугами потому, что, с одной стороны, боялся их возрастающего влияния на государственные дела, а с другой стороны, хотел завладеть их огромными богатствами, которые и были сразу же конфискованы.

Вообще, о халифском дворце, о халифах среди жителей Багдада ходило множество легенд и преданий, некоторые из которых были записаны Масуди и благодаря ему дошли до нас.

Так, например, наш автор приводит рассказ знаменитого певца начала IX в. Исхака ал-Маусили о том, что однажды во время ночного пира ему довелось петь в покоях Харуна ар-Рашида. Когда все гости и музыканты стали расходиться, Харун ар-Рашид велел Исхаку ал-Маусили посидеть еще немного, а сам задремал. Вдруг в халифских покоях появился какой-то незнакомый Исхаку юный красавец. Музыкант удивился тому, что этот юноша вошел в столь поздний час без доклада к самому Повелителю верующих, и решил, что это, наверное, сын Харуна ар-Рашида от одной из многочисленных наложниц, которого Исхак еще не знал. А таинственный пришелец взял у музыканта лютню, чудесно заиграл на ней и запел. Потом он положил лютню на место, сказал Исхаку: «Если уж собираешься играть, то играй только так», — и вышел из залы. Пораженный всем случившимся Исхак ал-Мавсили подошел к хаджибу и спросил, кто был тот юноша, что только что вышел из этой залы. Хаджиб ответил, что в залу сейчас никто не входил и никто из нее не выходил. Еще более растерянный Исхак вернулся назад и рассказал обо всем случившемся проснувшемуся Харуну ар-Рашиду. Халиф решил, что музыканту являлся сам черт-шайтан, и попросил его спеть песню, которую он слышал от пришельца. Маусили заиграл и запел. Мелодия и слова очень понравились халифу, и он отпустил музыканта домой, богато его наградив.

Современная филологическая наука показывает, что в данной новелле мы имеем дело с распространенным у различных народов мира сюжетом о призвании певца, который был детально исследован известным отечественным литературоведом академиком В.М. Жирмунским. Ученый доказал, что сюжет о получении человеком музыкального или поэтического дара от какого-либо сверхъестественного существа сло-

жился под воздействием веры в то, что источником вдохновения является не сам человек, а некий покровительствующий ему дух. Надо отметить, что уже во времена Масуди к подобным историям относились с большой иронией. Так, современник Масуди, автор многотомного собрания биографий арабомусульманских поэтов «Книга песен» Абу-л-Фарадж ал-Исфахани, приводящий в своем труде аналогичную легенду об отце Исхака Ибрахиме ал-Маусили, пишет, что он, наверное, сам все это сочинил, для того чтобы поднять свой престиж в глазах ценителей поэзии и музыки.

Весьма одиозной фигурой, о которой также ходило много всевозможных легенд, был халиф Мутаидид, во время правления которого родился Масуди. Нашему автору удалось создать запоминающийся образ этого умного и хитрого деспота, отличавшегося патологической жестокостью. В глазах писателей второй половины X в., когда халиф стал полностью номинальной фигурой, Мутаидид был не просто тираном-садистом, но халифом, которому на время удалось приостановить развал государства. Масуди же еще не чувствует «пафоса дистанции». Для него Мутаидид — это прежде всего кровавый тиран. Действия халифа, направленные на усиление централизованного государства, — укрепление связей с правителем Египта Хумаравайхом, разгром ополчения экстремистской секты хариджитов в Ираке, подчинение бедуинского племени бану шайбан, которое занималось грабежами на дорогах, — все это, с точки зрения Масуди, не столь важно, как жестокость и беспощадность Мутадида, который построил во дворце специальные камеры, где пытали его противников.

Как и всякого тирана, Мутадида мучила совесть. Он боялся, что на том свете его ожидает суровая кара за содеянное. Поэтому неудивительно, что, как сообщает Масуди, в один прекрасный момент халифу стало мерещиться, будто ему

является какой-то призрак. Порой перед Мутаидом предстал белобородый монах в черном облачении, порой — молодой мужчина с черной бородой, порой — старец в купеческой одежде. Однажды призрак явился с мечом в руке и зарубил одного слугу. Халиф приказал запираить все двери во дворце. Однако это не помогало — видение преследовало его, где бы он ни находился. Поскольку Мутаид не делал секрета из того, что ему чудилось, по Багдаду поползли слухи и толки о видениях халифа. Одни говорили, что Мутаиду является шайтан, другие — что это один из правоверных демонов-джиннов, который приходит к Мутаиду за то, что тот пролил много крови. Третьи же утверждали, что некий слуга халифа влюбился в одну из его наложниц и стал ее посещать, а чтобы быть невидимым для стражей гарема, он воспользовался каким-то волшебным веществом. В данном случае, правда, непонятно, зачем же этот слуга-чародей все же иногда показывался Мутаиду. Как бы то ни было, эти сплетни и пересуды дошли до халифа, и он, разгневавшись, приказал утопить часть своих слуг и наложниц, а часть казнить другим способом, однако природу посещавших его видений выяснить так и не удалось.

В другой раз, как повествует Масуди, Мутаиду больше повезло в борьбе с одним таинственным противником. Нужно было заплатить жалование воинам, и для этой цели халиф распорядился отпустить войсковому казначею из государственной казны значительную сумму денег. Казначей же велел своим слугам отнести мешки с деньгами к себе домой, чтобы на следующий день рассчитаться с наемниками. Однако ночью кто-то совершил подкоп под стены дома казначея, пробрался туда и унес деньги. Встав утром и обнаружив пропажу, казначей велел позвать начальника караула, который в ту ночь охранял его дом, и потребовал любыми средствами разыс-

кать вора, грозя в противном случае гневом Повелителя верующих Мутадида. Испуганный начальник караула обратился тогда к так называемым таввабам — бывшим вора, которые на склоне лет решили оставить эту опасную профессию и перейти на службу к властям. Ныне почтенные старцы, а в прошлом грозные воры разбежались по улицам, переулкам и рынкам Багдада. Они шарили по кабачкам и игорным домам, пока не привели какого-то неказистого оборванца. Начальник караула просто не поверил своим ушам, когда таввабы заявили, что именно этот невзрачный человечек сумел утащить деньги, пропажа которых могла привести к бунту в войске. Предполагаемого вора стали допрашивать, чтобы вывести имена его сообщников и узнать, куда он спрятал золото. Пойманный от всего отпирался. Тогда начальник караула стал улачивать вора, суля ему большую награду, если он поможет найти пропавшую казну. Но и это было тщетно. Потерявший терпение начальник караула приказал нещадно бить этого человека, однако тот опять ни в чем не сознался. Наконец обо всем этом доложили Мутадиду. Халиф вызвал к себе начальника караула, выбранил его за нерадивое ведение допроса, а потом приказал доставить предполагаемого вора к себе. Пойманный ни в чем не сознался и Мутадиду. Тогда халиф велел выдать из казны другие деньги взамен исчезнувших и раздать их солдатам, а сам громогласно заявил в присутствии вельмож и, конечно же, этого человека, что тот не виноват и напрасно подвергался пыткам и что теперь его следует холить и лелеять. Вора с головой окунули во все удовольствия, которые только имелись в распоряжении Повелителя верующих. И когда пойманный, устав от наслаждений, заснул на пуховой перине, Мутаид велел принести его к себе. Полупроснувшегося вора посадили перед халифом, и он ласково сказал ему: «Ну, а теперь расскажи мне, как ты это сделал, куда де-

вал деньги и кто тебе во всем этом помогал.» Вор ответил: «Я все сделал сам. А деньги спрятал в баньке напротив дома казначея под кучу хвороста». Мутаид велел слугам вновь уложить вора в постель, а потом принести деньги из бани. Стражники нашли там всю украденную сумму в целости и сохранности. А вора халиф приказал убить, накачав его воздухом при помощи мехов.

Базарные страсти

Несмотря на то что халифский дворец постоянно притягивал внимание горожан, все-таки не он был подлинным центром Багдада.

Настоящим средоточием городской жизни были багдадские рынки, где встречались люди, приехавшие со всех концов Халифата и даже из-за его рубежей, где заключались торговые сделки и где, если верить сказкам «1001 ночи», простой торговец мог условиться о любовном свидании с дочерью знатного вельможи. Видимо, базары в общей сложности занимали около половины всей площади Багдада. Первые рынки были спроектированы по приказанию основателя Багдада Мансура и помещались в крытых улицах, которые вели от внешних городских ворот к воротам халифской резиденции. В 773 г. Мансур, боясь беспорядков, велел перевести все базары из Круглого города в пригород Багдада Карх. Здесь во времена Масуди имелись отдельные рынки для представителей различных торгово-ремесленных профессий: продуктовый рынок, рынок книготорговцев, рынок торговцев тканями, рынок менял. По мере развития Багдада и роста торговых связей новой столицы в квартале Харбийя появились рынки, на которых различными экзотическими товарами торговали купцы из Хорасана, Мерва, Балха, Бухары, Хорезма и других ближних и дальних городов и областей Халифата. Купцы,

приехавшие издалека, объединялись в землячества и избирали специальных старейшин, которые представляли их интересы перед государственными властями. Особые рынки иностранных купцов, главным образом китайцев и индийцев, располагались у Сирийских ворот (Баб аш-Шам) в западной части города.

Базар играл такую важную роль в Багдаде и других городах Востока в средние века по той причине, что здесь, в отличие от Западной Европы, никогда не замирала торговля, достаточно развиты были товарно-денежные отношения. Во времена Масуди получили распространение различные формы кредита, проводились некоторые операции банковского типа. Впоследствии многие из этих операций, а также способы ведения деловой документации были заимствованы на Западе.

«Основной единицей», если так можно выразиться, восточного базара, в том числе и в Багдаде, была и остается до настоящего времени лавка-дуكان, которая представляет собой достаточных размеров комнату, выходящую на улицу. Граница между лавкой и улицей весьма зыбка, так как часть товаров лежит прямо на земле. Владельцы лавок сидели там с утра до вечера, даже не отлучаясь домой на обед — еду приносили торговцу прямо из соседних трактиров.

Наиболее престижными и доходными являлись профессии, связанные с производством и продажей предметов роскоши — ювелирных изделий, дорогих тканей, специй. Пословица того времени гласила: «Самая лучшая торговля — это торговля батистом, а самое лучшее ремесло — обработка кораллов». Несколько менее почетным считалось торговать зерном. Еще ниже на ступенях иерархической лестницы профессий восточного базара стояли гончары, кожевники и, наконец, мясники.

Хорошо известно, что мусульманское право запрещает взимание ссудного процента — рибана. Если бы это положение шариата действительно воплощалось в жизнь, то многие торгово-финансовые операции было бы просто невозможно осуществить. Как же реально функционировала торговля в арабо-мусульманском мире? С одной стороны, в качестве ростовщиков нередко выступали иудеи, на которых их религия не накладывала подобного запрета, а с другой стороны, сами торговцы-мусульмане находили способы обойти это правило.

Всякий, кто имеет хоть какое-то представление о восточном базаре, знает, что одной из наиболее ценимых там черт является умение красиво и с достоинством торговаться. Так было и во времена Масуди. Продавец и покупатель долго примеривались друг к другу, покупатель мог несколько раз отойти от товара, к которому приценился, но в конце концов, если вещь была действительно нужна и нравилась, обе стороны сходились на обоюдной приемлемой цене, ударяли по рукам и громкогласно заявляли о том, что сделка состоялась: продавец кричал, что он продал товар, а покупатель — что купил. Без этого акт купли-продажи считался недействительным.

Коренное отличие средневекового Ближнего Востока от средневекового Запада заключалось в том, что город на Востоке никогда не был, да так и не стал, носителем зачатков новых, буржуазных отношений, развитие которых привело в Европе к смене феодальных отношений капитализмом. Горожане в арабо-мусульманском мире не были организованы как сословие. У них не имелось цеховых организаций, подобных тем, которые существовали в городах Западной Европы. Соответственно, на Востоке не было и муниципальных институтов, при помощи которых жители городов могли бы отстаивать свои права. «Главой» того или иного города считался

наиболее состоятельный, уважаемый и влиятельный его житель — раис или шейх, который представлял город перед чиновниками государственной администрации и благодаря тому авторитету, которым пользовался среди горожан, обеспечивал бесперебойное поступление налогов в государственную казну. Контроль за торговлей осуществляли правительственные чиновники, которые подчинялись правителю (наместнику) округа, куда входил тот или иной город. По-арабски наместник назывался «вали» или «амир». Наместнику подчинялись сборщики налогов и начальник полиции (сахиб аш-шурта). Важным постом в аппарате городского управления был пост мусульманского судьи — кади, обязанностью которого было разбирать тяжбы между горожанами по поводу имущества, заниматься разделом наследства, исполнять роль нотариуса и хранителя вкладов. Как и раис, кади выбирался властями из наиболее влиятельных и сведущих в шариате жителей города. Помощниками кади были постоянные свидетели — шухуд, нечто вроде присяжных заседателей. Что касается собственно Багдада, то его восточная часть управлялась непосредственно халифом, а западная — особым чиновником. Эта должность считалась весьма почетной, но чрезвычайно трудной.

Непосредственно за ходом торговли на базаре надзирал мухтасиб. Он следил за тем, чтобы меры и веса отвечали установленным стандартам, чтобы торговцы и покупатели не обманывали и не оскорбляли друг друга. Первоначально мухтасиб избирался самими торговцами и ремесленниками, но с начала X в. эта должность также превратилась в чиновничий пост. За порядком на рынках и в других общественных местах следили полицейские, носившие на поясе длинные ножи. По ночам — до начала утренней мусульманской молитвы — по Багдаду ходили специальные полицейские патрули.

Утехи багдадского простонародья

Базар был не только центром торговли, но и центром народной жизни и народной культуры Багдада. Здесь, прямо среди торговых рядов, возвышались мечети, в которых торговцы и ремесленники молились до, во время и после трудового дня. Мечети были не только чисто культовыми сооружениями. Они выполнял также и весьма важную политическую функцию. По пятницам в мечетях собиралось практически все взрослое мужское население Багдада. Здесь слушали проповеди, в которых почти всегда говорилось о важных политических вопросах того времени, и нередко собрания мусульман в мечетях заканчивались широкими народными восстаниями. Всего же в Багдаде в начале X в. было около 27 тыс. молитвенных мест.

Недалеко от базаров помещались и своеобразные городские клубы — бани-хаммамы. Во время Масуди в Багдаде было около 10 тыс. бань. Многие хаммамы были богато украшены стенными росписями и мозаикой. Масуди сообщает, что довольно часто там можно было увидеть изображения фантастической птицы грифа, на которой, согласно мусульманским преданиям, летал по небу Искандер Зу-л-Карнайн — Александр Македонский. Именно из-за этих изображений ревнители чистоты ислама относились к посещению бани с большой неприязнью и подозрительностью.

Здесь же, на базарах, выступали бродячие артисты и исполнители произведений так называемой народной литературы. Дело в том, что средневековая ученая литература, главным образом поэзия, которая ориентировалась на доисламские, аравийские образцы, была мало понятна широким слоям горожан, которые зачастую были неграмотными и уж во вся-

ком случае весьма слабо разбирались в тонкостях грамматики арабского литературного языка — ал-фусха («наикрасноречивейшего»). Поэтому, видимо, хотя данные об этом весьма скудны, на ранних этапах распространения арабского языка в качестве разговорного в городах арабо-мусульманского мира возникает специфическое городское народное словесное творчество — поэзия и проза. Наиболее известным памятником этой литературной традиции является знаменитый сборник сказок и новелл «Книга 1001 ночи», переведенный с арабского на многие языки мира, в том числе и на русский. Кстати, Масуди — первый арабо-мусульманский автор, который упомянул это сочинение. В «Золотых копиях» Масуди мы также впервые находим упоминание об одной из героинь плутовских новелл «1001 ночи» Далиле-Хитрице. Существовали не только сборники относительно коротких новелл, но и длинные романы о похождениях доблестных арабских витязей, печатные издания которых занимают много томов.

Масуди приводит интересный рассказ о приключениях одного уличного актера в халифском дворце во времена Мутадида, который, как мы уже говорили, славился необузданной жестокостью. Вот как повествует наш автор:

«Жил в Багдаде человек, который рассказывал людям на улицах занимательные истории о смешных и забавных происшествиях. И звали его Ибн ал-Магазили. Он был таким искусным рассказчиком, что всякий, кто его слышал, не мог удержаться от смеха. Вот что он однажды поведал.

"Было это во время правления Мутадида. Я стоял у ворот дворца и развлекал собравшихся шутками. К толпе присоединился один из слуг халифа. Тогда я рассказал историю о слугах, которая ему очень понравилась. Он ушел, но вскоре вернулся назад, взял меня за руку и предложил мне пойти к

халифу и потешить его моими рассказами. Однако за это я должен был отдать слуге половину награды, которую пожалует мне Повелитель верующих. Я попробовал было уговорить слугу взять с меня одну шестую или четверть будущей награды, однако он ни за что не соглашался, и мне волей-неволей пришлось уступить. Потом меня привели к Повелителю верующих. Взглянув на меня, он сказал:

— Выкладывай свои шутки. Если рассмешишь меня, то пожалую тебе пятьсот дирхамов, а если нет, накажу, как сам пожелаешь.

Тут-то я и сказал на свою беду:

— У меня ничего нет, кроме затылка. Так вели стукнуть по нему как хочешь, сколько хочешь и чем хочешь.

Халиф согласился на это условие и сказал, что велит ударить меня кожаным мешком, что стоит в углу. Увидев, что мешок этот большой, я поначалу испугался, но потом подумал, что он, наверное, пустой. Тут я стал рассказывать смешные истории. Наконец, запасы мои иссякли. Я замолчал, смолк и похолодел от страха.

— Ну, что ж ты, продолжай, — сердито проговорил халиф, меж тем как его слуги, не в силах сдержать смех, разбежались кто куда.

— О Повелитель верующих! — ответил я. — Клянусь Аллахом, я еле жив, голова раскалывается от боли. Таких несмешливых, как ты, я еще не встречал. У меня осталась одна-единственная шутка. Ты обещал наградить меня в случае неудачи десятью ударами. Прошу тебя, добавь еще десять, чтобы удвоить то, что мне причитается.

С трудом сдержав смех, халиф ответил:

— Пусть будет так.

Потом халиф приказал стражнику схватить меня за руки, я подставил затылок, по нему стукнули мешком — и на меня

словно обрушилась крепость. В мешке оказалась галька величиной с булыжник. Вот этим-то мешком меня и отдубасили десять раз, да так, что шея у меня чуть не переломилась и горло едва не порвалось. Получив десять полновесных ударов, я вскричал:

— Господин мой! Разреши сказать слово!

Халиф велел прервать наказание и спросил меня, что еще я хочу ему сказать. Я ответил, что обещал слуге, который привел меня во дворец, половину того, что мне причитается. Повелитель верующих удвоил награду, половину которой я уже получил. Вторая же половина по праву причитается слуге.

Тут Мутаид повалился на пол от смеха и задрыгал ногами. Наконец, успокоившись, халиф велел привести того слугу и отсчитать ему остальные удары. Слугу стали бить, а я подошел к нему и сказал:

— Я просил тебя пожалеть несчастного бедняка, а ты упорствовал и соглашался взять только половину.

Услышав, как я отчитал слугу, халиф снова расхохотался. Потом он достал кошелек, в который заранее положил пятьсот дирхамов, и сказал слуге:

— Это я приготовил для тебя. А твоему сотоварищу я ничего не дам.

Тогда я воскликнул:

— О Повелитель верующих! Будь справедлив. Если ты хочешь заплатить ему все деньги, то ударь его еще десять раз.

Халиф поделил деньги между нами, и мы разошлись».

На первый взгляд кажется, что приведенный рассказ является изящной бытовой зарисовкой, правдиво изображающей жестокие нравы халифского двора времен Мутаида. На самом деле этот эпизод вряд ли мог иметь место в реальности. Дело в том, что сюжет рассказа об Ибн ал-Магазили

имеет фольклорные истоки. Подобные плутовские сказки встречаются у многих народов, в том числе у русских, немцев и турок. Историческая ценность рассказа Масуди о шуте Ибн ал-Магазили заключается в другом: здесь ясно говорится, что в Багдаде существовала специальная профессия уличного рассказчика анекдотов и смешных историй. Фольклорный характер истории Масуди подтверждается также и тем, что новелла с аналогичным сюжетом имеется в «1001 ночи». Только там главного героя зовут Ибн ал-Кариби, халиф — Харун ар-Рашид, а в качестве слуги, приведшего потешника к халифу, выступает исторически существовавший начальник дворцовой стражи Харуна ар-Рашида Масрур. Скорее всего, новелла о дележе дирхамов и побоев была заимствована позднейшими редакторами «1001 ночи», которая переделывалась и вбирала в себя новые тексты вплоть до XVI века, непосредственно из «Золотых копей» Масуди. Таким образом почерпнутый нашим автором из городского фольклора рассказ вновь вернулся в народную литературу.

Большое развитие торговли в Багдаде времен Масуди, наличие многочисленных рынков указывает на то, что значительную часть населения этого города, которое современными исследователями исчисляется в несколько сот тысяч человек (цифра 2 млн чел., часто встречающаяся в средневековых источниках и научной литературе прошлого, ныне представляется нереальной), составляли люди, так или иначе связанные с базарной торговлей — ремесленники и хозяева лавок — купцы. Вполне понятно, что они не представляли единообразного социального слоя. Здесь были и ремесленники-бедняки, и богатые купцы, обладавшие огромными состояниями и имевшие торговые связи со всеми областями Халифата.

Все багдадцы равны, но некоторые равнее

Значительная роль товарно-денежных отношений в арабомусульманском мире способствовала тому, что здесь не сложилось феодальное сословие в европейском смысле этого слова. По крайней мере, в эпоху Масуди границы между условиями были весьма размытыми. Человек становился знатым в зависимости от своего состояния и успехов в политической сфере. С точки зрения происхождения наиболее развитыми считались потомки родственников пророка Мухаммада — Хашимиты (бану хашим). Вместе с тем они зачастую и не занимали высокого положения, несмотря на то что халифская казна выплачивала Хашимитам пенсии и не взимала с них особого мусульманского налога — садаки. Хашимиты также не подлежали и обычной мусульманской юрисдикции. Их главным судьей являлся старейшина Хашимитов — накиб, которого назначал халиф. В клане бану хашим имелись две основные группировки — потомки дяди Мухаммада, Аббаса, — Аббасиды и потомки двоюродного брата и одновременно зятя Мухаммада, четвертого мусульманского халифа Али ибн Абу Талиба, — Алиды. Как помнит читатель, Аббасиды захватили в 750 г. власть в Халифате, воспользовавшись плодами многолетней борьбы, которую вели против режима Омейядов Алиды. Те, оставшиеся не у дел, безусловно, были весьма недовольны властью Аббасидов и часто организовывали восстания с целью свержения своих более счастливых соперников. Постепенно среди Алидов и их сторонников сформировалось особое направление в исламе — шиизм. Аббасидские халифы, придерживавшиеся другого направления ислама — суннизма, не без оснований считали шиитов своими злейшими врагами. Во второй половине IX в. был издан указ, запрещавший Алидам — ядру шиизма — арендовать государственные угодья,

ездить верхом на лошадях, держать больше одного раба, давать свидетельские показания в суде.

В Багдаде шииты селились главным образом в восточной его части, в квартале Карх. Обычно они собирались для совместных молитв и бесед в мечети Бараса. Видимо, эти сборища носили такой опасный для властей характер, что около 925 г. мечеть была разрушена по приказу халифа.

Почетом среди мусульман пользовались потомки остальных троих праведных халифов — Абу Бакра, Омара и Османа, хотя, конечно, они не обладали теми привилегиями, что Хашимиты. Весьма знатными считались также и потомки первых мусульман — сподвижников основателя ислама Мухаммада. К этой социальной группе принадлежал и Масуди. Совершенно неясно, каково было имущественное положение его отца и род его занятий. Судя по тому, что Масуди практически ничего не пишет о состоянии торговли в Багдаде, а сведения о торговых делах в других местах, которые он посетил за время своих долгих странствий, весьма отрывочны, он не принадлежал к торговому сословию. Возможно, что наш автор происходил из семьи потомственных ученых и приобретенная им широкая образованность являлась не только плодом его личных усилий, но и проявлением семейных традиций.

Говоря о населении Багдада времен Масуди, нельзя не сказать о том, что значительную его часть составляли невольники. Рабами обладали представители всех религий, проживавшие в Халифате, — и мусульмане, и иудеи, и христиане. Рабов доставляли в столицу с невольничьих рынков Северной Африки, Египта и Йемена караванами вместе с золотом и другими драгоценными товарами. Невольниками были как чернокожие африканцы, так и белые. Имелось также значительное количество рабов-тюрок, которые использовались в качестве

халифской гвардии. Белокожие рабы ценились дороже, чем чернокожие. Из белокожих самыми лучшими считались рабы славянского происхождения. Славяне попадали в Халифат обычно двумя путями — либо через Поволжье, либо по Средиземному морю из Германии, Испании и Прованса. Из Руси, Польши, Чехии и других славянских земель невольников в Германию доставляли купцы, проживавшие в городах восточной Саксонии.

В Багдаде и других крупных городах Халифата невольников использовали главным образом в качестве домашних слуг, нянек, поваров и домоправителей. Имелось также значительное количество рабов, владевших каким-либо ремеслом. Такой раб должен был выплачивать своему господину определенную сумму ежедневно в качестве оброка. По сообщению Масуди, таким невольником-портным был известный впоследствии, во время правления Харуна ар-Рашида музыкант и поэт Мискин ал-Мадани. Ежедневно он должен был платить своему хозяину два дирхама. Раб-ремесленник мог со временем выкупить себя у хозяина в рассрочку. Многие девицы также были рабынями. Обученные пению и музыке девушки стоили особенно дорого. Например, в начале X в. за одну такую невольницу давали в Багдаде 13 тыс. золотых монет — динаров. Рабство считалось в эпоху Масуди, да и много позже, вполне естественным явлением. Поэтому ни наш автор, ни другие арабо-мусульманские писатели ни единым словом не высказывают возмущения по этому поводу. Наоборот, арабо-мусульманские авторы гордятся «гуманным характером» рабства при исламе — ведь, согласно шариату, рабов запрещалось бить и считалось богоугодным делом давать рабам по мере возможности вольную. Однако надо ли говорить о том, что эти благочестивые установления далеко не всегда воплощались в реальной действительности.

Помимо торговцев, ремесленников, знати, лиц, связанных с отправлением мусульманского религиозного культа, и рабов, имелось много людей без определенных занятий, люмпенов — бродяг, нищих, воров — одним словом, тех, кого принято называть городским дном. Эти люди не имели не только постоянной работы, но также и постоянного жилья. Днем они шатались по базарам, улицам, переулкам и площадям Багдада, попрошайничали, завязывали драки, воровали. По ночам же они ютились в жалких шалашах, в банях, а то и просто под открытым небом. Среди багдадских бродяг и воров были настоящие виртуозы жульничества и обмана. С одним из них читатель познакомился, когда мы рассказывали о жестоком халифе Мутадиде.

Масуди приводит другой случай, который произошел во время триумфального шествия, устроенного в Багдаде тем же халифом по случаю захвата в плен одного мятежника. На улицах собрались толпы народа. Особенно много людей было на мосту через Тигр, отчего его опоры не выдержали и подломились. Обломки моста, а также люди, бывшие на нем, упали на проходивший по реке корабль, на котором плыло много багдадцев, любовавшихся праздником. Погибло более тысячи человек. Утопленников стали вытаскивать из Тигра баграми, и среди прочих извлекли труп мальчика в богатой одежде, украшенной драгоценными камнями. Некий почтенного вида старец принялся громко причитать, говоря, что утонувший мальчик — его сын. Старику отдали тело ребенка; наняв осла и положив на него утопленника, он удалился, все так же громко стеля. Вскоре прибежал некий богатый купец по имени Йасар; ему сообщили о том, что из Тигра вынули тело богато одетого мальчика, и несчастный купец узнал в нем по описанию своего сына. Однако ни утонувшего мальчика, ни благообразного старика, который увез труп ребенка на осле,

у берега реки и в помине не было. Выяснилось, что седобородый старик был знаменитым на всю столицу вором, который польстился на богатую одежду и драгоценные украшения погибшего купеческого сына и ловко сыграл на сочувствии толпы багдадцев родительскому горю.

В другой раз этот авантюрист вооружился киркой, взял пустой кувшин, оделся в лохмотья и отправился к дому одного богатого вельможи. У ворот дома было расположено несколько лавочек, где продавалась всякая всячина. Мошенник принялся колотить киркой по стенам и дверям лавок, нанося им этим немалый урон. Сбежался весь квартал, вышел и сам хозяин богатого дома. А оборванный старик все бил и бил киркой по стенам лавок. Вельможа спросил старика, зачем он поступает таким образом и кто ему повелел это делать. Оборванец ответил, что рушит лавки по повелению хозяина дома. Тогда все собравшиеся закричали, что хозяин дома перед ним и что он ничего подобного не приказывал. Старик же подошел к своему кувшину, стоявшему поодаль, и показал жестами, будто он прячет туда свою одежду. Тогда собравшиеся единогласно решили, что нищего безумца, наверное, обманул кто-нибудь из соседей судьи, украв у него одежду. Прослезившийся судья спросил мнимого сумасшедшего, что у него пропало. Тот ответил: «Рубаха, что я вчера купил, покрывало для дома да шальвары». Это признание еще больше разжалобило всех собравшихся. Они насыпали старику целый кувшин золотых и серебряных монет, а судья подарил ему богатую одежду и дал еще денег от себя лично. Вскоре «нищий» исчез и больше уже не появлялся в том квартале. Масуди также сообщает, что в молодости этот знаменитый вор на спор похитил из собственного дома одного придворного врача и принес его халифу Мутаваккилу в сундуке.

В Багдаде, как и в других арабо-мусульманских городах, существовала даже особая организация аййаров («оборванцев»). Члены этой организации назывались футувва («молодцы»). Сейчас трудно уже выяснить, было ли это объединение деклассированных элементов или же организация городской молодежи из числа сыновей ремесленников и мелких торговцев. Возможно, в нее входили и те, и другие. Братство футувва было иерархически организовано, обладало особым ритуалом посвящения. Его члены носили шаровары специального покроя, по которым быстро узнавали друг друга. Аййары грабили или собирали дань с наиболее богатых и жадных торговцев и раздавали ее беднякам. Когда в организацию футувва вступал новый член, предводитель знакомил его с хадисами — преданиями о поступках и изречениях основателя ислама Мухаммада, свидетельствовавшими о том, что Мухаммад передал «кодекс чести» аййаров будущему четвертому халифу Али, от которого, в свою очередь, эти неписанные правила перешли к руководителям главы братства. Потом новичок выпивал чашу холодной воды и приносил клятву защищать бедных и сирых.

Аййары были искусны в военном деле и представляли собой значительную силу.

Во время осады Багдада войсками Мамуна один из его военачальников, ал-Мусаййиб ад-Дабби, установил катапульты в восточной части города. Безжалостный обстрел камнеметных машин причинял наибольший урон простым багдадцам. Тогда на защиту родного города, как сообщает Масуди, выступили аййары и «обитатели тюрем». Они, по словам нашего автора, сражались обнаженными — в одних только набедренных повязках. Панцири и шлемы аййары мастерили из пальмовых листьев. Оружием им служили камни и палки. Несмотря на плохое вооружение, ополчение багдадцев не было

беспорядочной толпой. Они были разделены на десятки; командир десятки носил звание арифа. Над десятью арифами начальствовал накиб; а десять накибов подчинялись каиду. По словам Масуди, военачальники аййаров сражались не в пешем строю, а верхом на своих подчиненных, которые, видимо, отличались особо крепким телосложением. Первоначально осаждавшим пришлось туго, когда на них набросилось это отчаянное войско, но потом хорошо вооруженные сторонники Мамуна все же нанесли поражение отважно сражавшимся аййарам.

Радости и горести Багдада и Самарры

Выдающийся отечественный исследователь средневековой культуры М.М. Бахтин показал, что карнавалы были неотъемлемой чертой жизни средневекового западноевропейского города. Многочисленные городские празднества устраивались и в городах Ближнего Востока, прежде всего, конечно, в столице Халифата Багдаде. В эпоху Масуди мусульманское население Багдада отмечало почти все христианские праздники, которые зачастую были переосмысленными языческими торжествами. Большим успехом у жителей Багдада всех вероисповеданий пользовались храмовые праздники различных христианских монастырей. Дело в том, что коренные жители Ирака, которых арабы называли набатеями, потомки вавилонян и ассирийцев, исповедовали христианство яковитского толка и к началу X в. еще далеко не полностью приняли ислам. По этой причине в самом Багдаде и его окрестностях не было недостатка в христианских церквях, монастырях и часовнях. В монастырских угодьях зачастую имелись виноградники, монахи делали вино и продавали его в кабачках, находившихся в пределах монастырской ограды, посетителям всех вероисповеданий. Вполне естественно, что монастыри весьма

часто и далеко не только по праздничным дням посещали не одни христиане, но и мусульмане, которым их религия запрещала употреблять вино.

Крупнейшим весенним праздником считалось Вербное воскресенье. Даже сам Повелитель верующих отдавал распоряжение, чтобы рабыни из его гарема надевали лучшие свои одежды и являлись к нему с пальмовыми и оливковыми ветвями в руках. Через неделю — на пасху — мусульмане и христиане устраивали совместное пиршество у монастыря Самалук, расположенного близ ворот Баб аш-Шаммасийя в северо-восточной части Багдада. В последнюю субботу сентября отмечался храмовый праздник Дайр ас-Саалиб — «Монастыря Лисиц», находившегося в западной части Багдада. Этот монастырь был знаменит обширными садами, в которых любили устраивать застолья последователи обеих господствовавших в Багдаде религий. Вскоре после этого отмечался праздник монастыря святого Эшмуны в северо-западном предместье Багдада Кутрабулле, вино которого было воспето знаменитым арабо-мусульманским поэтом IX в. Абу Нувасом. В Кутрабулл празднично наряженные багдадцы приплывали на речных судах и пировали три дня и три ночи. На рождество на улицах зажигали костры, пели и плясали вокруг них. Накануне великого поста багдадцы собирались близ Дайр ал-Ахават — «Монастыря Сестер», расположенного в деревне Укбара под Багдадом. Мужчины, нарядившись в женское платье, садились на деревянных лошадок и устраивали шуточные турниры.

Из нехристианских праздников большой популярностью пользовался праздник иранского нового года и весеннего солнцеворота — ноуруз. Как и другие немусульманские праздники, он с особой пышностью отмечался при халифском дворе. Сам халиф дарил приближенным различные сделанные из

амбры фигурки. Ряженные актеры устраивали во дворце представление. Халиф в награду бросал лицедеям деньги. В конце сентября с наименьшей пышностью праздновали махраджан — день зимнего солнцеворота, также заимствованный у иранцев. Придворные и гвардейцы получали из казны зимнюю одежду.

Что касается мусульманского нового года, то он отмечался только в халифском дворце. Простые же багдадцы принимали гостей и обильно их угощали на мусульманский праздник жертвоприношения (ал-ид ал-кабир) и на праздник окончания поста в месяце рамадан (ал-ид ас-сагир). С начала X в. большое распространение получил также праздник дня рождения основателя ислама Мухаммада. В тот день народ толпился у уличных чтецов, которые исполняли отрывки из сиры — традиционного мусульманского жизнеописания Мухаммада, повествующие о сражениях пророка с язычниками и о чудесном его ночном полете по небу, который он якобы совершил по воле Аллаха.

Конечно, частным образом праздновали обрезание мальчиков и свадьбы. Богатые люди по поводу таких торжеств угощали всех, кто приходил к ним в дом, щедро раздавали милостыню и дарили подарки соседям да и просто прохожим.

По мусульманским праздникам ремесленники устраивали торжественные шествия, проносили по улицам города под звуки труб и барабанов увеличенные макеты своих изделий, сахарные дворцы огромных размеров и другие диковины.

Багдад стоял на берегу Тигра, поэтому многие увеселения его жителей были связаны с этой рекой. По праздникам многие катались на своих собственных и наемных лодках. Под сладостные звуки пения певиц состоятельные багдадцы любовались живописными окрестностями столицы, останавли-

вались в каком-нибудь зеленом уголке и устраивали веселый пикник. Некоторые уплывали на несколько дней и поднимались к городу-резиденции аббасидских халифов Самарре, которая узкой тридцатикилометровой полосой протянулась вдоль Тигра. Видимо, в детстве, да и много позже, Масуди неоднократно бывал в Самарре — в его сочинениях этому городу отводится немало места. В «Книге указания и наблюдения» наш автор особо подчеркивает, что Самарра — это последний к его времени большой город, построенный при исламе. Она была основана в 838 г. халифом Мутасимом (833–842). Масуди сообщает, что Мутасим очень любил покупать тюркских рабов, которых он приказывал обучать военному делу и формировать из них отряды своей личной гвардии. Постепенно у халифа собралась целая армия гвардейцев — четыре тысячи человек. Тюрки, одетые в богатые одежды и получавшие обильное содержание, к тому же постоянно находившиеся при особе халифа и чувствовавшие себя его любимцами, стали притеснять жителей Багдада. Особенно им нравилось устраивать скачки среди многолюдных багдадских рынков. Лошади наносили значительный урон не только товарам, лежавшим прямо на земле, но и самим торговцам — многие попадали под копыта коней, получали увечья, а то и находили там смерть. Рассерженные горожане стали по ночам нападать на гвардейцев и убивать их. Видя, что пребывание тюркской гвардии в столице является причиной беспорядков, что недовольство подданных растет, Мутасим решил переехать вместе со двором и гвардией в какое-нибудь другое место. Первоначально он думал поселиться недалеко от Багдада в ал-Баразане, но потом тамошние виды халифу разонравились. После этого Мутасим и его приближенные переехали в ал-Катул. Там даже построили красивый дворец, вокруг которого поселились ремесленники и торговцы, вывезенные из Багдада.

Однако вскоре выяснилось, что климат ал-Катула весьма нездоров, и халифу пришлось искать какое-нибудь другое место.

Масуди, великолепный рассказчик, и на этот раз приводит легенду о том, как была основана Самарра. Однажды, пишет он, Мутасим выехал поохотиться и случайно заехал в одну местность, которая называлась Самарра. Там находился христианский монастырь. Халиф разговаривал с монахами. Они ему сказали, что, по преданию, здесь находился город, основанный Самом ибн Нухом, то есть библейским Симом, сыном Ноя, и в честь него названный Самаррой. Мутасим дня три охотился и отдыхал в окрестностях Самарры, угощался вином, хранившимся в монастырских погребах, и наконец принял решение туда переселиться. Пожалуй, после второго аббасидского халифа Мансура, основавшего Багдад, аббасидские халифы не устраивали более грандиозного строительства. По приказу Мутасима в Самарру свезли каменщиков, плотников, землекопов и рабочих других специальностей со всего Ирака. С восхода до заката стук строительных орудий нарушал окрестную тишину. Наряду с дворцом халиф приказал построить казармы для тюрок и воинов других этнических групп, прежде всего для ферганцев и берберов. Спланировали также кварталы для ремесленников и рынки для торговцев, причем заранее было предусмотрено, что горожане каждой специальности будут селиться в отдельном квартале. Особые земли халиф выделил для домов своих приближенных.

Наивысшего расцвета достигла Самарра при халифе Мутаваккиле (847—861). После трагической смерти этого халифа, погибшего в результате заговора тюркских гвардейцев, Самарра захирела.

...Масуди, наверное, долго бродил по залам Большой мечети в Самарре, размышляя о бренности всего земного, — ведь

мечеть была построена по приказу Мутаваккила. Стены мечети были возведены из кирпича, по углам высились круглые башни. В большом молитвенном зале красовался инкрустированный дорогими породами дерева михраб — ниша, указывающая направление на Мекку, обратившись к которой лицом должны молиться мусульмане. По бокам михраба стояли две мраморные колонны. Во внутреннем дворе для совершенния ритуальных омовений был сооружен фонтан. Недалеко от мечети стояло удивительное сооружение — огромный минарет, построенный в форме уступчатой вавилонской башни-зиккурата, площадь основания которой составляла 90 м². Минарет обвивала спиралеобразная лестница такой ширины, что на его вершину халиф мог заехать верхом на осле.

Мутаваккил думал не только о будущей жизни на том свете — ведь, наверное, именно эта мысль побудила его построить столь грандиозную мечеть, — но не забывал также и о земном существовании. Построенный в Самарре по его приказу дворец не уступал великолепию халифской резиденции в Багдаде. Здесь имелся роскошный тронный зал, двери многочисленных покоев выходили в уютные внутренние дворики. Для халифа и его приближенных были устроены облицованные мрамором ванны. В саду, где шумели искусственные водопады, высилось специальное строение для наложниц халифа. Стены тронной и других зал были украшены скульптурами и мозаикой — халифы нарушали не только запрет ислама, касающийся винопития, но также и запрет создавать изображения живых существ. Однако Мутаваккил не удовлетворился великолепием построек, возведенных по его приказу в Самарре. Движимый честолюбием, он решил основать новый город-резиденцию, который стал бы носить его собственное имя. Примерно в 20 км от Самарры возвели Мутаваккиййу. Строительство длилось всего два года — началось в

859 г., а закончилось в начале 861 г. Дворцы халифа и его приближенных, не менее красивые, чем постройки в Самарре, выходили прямо к реке. Однако Мутаваккилу не долго суждено было благоденствовать в новой столице. 17 марта он переехал туда, а 10 декабря руководители тюркских гвардейцев, которым халиф мешал самоуправствовать, устранили непокорного главу мусульманской империи.

Если сын Харуна ар-Рашида Амин был первым Аббасидом, погибшим насильственной смертью, и его гибель произвела на современников и потомков сильное впечатление, то не меньший след в арабо-мусульманском историческом сознании оставила смерть Мутаваккила — первого аббасидского халифа, погибшего в результате заговора тюркских гвардейцев. Видимо, уже Масуди понимал, что смерть Мутаваккила открыла новую эпоху в истории Халифата — ведь ободренные первой удачей тюркские гвардейцы приложили руку к большинству изменений на халифском престоле, которые происходили после смерти этого халифа вплоть до времени Масуди. Не случайно поэтому наш автор подчеркивает, что во время правления Мутаваккила положение в Халифате отличалось стабильностью, а все подданные жили в благоденствии и безопасности. Очевидно, что нашему автору и его современникам эпоха правления этого халифа представлялась неким «золотым веком», хотя на самом деле все обстояло гораздо сложнее.

Масуди сохранил яркий рассказ современника и придворного Мутаваккила знаменитого поэта Бухтури об обстоятельствах гибели халифа, который интересен не исторической достоверностью, на которой и сам наш автор не настаивает, а воспроизведением той психологической атмосферы неуверенности в будущем и всеобщего страха перед неизвестным, в которой жили люди, близкие к халифскому двору.

Вот что пишет Масуди. В ночь накануне убийства халифа у него собрались его собутельники-надимы. Веселье было в самом разгаре, когда прибыл гонец из Йемена и привез меч старинной работы, который Мутаваккил велел купить за большие деньги — он был большим любителем редкого оружия. Мутаваккил очень обрадовался приобретению и тотчас же вручил меч тюркскому гвардейцу, повелев ему денно и нощно охранять покой халифа. Надо же было такому случиться, замечает поэт Бухтури, что в ту же ночь этот самый гвардеец, который тоже был участником заговора, зарубил своего господина тем самым мечом. Вслед за тем халиф и его приближенные повели разговор о гордыне царей старых времен. Мутаваккил, услышав такие речи, пал ниц, так что все его лицо покрылось пылью, и провозгласил громким голосом, что он раб Божий, что родился он из праха и в него же превратится и поэтому ему не пристало предаваться гордыне. Эти слова и поступки Мутаваккила Бухтури счел дурным предзнаменованием. Успокоившись, халиф вновь сел пить вино. Тут рабы красиво запели. Мутаваккил заплакал и сказал своему вазир Фатху ибн Хакану, что никого не осталось из ценителей настоящего пения, кроме халифа и его вазира. Бухтури счел эти слова следующим дурным предзнаменованием. Через некоторое время в халифские покои вошел слуга одной из жен Мутаваккила, Кабиhi, который принес для Повелителя верующих подарок — дорогой кафтан. Обрадованный халиф тотчас же захотел примерить одеяние, однако неловко повернулся и порвал его. Расстроившись, он велел слуге вернуть кафтан Кабиhe и передать ей, чтобы она сохранила его и завернула бы в него Мутаваккила, когда он умрет. И эти слова Бухтури счел дурным предзнаменованием. Случилось так, что его опасения оправдались. Под утро, когда Мутаваккил изрядно опьянел, в его покои ворвались вооруженные тюркские гвардей-

цы по главе со своим предводителем Багиром. Испуганные придворные кинулись в разные стороны, а вазир Фатх ибн Хакан попытался загородить халифа, но гвардейцы хладнокровно убили обоих. Утром Мутаваккила похоронили, и Кабиха завернула его в саван, сделанный из того самого кафтана, который она отправила халифу в подарок.

Желая сделать образ Мутаваккила как можно более привлекательным для читателя, Масуди рассказывает трогательную историю о любви к халифу одной из его невольниц, которая была подарена ему в самом начале его правления. После гибели Мутаваккила Махбуба — так звали эту женщину — вместе со многими другими невольниками и невольницами досталась одному из организаторов заговора против покойного халифа, Буге аль-Кабиру. Однажды Буга устроил званый вечер, на котором Махбуба, обладавшая очень красивым голосом, должна была петь. Однако едва только ей подали лютню, как она запела о своей тоске по безвременно погибшему халифу. Разгневанный Буга велел заточить невольницу в тюрьму, где она, видимо, и погибла. Так Махбуба сохранила верность своему возлюбленному, несмотря на угрозу жестокой кары. Преданность и любовь Махбубы пережили столетия — ведь эта история известна не только из «Золотых копей» Масуди, но и из «1001 ночи», куда она попала из сочинения нашего автора.

«Лучшие из дел — умеренные», особенно в гостях

История Мутаваккила свидетельствует о том, что дворец халифа с некоторых пор перестал быть для него безопасен. Между тем жители ближневосточных городов в эпоху Масуди считали, что жилище должно представлять собой крепость для хозяина (хотя они жили задолго до того, как англичане

выразили свой идеал домашнего уюта во всемирно известной пословице). Большинство домов в Багдаде имело два этажа. Люди со средним достатком строили жилища из сырцового кирпича, а богатые — из камня. Чаще всего окна выходили во внутренний двор с садом, так что с улицы традиционный арабский дом действительно представлялся крепостью. Главной частью его была та, в которой проживал хозяин с родственниками-мужчинами. На другой половине дома жили жены, наложницы, дочери и незамужние сестры хозяина. Имелись специальные покои для гостей и слуг. Тут же находились помещения для хранения съестных припасов, другие хозяйственные службы, а в некоторых домах даже и собственные бани.

Замкнутость традиционного арабо-мусульманского городского дома компенсировалась знаменитым арабским гостеприимством. Хождение в гости и прием гостей по разным поводам, а то и без повода были любимыми развлечениями багдадцев-мужчин всех сословий. В среде людей образованных, к которым, видимо, принадлежали и родители Масуди, в гости ходили не только и не столько для того, чтобы отведать изысканных вин и яств, а для того, чтобы насладиться разговором с остроумными собеседниками. Умение вести беседу считалось одним из первейших достоинств. С точки зрения Масуди, говорить надо естественно, но в то же время логично. Не следует утомлять слушателя длинными стихотворными цитатами и скучными разглагольствованиями.

Верхом неприличия считалось являться в гости без приглашения. Однако благодаря обилию устраиваемых званых вечеров и встреч, а также наличию в Багдаде, да и в других городах, значительного числа людей, живших на случайные доходы, некоторые смекалистые бедняки кормились тем, что ходили в гости незванными. Таких людей называли туфайла-

ми — «паразитами». Видимо, с течением времени эта «профессия» в какой-то степени стала полупризнанной формой нищенства. Бедняк, пришедший в гости незваным, играл роль шута, всячески развлекал гостей и за это получал долю хозяйского угощения.

Масуди приводит забавную новеллу о злоключениях одного из таких туфайлов. Однажды халифу Мамуну донесли, что в южноиракском городе Басра живут десять еретиков — последователей манихейства, религиозного учения, возникшего в III в. н. э. в Иране и представляющего собой синтез христианства и древней иранской религии — зороастризма. Манихейство не принадлежало к числу разрешенных в Халифате религий, поэтому его последователей следовало либо заставить отречься от их воззрений, либо предать казни. По приказу халифа еретиков разыскали в Басре, арестовали и повели на корабль, чтобы отправить на допрос к халифу. Манихеев увидел некий туфайл и решил к ним присоединиться, решив, что эти почтенные старцы отправляются куда-то на званый пир. Вскоре еретики пришли на корабль. Тогда туфайл подумал, что пир устроят где-нибудь за городом под сенью деревьев, и чрезвычайно этому обрадовался. Но тут всех арестованных стражники заковали в кандалы, в том числе и непрощеного гостя. Когда туфайл наконец выяснил, в чем дело, он горько заплакал, а манихеи принялись над ним смеяться. Через некоторое время всех арестованных доставили в Багдад и ввели к халифу. Мамун решил подвергнуть еретиков чрезвычайно простому испытанию: он велел поставить перед ними изображение их вероучителя Мани и приказал им по очереди плевать на него. Халиф обещал простить тем, кто выполнит этот приказ, а того, кто откажется, немедленно обезглавить. Манихеев стали одного за другим подводить к изображению Мани, но все они отказывались его осквернить. Наконец, ког-

да все десятеро были обезглавлены прямо в зале, выяснилось, что привезли еще какого-то одного человека. Удивленный халиф спросил несчастного, кто он такой и почему не следует истинной вере. До смерти напуганный туфайл объяснил, кто он такой, почему он оказался среди еретиков, и заверил халифа в том, что является ревностным мусульманином. В доказательство он плюнул несколько раз на изображение Мани. Мамун в конце концов простил непрошеного гостя и, богато наградив, отпустил его восвояси. Как видит читатель, профессия туфайла не всегда была безопасной.

Бывали случаи, когда даже знатные люди поневоле играли роль туфайлов. Масуди сообщает, что однажды дядя халифа Мамуна Ибрахим ибн ал-Махди отправился кататься по Багдаду и заехал в незнакомый переулок. Вдруг из окна какого-то дома высунулась очаровательная женская ручка. Выяснив у соседей, что в том доме живет некий богатый купец, который в этот день принимал гостей, Ибрахим ибн ал-Махди решил незваным проникнуть в дом и выяснить, хороша ли собой ее обладательница.

Заметив, что к воротам дома приближается несколько нарядно одетых всадников, Ибрахим ибн ал-Махди подъехал к ним и спросил, не едут ли они в гости к этому самому купцу; получив утвердительный ответ, он присоединился к гостям и вместе с ними проник в дом. Хозяин решил, что незнакомец пришел вместе с его друзьями, а те подумали, что Ибрахим ибн ал-Махди — знакомый хозяина, которого они не знали. Сначала гостей накормили роскошными яствами, а затем проводили в другую комнату, куда пришла певица, которая начала петь, аккомпанируя себе на лютне. Пение девушки было так хорошо, что Ибрахим ибн ал-Махди, который сам слыл отличным певцом и музыкантом, позавидовал ей и, когда она закончила петь и играть, сказал: «Девушка, тебе все-таки чуть-

чуть не хватает мастерства». Разумеется, певица очень обиделась и даже швырнула на пол лютню. Тогда Ибрахим ибн ал-Махди попросил слуг подать ему инструмент, настроил его, ударил по струнам и запел. Хозяин и гости были восхищены его пением, а певица попросила прощения за свой гнев. Когда гости разошлись, хозяин, понявший, что незнакомец пришел в его дом незванным, вежливо спросил, что ему угодно. Ибрахим ибн ал-Махди объяснил, что осмелился на такой поступок только потому, что увидел в окне прелестную ручку. Тогда хозяин велел всем обитательницам своего гарема выйти к гостю и показать ему свои руки. В конце концов выяснилось, что обладательницей прелестной ручки является сестра хозяина дома, которую он тут же выдал замуж за дядю халифа. Так что особе, принадлежащей к дому Повелителя верующих, можно было иногда и позволить себе нарушить традиционный этикет.

Новелла о похождениях Ибрахима ибн ал-Махди показывает, насколько большую роль в жизни арабо-мусульманского общества играла музыка. Поэтому вполне естественно, что Масуди в «Золотых копиях» подробно рассказывает о музыке и музыкальных инструментах, распространенных в его время, а также излагает взгляды своих современников на их происхождение, пусть и кажущиеся ныне наивными. Так, с точки зрения знаменитого врача Хунайна ибн Исхака, первыми музыкальными инструментами человека были зубы, на которых древние люди выстукивали мелодии. Согласно воззрениям другого крупного ученого, Убайдаллаха ибн Хурдазабаха, изобретателем лютни был один из прародителей арабов Ламак ибн Матушалах, сделавший этот музыкальный инструмент из ноги своего друга, с которым не хотел расставаться и после того, как тот умер. Сын Ламака Тубал придумал барабаны и бубны. Арабы издавна любили пение, однако, как счи-

тает Ибн Хурдазабах, а вслед за ним и Масуди, еще до изобретения пения у них появились специальные ритмические крики, которыми они погоняли идущих караваном верблюдов. Масуди приводит легенду, гласящую, что однажды один из предков арабов Мудар ибн Низар упал с верблюда, сломал руку и стал жалобно причитать. Все верблюды, бывшие в караване Мудара, повиновались его голосу и стали двигаться упорядоченно и ритмично. Потом, из криков погонщиков выделились причитания бедуинок по усопшим, а затем и пение в полном смысле этого слова. Первыми певицами у арабов, согласно мнению Ибн Хурдазабаха, повторенному Масуди, были две невольницы одного из древних арабских царей по имени Муавия ибн Бакр ал-Имлаки. Музыка и пение оказывают, как считал Масуди, благоприятное влияние на человека — радуют душу, веселят сердце. Пение и музыка помогают человеку переносить беды и болезни. Древние цари спали под звуки пения, чтобы сон оказывал на них наиболее благоприятное воздействие. Очевидно, что на воззрения Масуди и его предшественников относительно происхождения музыки и пения оказали влияние мифологические представления, восходящие к глубокой древности, о том, что все блага цивилизации изобретались мифическими первопредками — так называемыми культурными героями.

* * *

Вот в каком удивительном мире родился и вырос будущий путешественник, географ и историк. Однако Багдад, его родной город, больше всего славился не торговлей, не роскошными зданиями и не любовью к музыке. Для обитателей самых отдаленных уголков мусульманской империи он был прежде всего центром арабо-мусульманской образованности и куль-

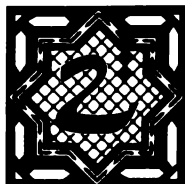
туры. Обширными познаниями во многих областях современных ему наук Масуди был обязан своим учителям, многие из которых оставили глубокий след в интеллектуальной жизни той эпохи. Так что от описания красот Багдада и обычаев его обитателей перейдем теперь к рассказу о том, как и чему учились современники Масуди, что представляла собой к началу X в. арабо-мусульманская географическая наука и каковы были географические воззрения нашего автора.

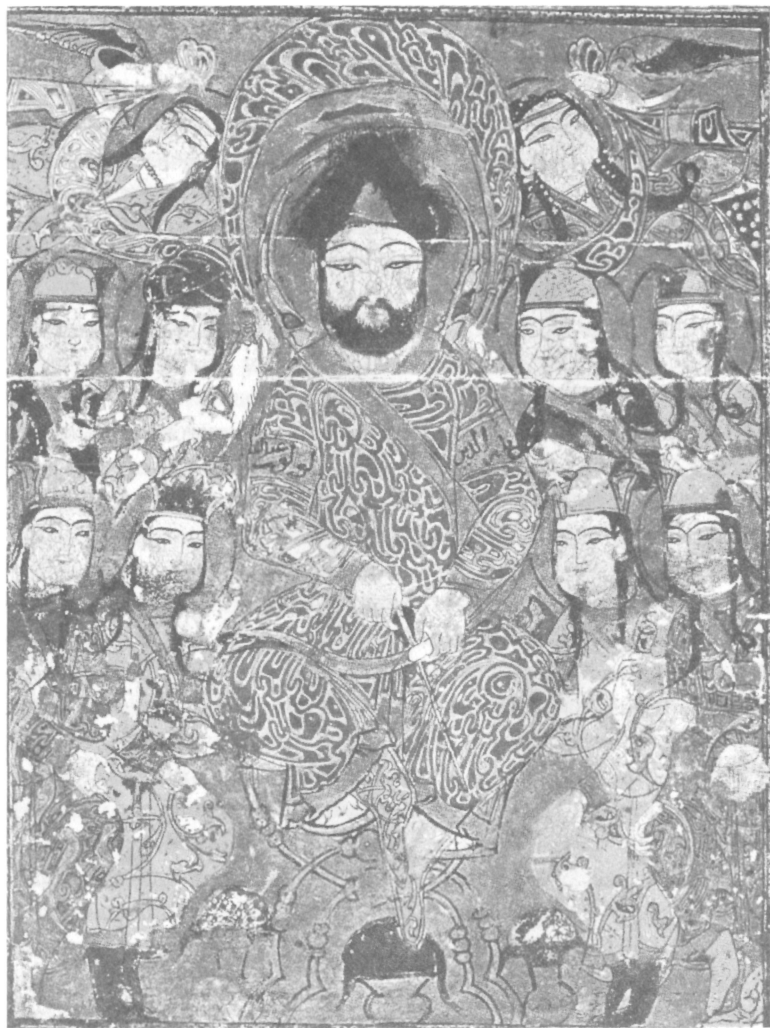
Глава II

К вершинам знания

лаเวนствующей формой общественного сознания в арабо-мусульманском обществе, как и во всяком средневековом обществе, была религия. Именно поэтому в наибольшей степени в характере человека в то время ценили благочестие. Одним из проявлений благочестия было накопление знаний религиозного характера. Уже в первые десятилетия после смерти основателя ислама Мухаммада начали складываться традиционные мусульманские религиозные науки: комментирование священного писания мусульман — Корана, наука о преданиях о жизни и изречениях Мухаммада, богословие, мусульманское право. Одной из религиозных наук считалась и история, так как предметом ее изучения были события, происходившие, как считали мусульмане, по промыслу Аллаха в мусульманской общине, то есть в Халифате.

В результате контактов с другими народами — греко-византийцами, сирийцами, иранцами и индийцами — в сферу интересов арабо-мусульман попали и другие науки, так называемые науки древних, непосредственно не связанные с исламской религией. Это такие дисциплины, как философия, математика, логика, алхимия и, конечно, география, на поприще которой в наибольшей степени прославилось имя Масуди, хотя, как уже говорилось, он известен также как историк и литератор.

*Монарх на троне в окружении свиты.
Средневековая арабская миниатюра*

Для овладения всей суммой знаний надо было прежде всего хорошо изучить арабский язык — язык священного для мусульман Корана. Многие жители Халифата, в особенности те, чьими предками были выходцы с Аравийского полуострова, пользовались в быту арабским языком, однако не в «высокой», литературной его форме, а в форме разговорной, исток которой следует искать в аравийских племенных диалектах. Поэтому даже те, для кого арабский язык был родным, должны были затратить немало усилий, для того чтобы суметь пользоваться им как инструментом арабо-мусульманской культуры. Такая ситуация осталась в арабских странах вплоть до настоящего времени. Что же говорить о тех жителях Халифата, которые сохранили свою этническую самобытность и продолжали разговаривать на своих исконных языках, например, об испанцах? Ведь они тем более должны были стремиться к овладению арабским языком, который, безусловно, являлся господствующим языком Халифата.

Тот, кто хотел овладеть знаниями, накопленными арабо-мусульманской цивилизацией, должен был долго и упорно учиться. Каким же образом происходил процесс обучения в городах Халифата? Нам весьма интересно получить ответ на этот вопрос, потому что обширные познания Масуди были приобретены, разумеется, в результате длительного обучения.

Мальчик из мусульманской семьи обычно начинал ходить в школу — куттаб — лет с шести-семи. Куттаб не был похож на те школы, к которым привыкли мы. Просто в каждом квартале имелся человек, слышавший знатоком Корана и умевший обучать ребятшек грамоте. Учитель обычно собирал мальчиков в квартальной мечети, заставлял их зазубривать арабский алфавит. После этого дети начинали читать первую главу (суру) Корана — Фатиху («Открывающую»). Мальчики хором много раз повторяли священные для мусульман слова

и запоминали Фатиху наизусть. После этого учитель таким же образом прорабатывал с ними все остальные суры Корана начиная с конца, так как они расположены в порядке убывания объемов — самой маленькой является последняя сура, а самой большой — вторая.

Труд школьного учителя, дословно «учителя мальчишек» (муаллим ас-сибйан), считался презренным, а сами учителя — людьми глупыми и плохо образованными. Недаром в «1001 ночи» говорится, что «каждый, кто обучает мальчишек, не обладает здравым умом, хоть и может знать все науки». Ведь даже свирепого и умного наместника омейядских халифов в Ираке Хадждажа ибн Йусуфа (первая половина VIII в.) часто попрекали тем, что в молодости он был школьным учителем.

Посещение куттаба вряд ли было в детстве уделом Масуди — он, вероятнее всего, происходил из знатной и богатой семьи, а таким скверным начальным образованием вынуждены были довольствоваться ребятишки простых ремесленников и торговцев. Скорее всего, когда будущий географ и путешественник был мал, он научился читать и писать у отца или какого-нибудь другого родственника-мужчины, жившего у них в доме. Затем к Масуди, видимо, за достаточно высокую плату пригласили домашнего учителя. С такими учителями отпрыски состоятельных семейств более углубленно изучали и комментировали Коран, знакомились с преданиями о поступках и изречениях основателя ислама Мухаммада — хадисами, разбирали и заучивали наизусть стихотворения арабских поэтов — древних, которые жили и творили на Аравийском полуострове еще до возникновения ислама, современников Мухаммада и творивших во время правления Омейядов и Аббасидов. Средневековая арабская поэтическая критика — важная отрасль знаний, процветавших под сенью Халифата, — разрабо-

тала не только четкую периодизацию развития арабской поэзии в соответствии с основными этапами политической истории арабо-мусульманского общества, но и жесткие критерии оценки творчества того или иного поэта. О глубоком интересе Масуди к поэзии свидетельствуют многочисленные поэтические цитаты, которыми пестрят страницы его сохранившихся сочинений.

Возможно, в доме отца Масуди имелась значительная библиотека, и можно с уверенностью сказать, что пытливый мальчик проводил много часов над рукописными фолиантами. Несмотря на то что в арабо-мусульманском мире, конечно, не было печатных станков и книги переписывались от руки, количество сохранившихся рукописей показывает, что масштабы производства рукописных книг были поистине огромны. Книги переписывали как профессиональные переписчики за плату, так и некоторые молодые ученые, нуждавшиеся в средствах на жизнь и учение. Переписку книг, которая была монотонным и нелегким делом, часто поручали самым бесправным членам арабо-мусульманского общества — рабам и вольноотпущенникам. Копирование сочинений религиозного содержания, особенно Корана, считалось делом благочестивым, поэтому Коран нередко переписывали состоятельные люди, для того чтобы обеспечить себе благоденствие на том свете. Торговля книгами была весьма почетным ремеслом. В Багдаде в IX—X вв. имелось около ста книжных лавок, владельцы которых, варраки, нередко сами также переписывали книги.

Собрание книг в доме родителей Масуди не было бы в начале X в. исключительным явлением. Домашние библиотеки в то время, особенно в Багдаде, уже были у многих. Начало этому благородному виду собирательства в столице Халифата положил основатель города Мансур. Когда халифская

библиотека перешла по наследству ко второму сыну Харуна ар-Рашида Мамуну (813—833), на ее основе было создано особое научное учреждение — Дар ал-Хикма («Дом Мудрости»). Когда при халифе Мутасиме двор переехал из Багдада в Самарру, здесь все же осталась сама библиотека, называвшаяся «Сокровищницей Мамуна» — Хизанат ал-Мамун. В эпоху Масуди в халифской библиотеке хранилось более ста тысяч томов. Для сравнения скажем, что фонды крупнейших библиотек Европы в то время не превышали нескольких сотен томов. Управляющий библиотекой, говоря современным языком, директор, назывался вакилом. Ему подчинялись хазин (хранитель книг) и мушриф (инспектор). Книги располагались в шкафах по отраслям знания. Для облегчения поиска нужной читателю книги имелись тематические каталоги. С конца IX в. значительное распространение приобретают вакуфные библиотеки — собрания книг, завещанные владельцами в вечное пользование мусульманской общине. Такие библиотеки, как правило, располагались при мечетях.

В подражание халифскому Дому Мудрости в Багдаде с середины IX в. возникают несколько библиотек того же названия. Одна из них была основана приближенным халифа Мутаваккила Абу-л-Хасаном Али ибн Йахйей (ум. в 888 г.). Всякий приехавший в столицу ученый мог получить здесь не только книги для занятий, но также комнату для жилья и кое-какие средства на личные расходы. В этой библиотеке работал ставший впоследствии знаменитым астрономом и астрологом Абу Маашар ал-Балхи, на основное сочинение которого, «Китаб ал-Улуф» («Книга тысяч»), неоднократно ссылается Масуди. У отдельных лиц имелись значительные собрания книг, которые не приобретали статуса общественной библиотеки. Например, обладателем целой комнаты, наполненной книгами, был уже упоминавшийся нами учитель и друг Масу-

ди, знаменитый шахматист и филолог Сули. Он рассортировал книги по темам и переплел их в разноцветные переплеты. Очевидно, что менее значительные собрания имелись у других, менее известных лиц. Так что вполне возможно, что наш автор в детстве и юности мог брать книги у друзей отца.

Может быть, еще в юности Масуди нашел среди отцовских книг сочинения одного из крупнейших арабо-мусульманских философов IX в. Абу Йусуфа Йакуба ибн Исхака ал-Кинди (ум. между 860 и 879 гг.) — без сомнения, его сочинения были известны Масуди: он ссылается на одну из книг философа, посвященную проблеме приливов и отливов. Кинди был первым представителем восточного аристотелизма. Он написал более двухсот сочинений, большинство из которых до нашего времени не дошло. Славу Кинди составили сокращенные изложения произведений некоторых античных философов, а также комментарии к сочинениям Аристотеля, Евклида и Птолемея.

Видимо, из книг узнал Масуди и об учении весьма почитавшегося им Абу Бакра Мухаммада ибн Закарии ар-Рази (865—925 или 934), который считал, что мир образован пятью началами: «творцом», «душой», «материей», «временем», «пространством», что все религии ложны и что Моисей, Христос и Мухаммад были не пророками, а обманщиками, бессовестно дурочившими своих легковых современников. Надо сказать, что эти воззрения, которые Рази высказывал в одном из своих трактатов, послужили основой средневекового латинского памфлета «О трех обманщиках». Наверное, позже, уже будучи зрелым человеком, Масуди познакомился с трудами Абу Насра Мухаммада ибн Тархана ал-Фараби (870—950), который получил прозвище Второго Учителя за составление пространных и вдумчивых комментариев к сочинениям Аристотеля — а этот древнегреческий философ почитался на

Ближнем Востоке как Первый Учитель. Фараби создал учение об идеальном государстве — «добродетельном городе» во главе с монархом-философом. Он соединил учение Аристотеля с неоплатонизмом, доказывая, что божество создает мир через ряд эманаций (истечений), каждой из которых соответствует определенный «космический ум» и определенная небесная сфера. «Нижайшим» среди этих умов является «активный ум», которому подчиняется «подлунный мир», где обитают люди.

Родственники будущего путешественника понимали, что систематическое образование можно получить только внимая мудрым шейхам — знатокам различных наук, которые ежедневно сидели у колонн крупнейших багдадских мечетей в окружении почтительно слушавших их учеников — ведь высших учебных заведений в европейском смысле этого слова тогда на Ближнем Востоке не существовало и преподавание считалось частным делом. Каждый из арабо-мусульманских ученых-улемов за свою жизнь знакомился с рядом сочинений своих учителей и других специалистов данной отрасли знания. В Багдаде большинство преподававших в мечетях шейхов были также авторами собственных научных произведений. Процесс обучения состоял в том, что учитель передавал ученикам тексты известных ему сочинений по определенной отрасли знания. Под руководством преподавателя ученики прорабатывали одну или несколько книг. За каждое прочитанное с учителем сочинение ученик получал иджазу — диплом, который свидетельствовал о том, что он помнит данный труд наизусть и переписал его. Овладев суммой текстов по какой-либо отрасли, известных одному учителю, ученик мог перейти к другому или даже уехать в иной город для продолжения образования. Степень учености того или иного человека определялась количеством проработанных сочинений и

репутацией учителя. Сведения о проработанных книгах записывались либо на отдельном листе, либо на экземплярах изученных сочинений.

Господствующей формой обучения была диктовка. Само же собрание учеников во главе с учителем называлось маджлисом (дословно «посиделкой»). Учитель в богатом кафтане и белой чалме восседал среди слушателей, образовывавших вокруг него кружок — халаку. Шейх начинал занятие с произнесения хвалы Аллаху и пророку Мухаммаду. После этого кто-нибудь из учеников читал несколько аятов — стихов из Корана. Затем все собравшиеся совершали молитву, в которой молили Аллаха ниспослать благоденствие Багдаду (или другому городу, где проходили занятия) и помочь слушателям усвоить новые знания. Знаком окончания занятия служили слова учителя: «Встаньте» (по-арабски «Куму»). После этого собравшиеся вновь творили молитву, благодаря Аллаха за успешное завершение занятия.

На занятия ученики должны были являться опрятно и скромно одетыми, с бумагой, чернильницами и каламами — специально очиненными тростниковыми палочками для письма. Для слушателей считалось хорошим тоном носить платье с широкими рукавами — туда прилично и удобно прятать записи. Разумеется, слушатели, или, как их называли в арабомусульманском мире, туллаб ал-илм — «искатели знаний», окружали своих учителей — шейхов — всяческим вниманием и почетом. Если любимый учитель умирал, ученики ломали каламы, разбивали чернильницы, разрывали одежды и царапывали себе лица. В таком виде они с громкими стеланиями ходили по улицам Багдада, чтобы все жители могли разделить их скорбь по умершему наставнику. Но горе самонадеянному шейху, который недостаточно подготовился к лекции или говорит ученикам не то, что им нужно. В таком

случае они могут прервать маджлис громкими криками, а то и забросать незадачливого преподавателя чернильницами.

Масуди учился у многих выдающихся ученых своего времени, прославившихся в различных областях существовавшего тогда знания. Весьма большое внимание уделял наш автор изучению филологических наук. Это неудивительно. Ведь, наверное, с раннего возраста он стал интересоваться поэзией и прозой, думать о том, чтобы создать такой историко-географический труд, в котором сведения по географии Земли и истории населяющих ее народов были бы изложены в занимательной форме. Поэтому среди своих учителей Масуди называет таких известных филологов конца IX — начала X века, как ал-Ваки (ум. в 918 г.), аз-Заджжадж (ум. в 923 г.), Ибн Дурайд (ум. в 933 г.), Нифтавайх (ум. в 935 г.), Ибн ал-Анбари (ум. в 935 г.), уже упоминавшийся нами Сули (ум. в 946 г.).

Масуди занимался не только филологией. Интересовался он также мусульманским правом и богословием, слушал лекции таких известных в начале X в. правоведов, как Абу-л-Аббас Ахмад ибн Сурайдж и Ибрахим ибн Джабир. Наибольшее влияние на нашего автора из всех религиозно-правовых школ тогдашнего ислама оказал мутазилизм — крупное теологическое направление в исламе, которое наряду с мусульманским правом — фикхом — разрабатывало спекулятивную догматику. Мутазилиты первыми стали использовать философские и логические методы для истолкования новых положений ислама, для выяснения взаимоотношений между Божеством и человеком. Они выступали против наивного антропоморфизма в понимании сущности Аллаха, который был характерен для более ранних направлений в исламе. Они, в частности, подчеркивали, что Бог не может обладать атрибутом речи, так как это, по их мнению, противоречило бы одному из основ-

ных догматов ислама — догмату о единстве Божества. По этой причине мутазилиты выдвинули тезис о том, что Коран, считавшийся продиктованным основателем ислама Мухаммаду Аллахом, не существовал извечно, а был сотворен в определенное время. Святость Корана заключается не в букве его, а в духе, поэтому возможно его аллегорическое толкование. Согласно воззрениям мутазилитов, человек обладает свободой воли и несет ответственность за свои хорошие и дурные поступки перед Божеством.

Многие халифы были сторонниками идей мутазилизма, а Мамун даже объявил его официальной идеологией. При этом халифе, а также при его ближайших преемниках существовал даже специальный трибунал — михна. Вызванные на заседания михны улемы должны были высказаться по поводу тезиса о сотворенности Корана и свободе воли индивида. Тех, кто был не согласен с мутазилитской трактовкой этих вопросов, жестоко наказывали — казнили, подвергали избиениям, ссылали, запрещали преподавать. Таким образом, рационалисты-мутазилиты поступали со своими идейными противниками весьма жестоко. Известно даже, что один из приближенных халифа Мамуна, посланный им на границу с Византией для проведения выкупа пленных мусульман, пропускал через сторожевой пост только тех из них, кто заявлял о том, что Коран не существовал предвечно, а был некогда сотворен. Тех, кто придерживался противоположной точки зрения или от испуга не мог сказать ничего вразумительного, ревностный поборник мутазилизма оставлял в византийском плену. Однако при халифе Мутаваккиле официальной государственной доктриной стал ортодоксальный суннизм, и теперь преследованиям стали подвергать уже самих мутазилитов.

К X в. страсти вокруг суннитско-мутазилитских противоречий, по крайней мере на государственном уровне, уже улег-

лись и мутазилизм превратился просто в одну из многочисленных мусульманских богословско-юридических школ, число которых в Багдаде и других крупных городах Халифата было весьма велико. Очевидно, Масуди привлекало в мутазилитах их умение вести богословско-философские диспуты, свободно и ясно высказывать свои мысли. Он был знаком со многими видными представителями этого направления в тогдашнем исламе: ал-Джуббаи (ум. в 915 г.), ал-Хасаном ибн Мусой ан-Наубахти (ум. в нач. X в.), Ибн Абдаком ал-Джурджани (ум. в нач. X в.), Абу-л-Касимом ал-Балхи ал-Кааби (ум. в 930 г.) и другими.

Однако, по всей видимости, уже тогда, когда Масуди был одним из многих туллаб ал-илм — «искателей знания», — наибольший интерес в нем стала пробуждать географическая наука. Есть основания полагать, что он был лично знаком с одним из крупнейших географов первой половины X в. Кудамой ибн Джафаром (ум. в 948 г.). Высоко ценил наш автор труды известного географа и путешественника IX в. Ибн Хордадбеха (ум. в 885 г.). Интерес Масуди к географии воплотился в его сочинениях, и поскольку в этой книге рассматриваются главным образом географические аспекты его творчества и совершенные им путешествия, то уместно рассказать о том, что же собой представляла средневековая арабская география, какой путь развития она прошла к тому времени, когда наш автор начал овладевать ее основами, а затем внес в нее значительный вклад.

Масуди жил и формировался как ученый в то время, когда география стала играть весьма важную роль в культурной и политической жизни арабо-мусульманского государства. Одна из причин этого заключалась в том, что в связи со сменой правящей династии в Халифате первоначально усилились центристские тенденции в государстве — аббасидские

халифы всеми средствами пытались установить свой личный контроль над провинциями, которые управлялись наместниками. Для этого им и их окружению были нужны точные сведения о местоположении, природных особенностях, полезных ископаемых, населении стран, оказавшихся под владычеством мусульманского государства. Халифат был одной из крупнейших держав средневековья. Его отношения с соседями складывались по-разному, и государству нужна была также подробная информация о соседях. Перенос столицы в Багдад привел к усилению роли морской торговли, укреплению связей со странами, находящимися на берегах Индийского океана, и, следовательно, к развитию приморских городов Персидского залива, жители которых издавна славилась как искусные мореходы. Возросший в IX—X вв. объем морской торговли повысил спрос на географические сочинения, в которых рассказывалось о морских плаваниях и о диких заморских странах. Таковы были причины расцвета арабской географической науки к началу X в.

Географические представления и навыки появились у арабов задолго до возникновения ислама, в то время, когда они еще обитали на Аравийском полуострове, будучи в значительной степени оторванными от остального мира.

Верблюда часто называют кораблем пустыни, а путешествие по аравийским пескам сравнивают с морским плаванием. Широко известен анекдот об одном европейском арабисте, который, читая старинное арабское стихотворение, принял описание шествия верблюжьего каравана за рассказ о морской прогулке. Очевидно, что обитателям внутренних областей Аравийского полуострова, арабам-бедуинам, практические географические сведения были нужны в не меньшей степени, чем мореходам, ведь бедуины так часто перекочевывали с места на место в поисках пастбищ, и им необходимо

было уметь хорошо ориентироваться на местности. Арабы не только прекрасно знали топографию Аравийского полуострова, что подтверждается данными арабской доисламской поэзии, но также хорошо умели находить дорогу по солнцу, луне и звездам. Они полагали, что наступление благоприятной или неблагоприятной для проведения хозяйственных работ погоды зависит от захода или восхода определенных звезд. Положение звезд, связанное со стабильным состоянием погоды, бедуины называли термином «навс». Что касается стран, лежащих за пределами Аравийского полуострова, о них арабейцы имели весьма смутное представление. Однако им было известно о существовании двух крупнейших рек Месопотамии — Тигра и Евфрата. Известны им были и названия некоторых соседних народов — ромеев (византийцев), иранцев, тюрок.

Арабо-мусульманские завоевания, образование новой мировой державы — Халифата — способствовали расширению географического кругозора арабов, познакомившихся со многими новыми странами и народами. На основе этих впечатлений складывается новый географический жанр, который, видимо, первоначально бытовал устно, — фадаил, составленные рифмованной прозой сообщения о достоинствах или недостатках тех или иных стран и народов. Некоторые из уникальных образцов этого жанра были зафиксированы Масуди в «Золотых копиях» и благодаря ему дошли до нас. Например, по словам Масуди, некий мудрец характеризовал Египет следующим образом: «Река Нил в Египте — это чудо, земля Египта — золото, богатство Египта — рабы, власть в Египте принадлежит тому, кто захватит ее и пожелает распоряжаться сокровищами, прикрикнет на египтян, приобретет их покорность, возмутит их покой, поразит их бедой; и страна эта подчинится тому, кто ею овладеет». В другом афоризме эта страна характери-

зуется следующим образом: «Три месяца — белая жемчужина, три месяца — черный мускус, три месяца — зеленый изумруд, три месяца — слиток червонного золота». Житель Басры описывал свой родной город следующим образом: «Что касается Басры, то низ ее — камыш, середина ее — дерево, верх ее — свежие финики... Я уйду из Басры поневоле, а прихожу в нее покорным». В переводах, конечно, не удалось передать ритм и рифму саджа — рифмованной прозы.

В начале VIII в. у арабов уже существовали географические карты. Известно, что в 708 г. омейядский наместник Ирака Хаджжадж ибн Йусуф приказал своему полководцу Кутайбе ибн Муслиму, совершившему немало походов в Среднюю Азию, или, как арабы ее называли, Маварраннахр, прислать ему географическую карту окрестностей Бухары, на основе которой Хаджжадж дал указания относительно завоевания этого города.

Аббасиды стремились возродить культурные традиции доисламского Ирана. В арабо-мусульманской культурной среде получают распространение географические сведения, заимствованные у иранцев. Подражая Сасанидам, иранским царям, Аббасиды заводят у себя при дворе астрологов, предсказывавших судьбу халифов по положению светил на небе. Знанием астрологии издавна славилась также и индия. Арабские хроники сообщают, что ко двору второго аббасидского халифа, основателя Багдада Мансура, в составе индийского посольства прибыл ученый по имени Манка или Канка. Он привез астрономический трактат, который в арабской обработке получил название «Китаб ас-Синдхинд» («Книга Синда и Хинда»). Текст этого трактата не сохранился, однако арабистам удалось установить, что он восходит к знаменитому индийскому астрономическому и географическому сочинению «Брамаспутасидданта», которое было написано Брамагуптой

в 623 г. Знания, заимствованные у индийцев, господствовали среди арабо-мусульманских ученых вплоть до времени правления халифа Мамуна, когда преобладающим стало влияние античной географической традиции.

Индийское влияние осуществлялось в арабо-мусульманском мире через посредство иранской географической мыс-

Беседа мудрецов

ли, которая, в свою очередь, испытала значительное влияние индийской астрономии и географии. Большой популярностью в Халифате пользовался трактат «Зидж аш-Шах» («Шахские таблицы») — арабская переработка персидского сочинения «Зик-и-Шатроряр», которое было составлено при последнем шахе сасанидского Ирана Йаздиджарде III (632—651).

Греческая географическая система начинает приобретать широкое распространение, вытесняя иранскую и индийскую системы, с начала IX в., а в середине того же столетия она

уже становится господствующей. Преимущество греческой системы перед иранской и индийской заключается в том, что, в отличие от них, она носила не только сугубо практический, но и теоретический характер. Большую роль в распространении греческой географической системы сыграл уже упоминавшийся Дом Мудрости, основанный Харуном ар-Рашидом и существенно расширенный его сыном Мамуном. Под эгидой этого научного учреждения на арабский язык переводились сочинения многих античных географов. Наибольшей популярностью пользовались труды александрийского ученого Птолемея (II в. н.э.) — астрономический трактат в тринадцати книгах «Большой свод» и географический труд «Географическое руководство», иначе также называемое «География». Арабы называли «Большой свод» «ал-Маджисти», передавая таким образом греческую превосходную степень женского рода прилагательного «великий» — «величайшая», в знак особого уважения к основному труду крупнейшего географа древности.

В 827 г., во время правления Мамуна, была предпринята попытка измерить земной градус. В конце прошлого века итальянский арабист Наллино и немецкий математик Шой показали, что арабские астрономы ошиблись всего на один километр. Причиной этой неточности послужило несовершенство измерительных приборов того времени. Следующие измерения земного градуса производились в Европе только в XVI и XVIII вв. Данные, полученные арабо-мусульманскими астрономами, широко использовались в Европе в эпоху средневековья и Возрождения. Возможно, что благодаря этому обстоятельству и произошло открытие Америки Колумбом. Дело в том, что арабские ученые установили длину земного градуса в $56\frac{2}{3}$ арабские мили. Колумб же решил, что речь идет об итальянских милях, а итальянская миля была на 384 м

короче арабской, длина которой равняется 2000 м. По этой причине, согласно расчетам великого мореплавателя, расстояние между Европой и Азией, куда он стремился, оказалось значительно меньше, чем на самом деле. Может быть, поэто-

Оратор и слушатели

му Колумб с такой отвагой отправился на поиски морского пути в Индию.

При Мамуне в Халифате были основаны две обсерватории — одна из них находилась в багдадском квартале Шаммасийя, а другая — на горе Касйун под Дамаском. В обсерваториях проводились регулярные наблюдения, на основе которых был составлен «аз-Зидж ал-Мамуни ал-мумтахан» («Проверенные Мамуновы таблицы»). Очевидно, что примерно в это вре-

мя была создана «Мамунова карта» — или, как называет ее Масуди, «Мамунова картина» (ас-Сура ал-Мамуниййа), которую наш автор видел в Багдаде, очевидно, в Доме Мудрости. По его словам, в работе над картой участвовали «мудрецы времени Мамуна». На карте «был изображен мир с его небесами и звездами, морями и сушей, населенными и ненаселенными областями, обиталищами народов и городами, а также другим; эта карта лучше, чем карты, которые имеются в сочинениях Птолемея и Марина» (нач. II в. н.э.). Несмотря на то что Масуди указывает на преимущество «Мамуновой карты» перед картами античных географов, она, скорее всего, восходит именно к ним. С другой стороны, вполне вероятно, что эта карта являлась для Мамуна символом мирового господства, идея которого была навеяна аналогичными картами, которые изготовлялись для шахов сасанидского Ирана.

В IX в. жили и творили многие видные арабо-мусульманские географы. Одним из них был крупнейший математик Хоризми, который, возможно, служил в Доме Мудрости. Он написал сочинение по математической географии «Китаб сурат ал-арад» («Книга картины Земли»). Оно представляет собой собрание таблиц, в которых зафиксированы названия и местоположения 537 важнейших городов, гор и рек. Работа Хоризми построена на основе сочинений Птолемея, однако в нее был добавлен материал, касающийся Ближнего и Среднего Востока, а также внесен ряд других изменений.

Знаменитый философ Кинди, с трудами которого Масуди был хорошо знаком, принял участие в составлении одной из первых арабоязычных обработок сочинений Птолемея. Видимо, не без влияния великого античного географа Кинди составил свое собственное сочинение — «Русум ал-мамур мин ал-ард» («Описание населенных областей Земли»).

Большое распространение получили таблицы астронома и географа Баттани, который проводил наблюдения в сирийском городе Ракка. В 1140 г. трактат Баттани был переведен на латинский язык Платоном из Тиволи, а сам арабский астроном после этого получил широкую известность в средневековой Европе под именем Албатегниуса. В шестой главе трактата Баттани содержится описание земного шара, восходящее к системе Птолемея. Это описание было воспринято Масуди и другими более поздними географами и воспроизведено нашим автором в общегеографических разделах двух сохранившихся его сочинений — «Золотых копей» и «Книги указания и наблюдения».

Если в VIII — первой половине IX в. наука об описании Земли развивалась у арабов-мусульман главным образом по линии математической географии, то к середине IX в. формируется новое направление — описательная география. Интересно отметить, что первоначально описательной географией стали заниматься не географы-математики, а филологи. Самым ранним жанром сочинений по описательной географии были «книги о лунных стоянках», которые содержали метеорологические приметы арабов-бедуинов. Несколько позже начинают составляться сочинения, описывающие различные местности Аравийского полуострова, объясняющие названия бедуинских стоянок. Материалы этих трудов помогали жителям арабо-мусульманских городов, многие из которых были потомками переселившихся с Аравийского полуострова бедуинов, к середине IX в. прочно забывшими бедуинский жизненный уклад, лучше понимать содержание и реалии старинных арабских доисламских стихотворений, которые на протяжении всего средневековья продолжали считаться непревзойденными образцами поэтического творчества. Сочинения этого жанра составляли такие видные арабо-мусульман-

ские филологи, как Хишам ибн ал-Калби (ум. ок. 820 г.), ал-Асмаи (ум. ок. 831 г.), Ибн ал-Асбаг (ум. ок. 845 г.), Ибн Лугза ал-Исфাহани (ум. до 895 г.). Затем арабо-мусульманские ученые начинают составлять сочинения, географические рамки которых охватывают также и земли, лежащие за пределами Аравийского полуострова.

Весьма большое значение для развития арабо-мусульманской описательной географии имели труды замечательного арабского ученого и писателя Джахиза (ум. в 869 г.). Богатые сведения по географии, этнографии, антропологии, зоогеографии имеются в его «Книге о животных» («Китаб ал-хайаван»), которая не носит собственно географического характера. Его перу принадлежит также не дошедшее до нашего времени собственно географическое сочинение «Книга городов и чудеса стран» («Китаб ал-амсар ва аджаиб ал-булдан»). Он же составил первое в арабо-мусульманской географической литературе сочинение, в котором рассматриваются вопросы о ввозимых и вывозимых из Халифата товарах — «Рассуждение о торговле» («Ат-Табассур би-т-тиджара»).

Во второй половине IX в. складывается особый жанр описательной арабо-мусульманской географии — «книги путей и царств» («кутуб ал-масалик ва-л-мамалик»), в которых содержались различные сведения о землях, где господствовал ислам. Первое подобное сочинение было составлено Абу-л-Аббасом Джафаром ибн Ахмадом ал-Марвази (ум. в 887 г.). Почти одновременно с Марвази аналогичное сочинение составляет и ученик знаменитого философа Кинди Ахмад ибн Мухаммад ибн ат-Таййиб ас-Сарахси (ум. в 899 г.), которого очень часто цитирует Масуди. Сарахси работал не только в сфере описательной географии, но и в области географии математической — им написан трактат «О морях, водах и горах». К сожалению, труды Марвази и Сарахси не сохранились.

Первое сочинение, принадлежащее к жанру «ал-масалик ва-л-мамалик», которое целиком дошло до нас, было составлено выходцем из персидской семьи Ибн Хордадбехом (ум. в 912 г.). «Книга путей и стран» Ибн Хордадбеха начинается с описания формы Земли, какой ее представляли себе арабо-мусульманские географы на основе сведений, унаследованных от Птолемея. Ибн Хордадбех описывает дороги, лежащие к северу от Багдада вплоть до Средней Азии, затем дороги, лежащие к югу от столицы Халифата вплоть до Индии. Он также сообщает сведения об административном делении областей, через которые проходят характеризующиеся им пути, и о налогах, которые платило их население.

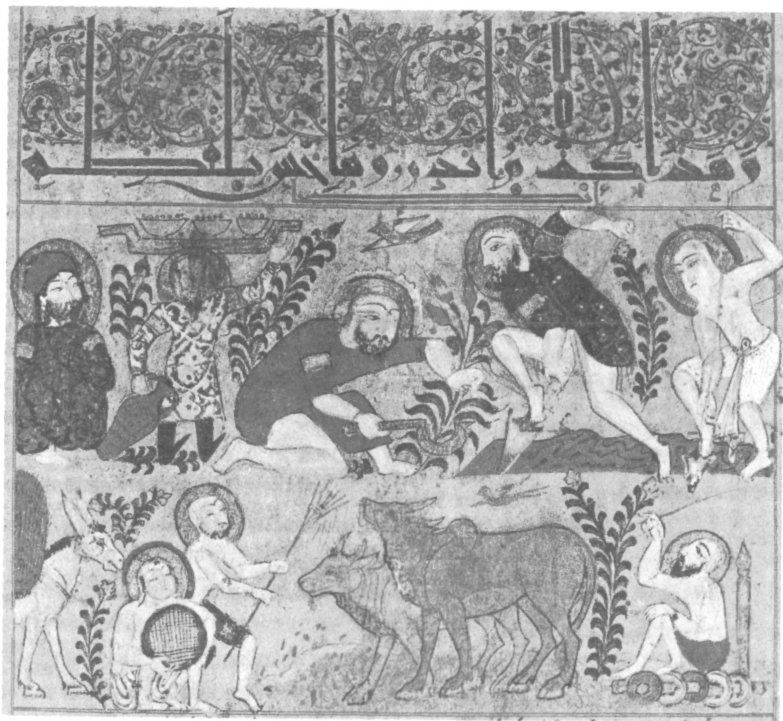
Современником Ибн Хордадбеха был крупный географ и историк Йакуби (ум. в 897 г.), происходивший из багдадской чиновничьей семьи. Он немало путешествовал на своем веку: жил по несколько лет в Армении, Хорасане, Египте и Магрибе, а также побывал в Индии и Палестине. Из сочинений Йакуби до нас дошло два. Первое носит название «История». В этом сочинении имеется богатый материал не только по истории Халифата, но также и по истории многих народов, таких, как китайцы, индийцы, римляне, греки, византийцы, который арабо-мусульманские историки до Йакуби не включали во всемирноисторические своды. Йакуби, таким образом, расширил рамки историографического материала, известного арабам-мусульманам. В этом отношении непосредственным последователем Йакуби является Масуди, который также включает в свои историко-географические сочинения обширный историко-этнографический материал. Другое сочинение Йакуби — «Книга стран» («Китаб ал-булдан»). Значительную часть этого труда занимает описание Багдада и Самарры. Остальной материал сочинения разделен по региональному принципу на четыре части: 1) Иран, Средняя Азия и Афганистан; 2) Ирак,

Аравийский полуостров; 3) Индия и Китай; 4) Византия, Сирия, Египет, Нубия, Северная Африка. Следуя традиции жанра «ал-масалик ва-л-мамалик», Йакуби много внимания уделяет описанию путей, пролегающих через страны, о которых он рассказывает. Ученый также приводит важные сведения по топографии, этнографии, хозяйственной жизни этих стран.

В IX–X вв. получила распространение так называемая «классическая школа арабской географии». Она развивалась в русле традиций жанра «ал-масалик ва-л-мамалик». Представители этого направления концентрировали внимание на изучении мусульманских земель, подходили к землеописанию с религиозных позиций. Сочинения этого направления сопровождались особым стандартным набором из 21 карты. Это были «круглая карта мира», карта Аравии, Персидского моря, Магриба, Египта, Сирии, Ромейского моря и 14 карт центральной и восточной частей региона, где был распространен ислам.

Основателем «классической школы арабской географии» считается Абу Зайд Ахмад ибн Сахл ал-Балхи, родившийся в иранской провинции Балх в 850 г., по которой он и получил нисбу — прозвище, обозначающее место рождения. В конце жизни, за которую Балхи написал около шестидесяти сочинений, он составил еще один трактат, который носит различные названия — «Карты климатов» («Сувар ал-акалим»), («Виды стран») «Ашкал ал-билад» или «Разделение городов» («Таквим-ал-булдан»). Дошедшее в поздних редакциях сочинение Балхи положило начало новой школе. Другим крупным представителем направления был современник Масуди Абу Исхак ал-Истахри, уроженец центрального Ирана. Истахри объездил Маварраннахр, Иран, Аравию, Сирию, Египет. Сочинение, явившееся плодом этих поездок, он назвал, как и многие его предшественники, «Книгой путей и государств», отдавая дань уже многолетней к его времени традиции.

Наследником дела Истахри был младший современник Масуди Абу-л-Касим ибн Хаукал ан-Насиби, который отправился в странствия по свету из Багдада в мае 943 г. Вернувшись из многолетних путешествий, в ходе которых он побы-

Сельскохозяйственные работы

вал в Северной и Центральной Африке, Андалусии и даже Италии, Ибн Хаукал познакомился около 951–952 гг. с Истахри, который способствовал пробуждению у него интереса к географической науке. Уже после смерти Масуди, в 967–977 гг., Ибн Хаукал составил сочинение, носившее то же на-

звание, что и трактат Истахри, — «Книга путей и стран». Он писал также главным образом о мусульманских областях, уточняя и исправляя многие сведения, приведенные Истахри.

Работы выдающегося географа первой половины X в. Кудамы ибн Джафара не принадлежат к «классической школе арабской географии». Около 928 г. он составил руководство для чиновников «Книга о харадже и профессии секретаря» («Китаб ал-хараджва санат ал-китаба»), которое целиком не сохранилось. Наибольшее внимание уделяет он описанию маршрутов барида — почтовой службы Халифата, а также провинций арабо-мусульманского государства. Кратко излагается история их завоевания арабами-мусульманами.

Наряду с сочинениями общего характера в IX—X вв. появляются работы по региональной географии, посвященные описанию какой-либо одной из областей Халифата. Одним из наиболее выдающихся памятников этого направления является «Описание острова арабов» («Сифат джазират ал-араб»), принадлежащее перу уроженца Йемена Хамадани (ум. в 945 г.). «Описание» содержит не только собственно географический материал, но также сведения по истории и генеалогии арабских племен. Хамадани также сочинил посвященный описанию Йемена труд «Иклил» («Венец»), в котором отразились его личные наблюдения за жизнью родной страны.

В конце IX — начале X в. в арабо-мусульманской географической литературе появляется еще одно направление — сочинения популярного, так называемого адабного, характера, восходящего к традициям творчества Джахиза. Одной из наиболее известных подобных работ является «Книга стран» («Китаб ал-булдан») Ибн ал-Факиха ал-Хамадани, состав-

ленная около 903 г. и содержащая наряду с обычной географической информацией немало анекдотов и развлекательных рассказов.

Почти одновременно с Ибн ал-Факихом составляет обширное энциклопедическое сочинение «Драгоценные подвески» («Ал-Аалак ан-нафиса») Абу Али Ахмад ибн Омар ибн Русте, перс по происхождению. Целиком труд Ибн Русте до нас не дошел — сохранились только части, посвященные географии и астрономии. Географический трактат Ибн Русте начинается с изложения принципов математической географии на основе сочинений Ибн Хордабхеа. Затем следует описание священных мусульманских городов — Мекки и Медины, известных арабам-мусульманам морей и рек, а также различных стран. Значительное внимание Ибн Русте уделяет родине своих предков — Ирану, а также Йемену и его столице Сане. Как и труд Ибн ал-Факиха, сочинение Ибн Русте написано в занимательном жанре.

К этому же направлению примыкает творчество вазира династии правивших в Бухаре Саманидов Абу Абдаллаха Мухаммада ибн Ахмада ибн Насра ал-Джайхани, который в 892–907 гг. составил не дошедшее до нас географическое сочинение, пользовавшееся большой популярностью в эпоху средневековья на Ближнем и Среднем Востоке. Масуди следующим образом характеризовал трактат саманидского вазира: «Джайхани... сочинил книгу с описанием мира и рассказами про него — какие в нем находятся диковины, города, столицы, моря, реки, народы, их обиталища — и с другими удивительными рассказами и интересными историями». Судя по всему, наряду с областями, находившимися под властью Халифата, в труде Джайхани имелись и описания земель, оставшихся чуждыми исламу. В этом отношении продолжателем традиции Джайхани был Масуди, рассказывающий о

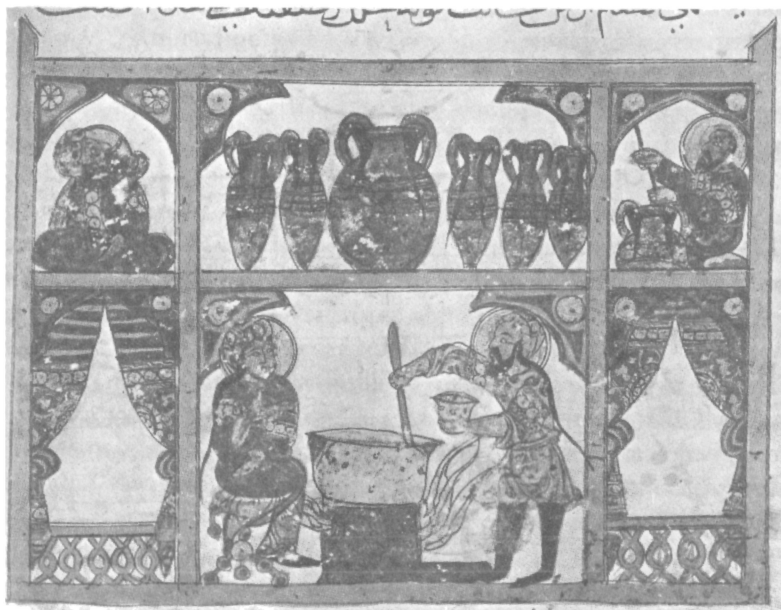
многих странах и народах, находившихся за пределами политического и культурного влияния Халифата.

«Золотые копии», основное из сохранившихся сочинений Масуди, безусловно, принадлежит к популярному, адабному направлению арабо-мусульманской географии, так как наш автор включил в него многочисленные анекдоты и занимательные рассказы.

Таковы основные итоги развития географической науки в арабо-мусульманском мире к тому времени, когда Масуди вступил в пору научной зрелости и стал составлять свои собственные сочинения. Теперь нам предстоит рассмотреть его географические воззрения.

Изложение географических вопросов Масуди помещает в начале своих сочинений. Прежде всего он высказывается по поводу происхождения и развития мира. Согласно воззрениям мусульман, пишет Масуди, мир был создан Аллахом из ничего. В то же время наш автор, человек весьма просвещенный, стремится подкрепить кораническую аргументацию основ мироздания доводами философского характера: все объекты, говорит он, имеют начало, в том числе и мир. Первоначалом мира, по мнению Масуди, является Аллах, творец вселенной. Поскольку мир имеет начало — акт божественного творения, — то неизбежен и его конец. В этом отношении Масуди — большой пессимист. Он считает, что конец света наступит через 7000 лет после его создания Аллахом. По его подсчетам, от Адама до 943 г. прошло 5156 лет, следовательно, большая и лучшая часть жизни на Земле уже миновала. Доказательством тому, что конец времен близок, служит, с его точки зрения, явное сокращение сроков жизни людей и уменьшение размеров их тел — в старину, говорит Масуди, люди жили гораздо дольше и были значительно выше ростом. В таком подходе, безусловно, явственно видны следы

эпического сознания, уходящего своими корнями в родовую эпоху. В то время всем народам мира было свойственно создавать предания о якобы существовавшем в незапамятные времена «золотом веке», когда люди жили долго и счастливо,

Багдадский аптекарь

не зная болезней, отличались огромным ростом и богатырской силой. Переходя к изложению воззрений Масуди по общегеографическим вопросам, необходимо отметить, что в целом они восходят к взглядам Птолемея в изложении известного астронома IX в. Баттани, о котором мы уже упоминали, а также к трактату античного астронома и географа Марина Тирского (нач. II в. н.э.), который был переведен на арабский язык (греческий текст его не сохранился).

Итак, в центре мироздания, по Масуди, находится Земля, которая представляет собой сферу. Солнце, Луна и звезды вращаются вокруг нее.

Аллах, как пишет наш автор, разделил Землю на две большие части — Восток-Юг и Север-Запад. Первая часть обильно освещается солнцем, и поэтому в ней царит тепло. Что же касается второй части Земли, то солнце от нее далеко, и здесь царит холод. Кроме того, Земля делится на четыре четверти — восточную, западную, северную и южную. Те, кто живет в восточной четверти мира, отличаются большой продолжительностью жизни, мужеством, гордостью и открытостью. Даже сроки правления монархов здесь больше, чем в других местах. Все это происходит благодаря тому, что восточная четверть Земли находится под влиянием Солнца. Вторая часть, западная, испытывает преимущественное влияние Луны и звезд. Тамашние жители по этой причине скрытны и религиозны. Обитатели северной четверти обладают высоким ростом, белой кожей и нетвердым характером. И, наконец, в четвертой, южной четверти мира живут чернокожие люди с вьющимися волосами.

Масуди, как и прочие арабо-мусульманские географы, унаследовавшие общегеографические воззрения от античности, полагал, что живые организмы обитают только в срединной части Земли, которую античные географы называли Ойкуменой, а арабо-мусульманские — Маамурой (дословно «Населенной»). Земля, как полагал Масуди, не населена на крайнем севере и крайнем юге. Границей Ойкумены на Севере является некий остров Туле — видимо, Британские острова. На востоке Маамура ограничена мифической стеной, якобы возведенной Александром Македонским, или, как его называли арабы-мусульмане, Искандаром Зу-л-Карнайном, стеной, отделяющей народы Йаджудж и Маджудж от осталь-

ного мира, а на западе — Океаном. За пределами Ойкумены нет жизни либо из-за слишком большой жары, либо из-за слишком сильного холода. Обитаемую поверхность Земли Масуди вслед за своими античными и арабо-мусульманскими предшественниками делит на семь зон — климатов. Наиболее умеренным и поэтому самым благоприятным для жизни людей является IV климат, который Масуди также называет климатом Вавилона. В центре IV климата находится родина Масуди — Ирак, обитатели которой дышат самым чистым на Земле воздухом, пьют наилучшую воду, возделывают самые плодородные почвы. По этой причине в умеренной зоне сложились наиболее благоприятные условия для развития цивилизации. Даже пророческий дар — способность к посредничеству между Аллахом и человечеством — дается людям, по мнению Масуди, только в IV климате.

Климат, по мнению Масуди, подкрепленному авторитетом Гиппократом (460—377 гг. до н.э.), оказывает решающее влияние на физические характеристики растений, животных и людей. Так, считает он, южный ветер приносит влажность, которая действует на человеческий организм расслабляюще, в то время как северный ветер укрепляет физические и умственные силы человека. Тепло и влага увеличивают размеры живых организмов — по мнению Гиппократом, приводимому Масуди, где-то на юге существует некая страна, в которой люди, животные и растения достигают весьма больших размеров. Климат местности способствует формированию устойчивых физических черт ее обитателей, в особенности цвета кожи и волос. С точки зрения Масуди, тюрки и египтяне обладают сходными физическими характеристиками, так как обитают в похожих климатических условиях. Климат воздействует не только на тела людей, но также на их внутренний мир. Изменения в атмосфере способствуют тому, что меня-

ются настроения людей, так как «душа зависит от тела, а тело — от погоды».

Как известно, большую часть земной поверхности занимают воды мирового океана. Во времена Масуди основным средством сообщения между отдаленными странами служило мореходство. Поэтому вполне естественно, что наш географ уделяет значительное внимание описанию морей, которых он насчитывает на Земле шесть: Эфиопское (Индийский океан), Ромейское (Средиземное море), Бунтус (Черное море, которое древние греки называли Понтом), Майутис (Азовское море — Мэотийское болото древних греков), Хазарское (Каспийское море) и Океан (или же Зеленое море). Говоря о происхождении морей, Масуди приводит три точки зрения на этот счет, которых придерживались античные и арабо-мусульманские географы. Одни полагали, что моря — это части Океана, другие — что моря — это жилы Земли, а третьи — будто моря порождены земными испарениями. Сам он придерживается первой, наиболее рациональной точки зрения, подчеркивая, что все остальные моря являются ответвлениями Океана.

Важнейшей чертой морей Масуди считает прилив и отлив. На основе этого он выделяет три типа морей: моря со значительным приливом и отливом, моря с незначительным приливом и отливом и моря, в которых прилив и отлив отсутствуют. Наиболее силен прилив на побережье Индии, а также в местности между южноиракским городом Басра и иранским портом Ахваз. В Индии Масуди видел, как собака убегала от прибывающей воды — так силен там прилив. Объясняя причины существования приливов и отливов, Масуди приводит следующие точки зрения своих предшественников: воды морей прибывают и убывают благодаря притяжению Луны; приливы и отливы происходят под воздействием морских паров; причины приливов и отливов подобны тем, что вызывают

Сцены из придворной жизни

приливы крови и желчи в организме человека; приливы и отливы вызываются движением воздуха, то есть ветрами; и, наконец, причина этого явления необъяснима и известна одному только Аллаху. Среди причин слабости или отсутствия приливов и отливов наш автор называет повышенную соленость воды, отдаленность того или иного моря от Луны, а также земные колебания. Сам Масуди, видимо, вслед за Кинди и Сарахси, считал, что приливы и отливы вызываются порывами морских ветров.

Суша и вода, по мнению Масуди, постепенно меняются местами, что связано с процессом старения Земли, которая в этом отношении подобна живому организму.

Самым большим морем на Земле Масуди считает Океан. Океан начинается за Гибралтарским проливом. Там на одном из островов якобы стоит удивительный маяк, увенчанный медной статуей. Подобные статуи имеются и на нескольких других близлежащих островах. Надписи на статуях гласят, что за ними кончается обитаемое пространство Земли — Ойкумена. Масуди сообщает, что маяк и статуи были поставлены в глубокой древности царем Харкалом, который дошел до границ Маамуры и отметил их таким образом. Вполне понятно, что Харкалом Масуди называет древнегреческого мифологического героя Геракла, известного римлянам под именем Геркулеса, а в его рассказе о медных статуях и маяке, якобы стоящих на границе Океана, отразился древнегреческий миф о том, что скалы, возвышающиеся с двух сторон Гибралтарского пролива — так называемые Геркулесовы столпы, — были возведены величайшим героем мифов Древней Греции.

Если начало Океана известно, то где его конец, неизвестно никому, пишет Масуди. Наш географ полагал, что другим местом, помимо Гибралтара, где Океан соединяется с прочими земными морями, является восточная часть Эфиопского

моря — Китайское море. Многие считают, пишет Масуди, что в Океане стоит золотой купол, из-под которого вытекают главные реки Земли, однако это неверно — ничего подобного на Земле не существует.

Вторым по величине на Земле после Океана Масуди считает Эфиопское море. На берегах Эфиопского моря находятся Китай, Индия, Синд (северо-западная часть Индии, завоеванная в начале VIII в. арабами-мусульманами), страна зинджей (Восточная Африка), иранские области Фарс и Кирман, Египет, Эфиопия. На юге Эфиопское море омывает некую неизвестную землю, о которой писал еще Птолемей. Частями Эфиопского моря являются меньшие моря — Китайское (Масуди, видимо, имеет в виду моря, омывающие берега Индокитая, Индонезии и Китая), Индийское (Бенгальский залив), Йеменское, или море Кулзума (Красное море). Масуди подчеркивает, что все эти моря соединяются между собой, однако природные условия в них различны. Например, когда Индийское море спокойно, в Персидском море наблюдается сильное волнение, и наоборот. Говоря о различных частях Эфиопского моря и о том, что каждой из них присущи свои собственные природные условия, Масуди неявно высказывает мысль о том, что Эфиопское море представляет собой океан, входящие в состав которого моря значительно отличаются друг от друга. В Эфиопском море обитает огромная рыба длиной в пятьсот локтей (ок. 250 м), называемая ал-афал (может быть, наш автор имеет в виду кита). Если рыба ал-афал начинает слишком уж буйствовать, то Аллах насылает на нее рыбу длиной в локоть (ок. 50 см), называемую аш-шакк, которая влезает в ухо морского чудовища и губит его.

Ромейское море, пишет Масуди, представляет собой залив Океана. Оно омывает Сирию, Египет, Магриб, Андалусию, страну франков, страну славян и другие страны.

Море Бунтус (Черное море) лежит, по мнению Масуди, на крайней северной границе Ойкумены. Частью Бунтуса является залив Константинополя (Халидж ал-Кустантинийя), Гелеспонт, то есть Мраморное море, и Босфор, которые, согласно современным географическим представлениям, являются частью Средиземного моря — Ромейского, по терминологии Масуди. Бунтус соединен с небольшим морем Майутис.

На берегах Хазарского (Каспийского) моря лежат Дербент (Баб ал-Абваб Масуди и других арабо-мусульманских географов), Армения и Азербайджан, Хорезм, иранские области Дейлем, Табаристан и Горган. На побережье Хазарского моря кочуют турки-огузы. Для Масуди Хазарское море примечательно также и тем, что на его берегах добывают нефть, а в самом море есть острова, где из скважин вырываются огненные языки пламени, которые ночью видны на значительном расстоянии.

Таковы сведения о морях, содержащиеся в трудах Масуди.

Масуди, как и многих других средневековых ученых, весьма интересовал небесный свод. В соответствии с астрологическими воззрениями, унаследованными арабами-мусульманами от иранцев и индийцев, Масуди полагал, будто небесные тела — два светила (Солнце и Луна), известные в то время планеты — Венера, Марс, Меркурий, Юпитер, Сатурн — и звезды оказывают влияние как на жизнь Земли в целом, так и на судьбу отдельных людей. Он считал, что между определенными частями Земли и небосвода имеется тесная зависимость. Климаты же, на которые подразделяется обитаемая часть поверхности Земли, распределяются между управляющими ими небесными телами. Первый климат подчиняется Сатурну, второй — Юпитеру, третий — Марсу, четвертый — Солнцу, пятый — Венере, шестой — Меркурию и седьмой — Луне. Наи-

большее влияние на земные дела оказывает Луна — ей подчиняются жизненные циклы растений, животных и людей, от нее зависят женские регулы. Велика роль в земных делах, по мнению нашего автора, знаков Зодиака, учение о которых восходит еще к древнему Вавилону. В определенные исторические периоды мир находится под воздействием какого-либо знака Зодиака. Порядок влияния знаков следующий: Овен, Телец, Близнецы, Рак, Лев, Дева, Весы, Скорпион, Стрелец, Козерог, Водолей, Рыбы. Масуди полагал, что в его время Земля живет под созвездием Девы, которому помогает управлять миром планета Юпитер. Срок действия всех знаков Зодиака составляет 7000 лет. Конец света наступит от того, считает он, что управляющая мирозданием планета пересечет небосвод слишком большое количество раз. Тогда силы мира иссякнут и он погибнет.

Небесный свод, согласно воззрениям Масуди, устроен следующим образом. Непосредственно над Землей находится орбита Луны. За ней следует орбита Меркурия, потом Венеры, затем орбиты Солнца, Марса, Юпитера, Сатурна. Далее расположена орбита неподвижных звезд, а над ней — орбита знаков Зодиака. Все это окружено Высшей орбитой, которая приводит в движение все прочие орбиты. Земля находится в центре мироздания, подобно тому как точка находится в центре окружности.

Высшая орбита вращается в направлении с востока на запад, равным образом как и орбиты большинства небесных тел.

Земля окружена воздухом. Воздух, согласно Масуди, населен. Он полагал, что в атмосфере обитают некие живые существа, обычно невидимые человеческому глазу. Такое воззрение нашего автора опиралось на авторитет античных ученых Галена (129—201) и Плиния Старшего (23—79). Масуди

приводит слова Галена: «Воздух обитаем», а также высказывание Плиния Старшего: «Если твари обитают на земле и в воде, то они должны обитать и в воздухе». В подтверждение этому наш автор пересказывает одну фантастическую историю, которая якобы произошла с Харуном ар-Рашидом. Однажды Харун ар-Рашид отправился на охоту в окрестностях Мосула, города, расположенного на севере Ирака. На руке халифа сидел белый охотничий сокол. Вдруг птица заволновалась, почуяв добычу, и ар-Рашид выпустил ее. Сокол взлетел так высоко, что пропал из виду, и все полагали, что он потерялся. Однако через некоторое время птица возвратилась, неся некое живое существо, похожее на змею с рыбьими плавниками. Халиф распорядился положить эту странную добычу в таз. Вернувшись с охоты домой, он велел позвать ученых и спросил их, что они думают по этому поводу. Один из них ответил, что в воздухе обитают различные живые существа. Змеи с рыбьими плавниками, одну из которых принес сокол халифа, откладывают на земле яйца и выводят детенышей, которые потом улетают высоко в небо. Халиф был весьма доволен предложенным объяснением и щедро одарил ученого мужа. Нам, в отличие от Масуди, трудно поверить в правдоподобность приведенного рассказа. Скорее всего, он был придуман для подтверждения утверждений античных писателей, авторитет которых в арабо-мусульманском мире был чрезвычайно высок, о том, что воздушное пространство обитаемо.

Основой всего мироздания Масуди считает четыре первоэлемента — огонь, воздух, воду, землю. Огонь и воздух по природе своей являются горячими элементами, которые обладают свойством подниматься вверх. Они отличаются друг от друга тем, что первый сух, а второй влажен. Пару холодных первоэлементов составляют вода и земля. Им свойственно

опускаться вниз. Четырем первоэлементам соответствуют четыре времени года, четыре страны света и четыре периода жизни человека — детство, юность, зрелость и старость. С точки зрения Масуди и его современников, в этих четверичных соответствиях проявляется мудрость Аллаха, создавшего мир.

Всадники

Что касается небесного свода и орбит, по которым движутся планеты и светила, то Масуди приводит две точки зрения античных мыслителей на этот счет. Первая восходит к Платону, считавшему, что небесный свод, так же как и Земля, состоит из четырех первоэлементов. Другая же точка зрения, которой придерживался Аристотель, заключается в том, что небо — это особый, пятый элемент.

Изложение астрономических, общегеографических и натурфилософских воззрений в сочинениях Масуди носит подчиненный и предварительный характер. Более всего интере-

совала нашего автора история народов, населяющих Землю. Физический же мир Масуди считал колоссальной ареной, на которой разыгрывается драма всемирной истории. Человеческое общество — вот что находилось в центре внимания ученого. Масуди разработал определенные закономерности развития человечества. Он считал, что люди по своей природе злы, поэтому для поддержания порядка в сообществе индивидов необходимо наличие такого института, который вызывал бы у всех членов общества уважение и страх. Таким институтом Масуди считает царскую власть, которая, по его выражению, подобна сердцу в организме человека. Начало царской власти означает начало цивилизованного образа жизни, переход от первобытного состояния к культуре, начало гражданской истории. Показательно в этой связи то, что наш автор начинает изложение истории древних греков с македонского царя Филиппа, отца Александра Македонского, которого Масуди считает первым греческим царем. Что же касается истории античных городов-государств, как демократических, так и аристократических, до македонского завоевания, то она лежит вне сферы интересов ученого, так как не является, с его точки зрения, историей цивилизованного общества. По этой же причине Масуди ничего не сообщает об истории Рима до установления императорской власти, считая Юлия Цезаря (Джалийуса, как он его называет) первым римским царем, а следовательно, основоположником римской государственности.

Масуди придерживался библейско-коранической концепции возникновения человеческого рода — первый человек был создан Аллахом из глины и получил имя Адам. По прошествии нескольких поколений впавшие в нечестие и идолопоклонство потомки Адама были уничтожены потопом. Спасся только праведник Ной (у арабов-мусульман он носил имя Нуха)

и его сыновья, которые стали прародителями современного Масуди человечества. Масуди не принимает библейско-кораническую легенду безоговорочно. Он сообщает, что некоторые народы, например, иранцы, индийцы и китайцы, считают своими прародителями других мифологических персонажей. Сомнения ученого подкреплялись также и тем, что мифы некоторых народов, тех же иранцев, индийцев и китайцев, которые были ему известны и которые он принимал за исторически достоверные свидетельства, не содержат каких-либо известий о всемирном потопе. После безуспешной попытки строительства Вавилонской башни, которая, согласно библейско-коранической легенде, закончилась разделением языков, Земля была поделена между потомками сыновей Ноя — Сима (у арабов-мусульман — Сама), Хама и Иафета (Йафиса). На Земле образовались семь народов, которые в древности, как считал Масуди, внесли решающий вклад в развитие мировой цивилизации. Этими семью «древними народами» были иранцы, халдеи, греки, египтяне, тюрки, индийцы, китайцы. Масуди разработал систему признаков, при помощи которых он описывал каждый из народов. Эти признаки были следующими:

- общий язык;
- общая территория;
- общая государственность;
- общие физические свойства.

Каждый из «древних народов» не представлял собой некоего единообразного целого, но являлся совокупностью нескольких родственных этнических групп.

Первым среди «древних народов» Масуди называет иранцев. Они жили в наиболее благоприятном, IV климате и поэтому внесли наиболее крупный вклад в развитие мировой цивилизации. Они первыми установили монархический принцип правления и выработали теорию управления государством,

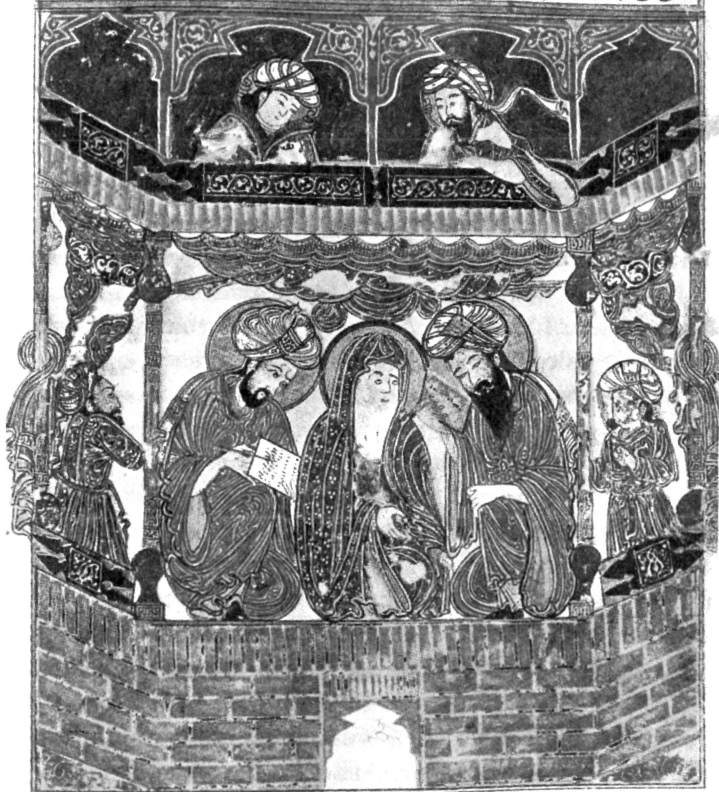
которая является наиболее значительным завоеванием древнеиранской цивилизации.

По соседству с иранцами обитал другой «древний народ» — халдеи, различные ответвления которых населяли Сирию, Ирак и Аравийский полуостров. К халдеям, по мнению Масуди, относились вавилоняне, ниневийцы (ассирийцы), арамеи, набатеи, а также предки арабов. Говоря современным языком, халдеи — это семитские народы. Масуди полагал, что халдеи первыми на Земле начали строить города и дороги, добывать железо, медь и свинец, рыть оросительные каналы, установили регулярные брачные отношения и выработали правила ведения войны. У халдеев было чрезвычайно развито земледелие. Наблюдая за небесными светилами, халдеи открыли законы астрологии.

К северу от халдеев и иранцев жил третий «древний народ» — греки. Помимо собственно греков, Масуди включает в эту группу римлян и наследников римской государственности византийцев (ромеев), а также славян и франков. Он полагал, что некогда все этносы, входившие в состав этого «древнего народа», жили в одном царстве и говорили на одном языке. Для Масуди и других арабо-мусульманских ученых греки были непререкаемым авторитетом в области философии, логики, геометрии, астрономии, физики, музыки, медицины, географии, зоологии, алхимии. Полагая, что именно арабо-мусульманская культура является наследницей достижений греков, Масуди подчеркивал, что арабы и греки якобы родственны друг другу, так как предок греков Йунан был родным братом прародителя арабов Кахтана, род которого возводился к сыну Нуха (Ноя) Саму (Симу).

В этнокультурную группу египтян Масуди включал не только жителей Египта, но также обитателей Магриба и темнокожие племена Африки. Древние египтяне, по его мнению, были

فَسَلَّ مِنْ تَمَّةِ صَوَانِ الْحِكْمَةِ لِنَظْمِ الدِّينِ إِلَى الْقِسْمِ الْبَيْعِ أَنْ خَمْسَةَ مِنْ الْحُكَمَاءِ اجْتَمَعُوا
وَصَفُّوا رَسَائِلَ إِخْوَانِ الصَّفَا وَهُمْ أَبُو سَلَيْمٍ مُحَمَّدُ بْنُ مُسْعِرٍ النَّسْتِ وَيَعْرِفُ بِالْقُدْسِيِّ وَأَبُو الْحَسَنِ
عَلِيٌّ بْنُ مَرْزُوقٍ الرَّجَزِيُّ وَأَبُو جَدِّ النَّهْرِيِّ وَابْنُ جُورِيِّ وَالْبَعَوِيُّ وَزَيْدُ بْنُ رَفَاعَةَ وَالْقَاطُ الْكَابِي الْقُدْسِيُّ

٢

Учитель и ученики

знатоками астрологии и искусными магами. Таинственные иероглифические письмена, покрывавшие стены древних египетских храмов, наш автор считал волшебными талисманами, при помощи которых египтяне отражали своих врагов. Вообще, сведения, приводимые Масуди о Египте и египтянах, весьма обильны, и мы расскажем о том, что он писал об этой стране и ее народе, когда перейдем к повествованию о его путешествиях.

Из всех «древних народов» Масуди ниже всех ставил тюрок. Сведения, приводимые им о тюркских племенах, носят разрозненный и отрывочный характер. Тюрки обитают в северном климате, ведут кочевой образ жизни, поэтому, с точки зрения Масуди, они не способны к развитию цивилизации. В то же время кочевники-тюрки — хорошие воины, благодаря чему их роль в общественно-политической жизни Халифата весьма высока. Однако воздействие тюрок на политические институты арабо-мусульманского государства носит резко отрицательный характер, так как их засилье способствовало ослаблению власти халифов, ставших марионетками в руках верхушки тюркских гвардейцев. Масуди отмечает, что современные ему тюркские племена разобщены, однако в прошлом они образовывали единое государство во главе с каганом, вождем племени карлукия, обитавшим в Ферганской долине.

Масуди считал, что страной, откуда научные знания распространились по всему миру, является Индия, которую он называл «родиной добродетели и науки», поэтому он полагал, что индийцы являются одним из наиболее выдающихся «древних народов». Хотя индийцам, пишет наш автор, и не было непосредственно ниспослано божественное откровение, они сумели разработать основы астрологии и других наук благодаря мудрости своего первого царя Бархамы (возможно, имеется в виду одно из главных божеств индуизма Брахма, со-

ставляющий наряду с Вишну и Шивой божественную троицу — Тримурти), а также благодаря тому, что, согласно мусульманскому преданию, изгнанный из рая Адам, спустившись на землю, попал именно в Индию, принеся туда сокровища божественной мудрости. Культ звезд, например, а вместе с ним и астрономия возникли именно в Индии, откуда они были заимствованы легендарным иранским царем Будасафом. Масуди считает, что в основе индийской культуры лежит рационализм, что принципы государственного управления в Индии отличаются справедливостью и разумностью. Индийское общество организовано на основе кастового деления, соответствующего иерархической структуре мира, который порождается, согласно воззрениям индийских философов в изложении Масуди, в результате эманации высшей силы во вселенной — Первого принципа, которому подчиняется Солнце, а ему, в свою очередь, звезды, создающие различные формы земной жизни. Моделью мира наряду с кастовой системой является изобретенная в Индии шахматная игра, в которой шах (по современной шахматной терминологии — король) олицетворял Первый принцип, а остальные фигуры — Солнце и звезды, управляющие вселенной.

Масуди не видел воочию достижений китайской цивилизации, так как никогда не был в этой стране, однако он весьма высоко ценил ее успехи. Китайцы для Масуди — это прежде всего искусные ремесленники и торговцы, установившие контакты со многими заморскими странами. Он восхваляет китайских правителей за то, что те дали своему народу мудрые законы.

Таким образом, каждый из семи «древних народов», описанных Масуди, внес особенно значительный вклад в развитие какой-либо одной из сторон мировой цивилизации. Так, греки и индийцы знамениты как философы, мудрецы и аст-

рономы, иранцы и китайцы — как теоретики и практики справедливой системы государственного управления, халдеи — искусные земледельцы и астрологи, египтяне — знатоки волшебства и оккультных наук. Масуди полагал, что наследие семи «древних народов» имеет большое значение для арабо-мусульманской культуры, которая должна питаться не только соками мусульманской религии и аравийской старины, но и достижениями других цивилизаций.

Рассмотрев культуры практически всех известных в его время арабам-мусульманам народов, Масуди пришел к выводу о том, что в процессе развития человечества происходит его упадок; это особенно отчетливо видно на примере спада крупных государств — некогда единых Китая, Индии, державы Александра Македонского, Римской империи. Эти пессимистические взгляды были, видимо, навеяны Масуди политической реальностью Халифата, который в его время переживал тяжелый кризис и дробился на более мелкие государства, правители которых подчас даже не признавали вассальной зависимости по отношению к аббасидскому халифу в Багдаде. Политический распад сопровождается и моральным кризисом, который с особой отчетливостью проявляется в среде правителей и их приближенных. Образцами высокой нравственности для нашего автора были основатель ислама Мухаммад и его ближайшие преемники — руководители мусульманской общины, так называемые праведные халифы, которые, по мнению Масуди, отличались благочестием, справедливостью, личной скромностью и простотой, а также древние правители-мудрецы Ирана, Индии и Китая. Что касается современных ему руководителей арабо-мусульманского государства, халифов, то их Масуди не без основания обвинял в изнеженности, любви к роскоши, развращенности и бессмысленной жестокости, а то и просто неспособности к политичес-

кой деятельности. Видимо, как это ни было горько, ученый осознавал неизбежность окончательного падения Аббасидского государства.

Таковы воззрения Масуди на мир, в котором живет человек, и на развитие человеческой истории. Вполне понятно, что естественнонаучные и общественно-политические взгляды ученого выкристаллизовались не сразу, но характер сохранившихся его сочинений не позволяет с большой степенью подробности говорить о формировании и эволюции мировоззрения Масуди. Тем не менее, можно с уверенностью сказать, что взгляды Масуди сложились не только в результате чтения книг и бесед с учеными мужами, но также вследствие длительных путешествий, которым он отдал большую и лучшую часть своей жизни. Описанию этих странствий посвящается следующая глава книги о Масуди.

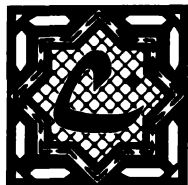

Глава III

От Индии до Египта, от Кавказа до Мадагаскара

Я двигался на Запад,
так что не встретил и следа Востока.
И шел на Восток, позабыв о Западе.

Бухтури (IX в.)

тихотворный отрывок, прозаический перевод которого послужил эпиграфом к этой главе, цитируется Масуди в начале последнего из его сочинений, «Книги указания и наблюдения», когда он кратко сообщает о своих странствиях, испытывая, видимо, те же чувства, которые обуревали лирического героя знаменитого арабского поэта. Действительно, большая часть относительно недолгой жизни Масуди прошла в странствиях. Примерно за сорок лет ученый успел побывать в Индии и на восточном побережье Африки, на Аравийском полуострове и на Кавказе, основательно объездить Сирию и Египет, не говоря уже о своем родном Ираке, во многих городах которого Масуди бывал в перерывах между поездками на чужбину, пересаживаясь с верблюда на коня, а с коня — на корабль. Одновременно он успевал очень много писать. По сообщению средневековых биографов Масуди, первое, не дошедшее до нас его сочинение «Известия о времени» («Ахбар аз-Заман») составляло тридцать томов. Даже две сохранившиеся целиком его работы — «Золотые копи» и «Книга указания и наблюдения» — составляют в современных изданиях около двух тысяч страниц. Всего же за свою жизнь Масуди написал около тридцати сочинений по различным отраслям научного знания.

У арабов-мусульман путешествия считались делом богоугодным. Одной из важнейших обязанностей каждого последователя ислама является совершение паломничества к глав-

Наместник и проситель

ной святыне этой религии — мекканскому храму Каабе, а также посещение могилы пророка Мухаммада, находящейся в соседней с Меккой Медине. Весьма почетным и благочестивым поступком считалось и паломничество к святыням Иерусалима. Кроме того, нередко совершались путешествия для

сбора преданий о жизни и речах основателя ислама. Поскольку границы мусульманской империи были очень обширны, то мусульманам зачастую приходилось проделывать долгий и опасный путь для выполнения своего религиозного долга. Таким образом, уже с первых десятилетий своего существования арабо-мусульманское общество было приучено к мысли о достоинстве странствий. Выше мы говорили, что на средневековом Ближнем Востоке, в отличие от Европы, торговая жизнь никогда не замирала, а натуральное хозяйство никогда не занимало господствующего положения. Поэтому одной из самых достойных профессий считалась профессия купца. Купцы же, как известно, вынуждены совершать отдаленные поездки с торговыми целями. Арабо-мусульманские торговцы нередко сочетали заботу о пополнении своего кошелька с заботой о спасении души — их поездки в отдаленные страны с торговыми целями часто сопровождались миссионерской деятельностью по распространению мусульманского вероучения. Именно в результате торговых контактов ислам проник на территорию современных Индонезии и Малайзии, а также в Восточную Африку.

Путешествовали также многие арабо-мусульманские ученые-географы — предшественники и современники Масуди, такие, как Йакуби, Истахри, Макдиси, Ибн Хаукал и другие. Следовательно, сам по себе факт длительных странствий не был чем-то удивительным и странным в среде арабо-мусульманских ученых.

Что касается путешествий Масуди, то они, по всей видимости, не имели связи с какой-либо официальной миссией, торговыми интересами или задачами религиозного характера. Мотивы, побуждавшие ученого покидать насиженные места и идти навстречу многим неудобствам и опасностям, носили благороднейший характер — Масуди стремился к познанию

мира, его чудес и закономерностей, он не без основания полагал, что сумеет значительно расширить представления своих современников об Ойкумене, о жизни многих народов. Прав-

Суд

да, австралийский исследователь наследия Масуди М.Х. Шбул Ахмад считает, что Масуди, возможно, стал участником какого-либо коммерческого предприятия, чтобы найти средства для поездки в Иран и Индию. Автору же это представляется маловероятным. Скорее, Масуди был выходцем из знатной и

обеспеченной семьи, поэтому он, видимо, обладал достаточными средствами, чтобы разъезжать по разным странам.

В какой-то форме Масуди фиксировал свои путевые впечатления, однако в его сочинения эти записи не вошли — дело

Морской корабль

в том, что в то время личностное начало было еще достаточно слабо развито в арабо-мусульманской культуре, поэтому сами по себе впечатления какого-либо человека от его поездок никого не интересовали. Однако, трактуя тот или иной географический или исторический вопрос в своих сочинениях, Масуди часто сообщает о том, что он видел или слышал в дальних краях.

По Ирану

В 915 г. Масуди, которому в то время было около двадцати лет, покинул Багдад с одним из купеческих караванов и двинулся на восток, направляясь в Иран, где издавна, задолго до арабо-мусульманского завоевания, существовала высокоразвитая культура. Чем же было вызвано то, что юный ученый и путешественник решил направиться именно в эту страну? Дело в том, что после установления в Халифате в середине VIII в. власти Аббасидов, многие сторонники которых были по происхождению иранцами, значение древних иранских культурных и политических традиций значительно возросло. Халифат стал рассматриваться как возрожденная Сасанидская монархия, а халиф — как преемник шахиншаха. Дело дошло до того, что халиф Мансур даже ввел при своем дворе ношение одежд персидского покроя. Иранское влияние в арабо-мусульманском государстве еще больше возросло после победы сына халифа Харуна ар-Рашида Мамуна над своим братом Амином (809—813). Ведь, будучи первоначально наместником одной из крупнейших иранских областей — Хорасана, Мамун опирался на иранскую знать. К тому же в Багдаде проживало много иранцев, которые занимались ремеслом и торговлей. Безусловно, культурное наследие Ирана интересовало многих образованных людей арабо-мусульманского мира. И Масуди тоже хотелось воочию увидеть развалины величественных дворцов и храмов с непонятными письменами, побеседовать с последователями гонимой при исламе древней религии иранцев — зороастризма, который в начале X в. продолжал играть заметную роль, несмотря на то что мусульманство получило уже значительное распространение среди жителей Ирана.

На следующий день после отъезда из Багдада караван, с которым следовал Масуди, поравнялся с развалинами столи-

цы сасанидских шахов — Ктесифона. Величие его так пора- жало арабов, иногда еще в доисламское время приезжавших в Ирак из пустынь Аравийского полуострова, что они дали Ктесифону свое название — Мадаин, что по-арабски означает «города»: сасанидская столица казалась кочевникам не одним городом, а многими, сросшимися воедино. Мадаин-Ктесифон имел древнюю историю. В эллинистическое время здесь располагалась Селевкия, столица одного из образовавшихся на развалинах империи Александра Македонского царств. Античные стены этого города мог видеть и Масуди. Безусловно, посетил он также и памятник мусульманского времени — мавзолей одного из видных сподвижников основателя ислама, Салмана ал-Фариси, который по происхождению был иранцем. Когда к Медине, где жил Мухаммад и его последователи-мусульмане, подошло войско жителей Мекки, которые в то время еще сохраняли языческие верования, и ополчение союзных им бедуинских племен, Салман ал-Фариси посоветовал мусульманскому пророку вырыть перед осажденным городом ров — рвы широко применялись во время оборонительных боев сасанидскими войсками. Язычники попытались форсировать ров, но были отражены, потеряв много людей. Вскоре они вынуждены были отступить от Медины. В арабомусульманской историографической литературе, в том числе и в сочинениях Масуди, это сражение получило название «День рва» («Йаум ал-Хандак»). Видимо, Масуди побывал также и у гробницы другого сподвижника Мухаммада, Хузайфы ибн ал-Йамана, который считался одним из мудрых советчиков пророка. Но наибольший интерес путешественника привлек знаменитый дворец Сасанидов, который арабы называли в честь одного из шахиншахов Айваном (дворцом) Хосроя. По сообщению Масуди, строительство Айвана было начато при шахе Шапуре (234—272) и завершено при Хосрове Парвизе (591—

629). Здесь любил бывать халиф Харун ар-Рашид. Однажды, пишет наш автор, халиф заночевал в Айване и услышал, что один из его слуг говорил другому, будто дворец построил неверный язычник, собачий сын, который в гордыне своей хотел достичь неба. Разгневанный Повелитель верующих велел высечь невоздержанного на язык слугу и объявить, что халиф не потерпит подобной хулы на монархов, потому что все самодержцы — братья.

При аббасидских халифах Айван стали разрушать, чтобы использовать камни, из которых он был сложен, для возведения новых построек. Масуди приводит по этому поводу следующий анекдот. Однажды Харун ар-Рашид спросил своего вазира Йахйу ибн Халида, стоит ли разрушить Айван. Йахйа ответил, что ломать дворец Сасанидов не надо. Халиф подумал, что Йахйа, который, как и многие другие вельможи, был по происхождению иранцем, принял ислам лишь для вида, а на самом деле сохраняет приверженность зороастризму, и отдал приказ стереть Айван с лица земли. Однако вскоре выяснилось, что халифской казне не хватит средств для того, чтобы разрушить такое большое и прочно построенное сооружение, и халиф был вынужден отменить свое распоряжение. Узнав об этом, Йахйа ибн Халид сказал, что теперь-то Айван обязательно надо разрушить. Ведь первоначально его разрушение не было необходимым для прославления ислама, потому что эта религия не уничтожает того, что было создано людьми других вероисповеданий. Теперь же, после обнародования халифского приказа, волю Повелителя верующих надо непременно исполнить, чтобы ислам не выглядел бессильным в глазах последователей и иноверцев.

К счастью, совет премудрого вазира, столь заботившегося о престиже своего августейшего патрона, до конца исполнен

не был, и развалины дворца Сасанидов в Ктесифоне сохранились до нашего времени.

Через несколько дней караван отправился из Мадаина и вскоре достиг рубежей Ирана.

Внимательно вглядывался Масуди в незнакомую ему местность. Ведь впервые он оказался на земле, где с халифом считались еще меньше, чем в контролируемом тюрками Багдаде. Еще в первой половине IX в. здесь стали возникать местные государства — эмираты, возглавлявшиеся династиями иранского происхождения. Первое такое государство было образо-

В бедуинском шатре

вано полководцем халифа Мамуна Тахиром ибн ал-Хусейном, который командовал войсками, осаждавшими Багдад во время усобицы с Амином. После победы над Амином Мамун,

боясь усиления влияния Тахира при дворе, назначил его на ту же должность, которую занимал он сам до свержения брата, — наместником крупнейшей иранской провинции Хорасан, центром которой считался город Мерв. Окрыленный военными победами и гордый статусом наместника, Тахир решил основать независимое иранское государство. Он настолько сжился с этой мечтой, что потерял осторожность и приказал больше не упоминать имя халифа в пятничных проповедях, произносимы с минбаров (кафедр) мечетей Хорасана, что считалось одним из важнейших показателей вассальной верности. Однако он не учел того, что в то время руки халифа еще были длинны; через два года после назначения, в 823 г., Тахир был отравлен. Долго не продержался на престоле и сын Тахира Талха, однако его брату Абдаллаху ибн ат-Тахиру удалось стабилизировать положение в государстве путем проведения реформ, упорядочивающих систему налогообложения. Конечно, она была направлена прежде всего на укрепление класса феодалов, однако от ее проведения выиграло также и крестьянство, ибо произвол землевладельцев был несколько ограничен. Все это способствовало тому, что в иранской историографии и народных легендах X—XV вв. сложился идеализированный образ доброго правителя Абдаллаха, который, однако, не соответствовал действительности.

Позиции Тахиридов — так принято в исторической литературе называть потомков ат-Тахира ибн ал-Хусейна — укреплялись также и тем, что они воспользовались решением халифа о формировании региональных ополчений. Конницу в этих войсках составляли землевладельцы, а в пехоте служили крестьяне. Некоторые наиболее предприимчивые люди стали набирать разорившихся и деклассированных крестьян, создавать из них отряды мутаввиййа (добровольцев) и с этими

Пир

отрядами поступать на службу к тем же Тахиридам, их наместникам или правителям других областей. Нередко отряды мутаввиййа несли сторожевую службу на границах с тюрка-

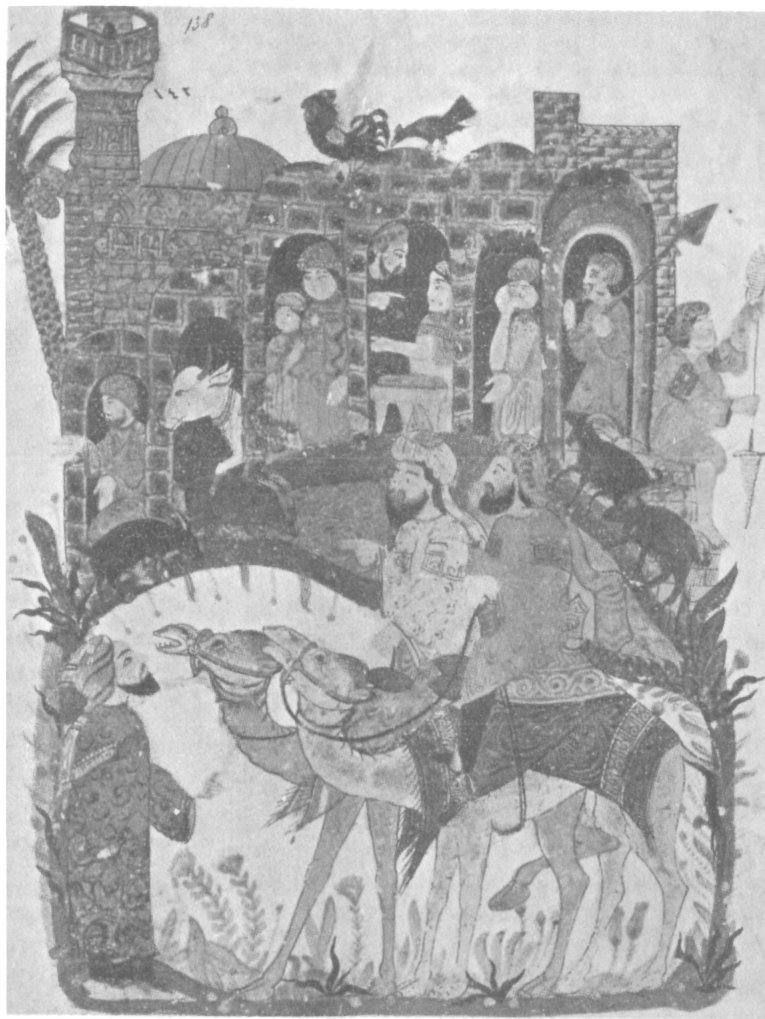
ми, защищая внутренние районы Халифата от их набегов. Однако новая военная мощь, которая, казалось, способствовала укреплению независимости государства Тахиридов от власти халифов, явилась в конечном итоге причиной его падения. Дело в том, что в 861 г. предводитель одного из отрядов мутаввиййа Йакуб ибн Лайс ас-Саффар захватил власть в Сиджистане, области, лежащей к юго-востоку от Хорасана, главной базы тахиридского государства. Йакуб ибн Лайс происходил из бедной крестьянской семьи, в молодости был подмастерьем медника, почему и получил прозвище Саффар (что по-арабски означает «медник»). Не меньшим лишениям под-

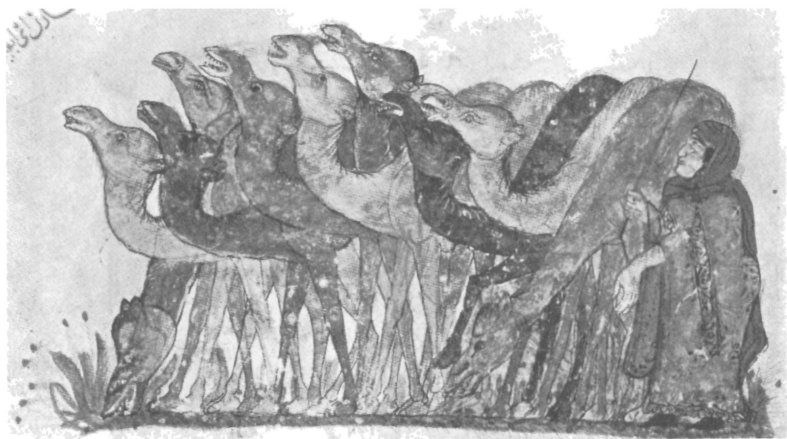
Наместник и проситель

вергался и его брат Амр, который зарабатывал на пропитание ремеслом погонщика ослов. Когда Йакубу ибн Лайсу наскучило кропотливое ремесло медника, он бежал от своего хозяина, попал к разбойникам, вместе с которыми совершал дерзкие нападения на купеческие караваны, вскоре стал предводителем шайки. Со временем Саффар понял, что куда выгоднее и почетнее заниматься ремеслом наемного солдата-кондотьера, чем черной работой грабителя. Поэтому он и беспрекословно подчинявшиеся ему товарищи объявили себя мутаавиййа и поступили на службу к одному из местных правителей. Вскоре в Сиджистане разгорелось восстание хариджитов, мусульманской секты, выступавшей за выборность халифа и за раздел имущества. Подавив это восстание, Йакуб ибн Лайс и стал властителем Сиджистана. Однако он был слишком честолюбивым человеком, чтобы удовлетвориться властью над одной только провинцией. Вскоре Саффар присоединил к своим владениям важные восточноиранские города Герат и Балх, а затем нанес удар по господству Тахиридов. Низложив эту династию в 873 г., Саффар занял области Кирман и Фарс, а потом, решив поставить халифа под свой контроль, двинулся на Багдад. Он дошел до городка Дайр ал-Акул, что находился под Самаррой, где был разбит войсками халифа Мутамида (870—892). Многие его сторонники погибли, а сам Саффар со своими военачальниками спасся бегством. После его смерти в 879 г. государство возглавил брат Саффара Амр. В 900 г. против Амра выступил правитель государства Саманидов Исмаил. Амр был разбит у Балха, захвачен в плен, доставлен в Багдад и там казнен. Расправившись с Амром, Исмаил присоединил Сиджистан к своим владениям.

Хотя политическому образованию, созданному Саффаром, и была суждена недолгая жизнь, сама личность Саффара,

Всадники на верблюдах у города

Стадо верблюдов

сделавшего головокружительную карьеру от подмастерья до властителя обширной области, осмелившегося вступить в спор с самим халифом, произвела сильное впечатление на его современников. Наверное, Масуди слышал рассказы о непреклонном и мужественном Йакубе ибн Лайсе еще в Багдаде. Прежде всего, о нем шла молва как о неприхотливом воине, способном довольствоваться малым. Масуди сообщает, что Сафффар всегда сидел на куске дерюги, спал на щите, положив под голову знамя. Однажды, по словам нашего автора, халифский посол упрекнул полководца за то, что его походная палатка бедна. Сафффар ответил, что о предводителе судят не по тому, что он возит с собой, а по его делам; вещи же только обременили бы выючных животных. Думается, что подчеркнутая личная скромность Сафффара была не только чертой его характера, но и своеобразной маской, которую он надел на себя, чтобы добиться популярности среди своих воинов. Масуди замечает, что Сафффар вел себя с подчиненными

небывалым образом и поэтому пользовался среди них небывалым авторитетом. Будучи лично скромным и неприхотливым, Саффар не допускал панибратства. Он никого не посвящал в свои планы. Если его войска не были в походе, он любил сидеть и размышлять в одиночестве, а по вечерам обучать мальчиков умению владеть оружием. Он полностью доверял только специально отобранным им самим охранникам, с ко-

Обряд всадников

торыми делил ночлег и скудную трапезу. Гвардейцы не пускали в палатку полководца никого из его военачальников без особого на то разрешения. Войско Саффара славилось железной дисциплиной. Масуди приводит следующие тому примеры. Однажды Саффар приказал своим воинам устроить привал и разрешил пустить лошадей на пастбища. Но потом обстоятельства сложились так, что он был вынужден внезапно дать сигнал о выступлении. Люди, присутствовавшие при этом, после говорили, что они видели, как один воин вырывал у своей лошади траву изо рта, чтобы не опоздать в строй. В другой раз, говорит Масуди, войско оставило в неприкосновенности захваченный неприятельский лагерь, в котором имелись богатые трофеи, дожидаясь приказаний на этот счет своего начальника. Строгий порядок был установлен Саффаром при приеме новобранцев на службу. Если к нему приходил человек, желавший поступить в войско, то Саффар, как сообщает Масуди, лично с ним беседовал. Потом распоряжался продать его имущество, а деньги сдать в войсковую казну. Новобранец же взамен этого получал военное снаряжение и становился на довольствие. Если кто-либо хотел уйти от Саффара, то его отпускали, возместив стоимость проданного имущества.

На востоке Ирана и в Средней Азии в первой половине X в. существовало государство Саманидов, главными центрами которого являлись Самарканд и Бухара. Прародителем саманидских властителей был мелкий бухарский землевладелец Саман, внуки которого были назначены на административные должности в Хорасане во время правления халифа Мамуна за участие в подавлении одного из местных восстаний. После разгрома государства Саффаридов Саманид Исмаил получил от халифа Муктафи (902—908) грамоту на управление Хорасаном. Саманиды опирались на крупных

иранских и среднеазиатских землевладельцев. Они установили в своем государстве аббасидскую бюрократическую систему управления. Подобно багдадским халифам, Саманиды

Караван паломников

формировали свое войско из тюрок, которые со временем стали организовывать государственные перевороты. Так, в 913 г. шах Ахмад ибн Исмаил был убит тюркскими гвардейцами и на престол был возведен его восьмилетний сын Наср.

Всевластие тюрок и растущий сепаратизм крупных феодалов привели в конце X в. к падению державы Саманидов.

Во времена Масуди Саманиды были мощной политической силой, лишь номинально подчиненной Халифату. При дворе правителей стала возрождаться иранская культура, обогащенная арабо-мусульманским влиянием.

Масуди, по всей видимости, был сторонником усиления власти халифов Багдада, и в лице Саманидов он не без основания видел их соперников, разрушителей единой арабо-мусульманской империи. Не в силах противопоставить в своем сознании мощи Саманидов какую-либо реальную политическую силу, Масуди предпочел умолчать в своих сочинениях об их государстве, несмотря на то что побывал в его пределах.

Маршрут путешествия Масуди по Ирану теперь можно установить только приблизительно. Скорее всего, первым крупным иранским городом, в котором побывал географ, был расположенный в плодородной долине Хамадан. Он упоминается как в Библии, так и в сочинениях античных авторов. Арабы-мусульмане подчинили Хамадан в 642 г. после разгрома сасанидских войск при Нахавенде. Хроники свидетельствуют, что жители Хамадана добровольно открыли ворота завоевателям, согласившись выплатить им контрибуцию. Однако вскоре хамаданцы восстали и изгнали оставленный в городе гарнизон. После этого арабо-мусульмане вновь подчинили Хамадан, на этот раз взяв его штурмом. Ко времени посещения Хамадана Масуди это был значительный центр ремесла и торговли, а также стратегически важный город-крепость с высокими крепостными стенами, в которых было четверо ворот, и мощной цитаделью. Во время усобицы между Амином и Мамуном Хамадан перенес в 810 г. длительную осаду. Когда в Хамадане побывал Масуди, потрясения того беспокойного времени были позабыты — торговля бойко велась на

трех городских базарах. О благоприятной хозяйственной обстановке свидетельствует то, что Хамадан вышел за пределы крепостных стен и оброс обширными пригородами. Конечно, ни Масуди, любовавшийся дорогими и разнообразными товарами, ни приезжие купцы, ни местные жители не могли предположить, что через 17 лет — в 932 г. — Хамадан подвергнется новым суровым испытаниям. Эти трагические события лежат вне хронологических рамок путешествия Масуди по Ирану, однако поскольку наш автор продолжал живо интересоваться тем, что происходит в этой стране, он составил описание того, что случилось в Хамадане, на основе свидетельств очевидцев.

Дело в том, что в связи с ослаблением центральной власти в Халифате в Иране появилось много авантюристов, желавших последовать примеру Саффара — отложиться от халифа, основать собственную династию, а то и постараться установить контроль над всем арабо-мусульманским миром. Одним из таких искателей приключений был владетель небольшого княжества в североиранской области Гилян Мардавидж ибн Зийар, отец которого был наместником этой области, поставленным Саманидами. Обуреваемый честолюбием, он захватил в 928 г. соседний с Гиляном Табаристан, а в 931 г. — большую часть западного Ирана. Для упрочения положения ему необходимо было занять и Хамадан. Однако когда авангард войска Мардавиджа под командованием его племянника подошел к городу, его атаковали халифские войска. Авангард был разбит, а племянник Мардавиджа погиб в бою. Вскоре сам Мардавидж с главными силами подошел к Львиным воротам Хамадана. Эти ворота носили такое название, так как напротив них находилась статуя льва, поставленная там, по преданию, Александром Македонским. Согласно местному преданию, лев являлся палладиумом — хранителем Ха-

мадана. Местные жители считали, что город будет razoren только в том случае, если враги сломают статую льва. Подобного рода поверья имеют широкое распространение по всему

Сказочная страна

миру. В древнегреческом эпосе говорится, что троянцы считали свой город неприступным, пока в нем хранится статуя Афины Паллады. Новгородцы полагали, что враг не подчи-

нит Новгород, пока на куполе Софии Новгородской находится чутунное изображение голубя. Такие воззрения восходят к той архаичной эпохе, когда обитатели поселения мыслили его живым существом, обладающим душой, помещающейся в некоем талисмани. Разрушение талисмана неминуемо влекло за собой и гибель города. Мардавиджу, видимо, было известно о хамаданской легенде, и он отдал приказ своим войнам немедленно разрушить статую льва — скорее всего, не потому, что верил в его силу, а потому, что предвидел тот моральный урон, который это нанесет защитникам Хамадана. В ожесточенной битве, завязавшейся у Львиных ворот, хамаданцы и халифские войска были разбиты. Ворвавшись в город, воины Мардавиджа безжалостно убивали всех, кто попадался им под руку, и целых три дня грабили богатый торговый центр. Вскоре после этого аналогичная судьба постигла жителей другого иранского города — Динавара, которых не спасло даже заступничество известного своим благочестием суфия Мушада ибн Вабида, заколотого одним из военачальников Мардавиджа.

Овладев Западным Ираном, Мардавидж дошел до рубежей Ирака, грабя, убивая и захватывая пленных на своем пути. Дальше он идти не решился — ведь его войско было обременено богатой добычей, а следом за ним гнали около ста тысяч пленников. Повернув назад, Мардавидж пришел в центральноиранский город Исфакан, который избрал своей столицей. Выбор был сделан не только на основе соображений экономического и политического характера, но также потому, что, согласно предсказанию астрологов, в Исфакане должен был объявиться некий царь с золотыми ногами, который завоюет весь мир и у которого будет сорок последовательных преемников. Мардавидж, мечтавший о восстановлении самостоятельного иранского государства, решил, что он и есть этот самый

царь с золотыми ногами. Новый властитель приказал вновь отстроить Исфахан на награбленные им в других иранских городах средства и переехал туда на постоянное жительство. Желая показать всем, что он является истинным иранским шахиншахом — царем царей, Мардавидж велел изготовить золотые одежды, золотой трон и корону по образцу тех, которыми пользовались Сасаниды. Однако этим честолюбивым замыслам не суждено было воплотиться в жизнь. Как и многих других ближневосточных правителей, Мардавиджа подвели тюркские невольники, составлявшие его гвардию. Число гвардейцев-тюрков достигало четырех тысяч человек, и слишком увлекшийся новой ролью будущего вселенского монарха Мардавидж не отдавал себе отчета в том, какая это грозная сила, позволяя себе подвергать унижениям не только простых воинов, но и их командиров. Недовольство тюрков своим владыкой вылилось в то, что ряд военачальников составили против него заговор. Однажды, когда Мардавидж, будучи в особо хорошем расположении духа, отправился на охоту, а затем, вернувшись, вошел в баню, к нему ворвались четверо тюркских военачальников и убили его. Воспользовавшись всеобщим смятением, заговорщики немедленно бежали к халифу Ради (934—940), а войско, узнав о гибели своего повелителя, принялось нещадно грабить столицу будущей мировой империи. Так плачевно закончилась одна из многих попыток воцариться над миром, которая оказалась тесно связанной с судьбой Хамадана и других иранских городов.

Осмотрев Хамадан, Масуди, видимо, двинулся с караваном на северо-восток, к столице древней иранской области Мидии городу Рею, развалины которого находятся примерно в 8 км от современного Тегерана. Бурной была история этого города. В 330 г. до н.э. его захватили войска Александра Македонского. В 641 г. н.э. последний сасанидский шах Йаздид-

жард III простился в Рее с народом перед уходом в Хорасан перед лицом надвигающихся арабо-мусульманских полчищ, остановить которые он не мог. Вскоре после этого Йазиджард погиб близ столицы Хорасана Мерва; династия Сасанидов на нем прекратилась. Город же был захвачен арабами-мусульманами в 644 г. Вскоре здесь вспыхнуло народное восстание против чужеземного господства, жестоко подавленное одним из видных арабо-мусульманских полководцев Саадом ибн Абу Ваккасом. Через сто с лишним лет после этих событий Рей сильно пострадал во время гражданской войны в Халифате, когда на смену династии Омейядов пришла династия Аббасидов. Вскоре, однако, он был заново отстроен будущим халифом Мухаммадом ал-Махди, который в то время был назначен на пост Правителя Востока и избрал Рей своей резиденцией. При ал-Махди изменилось даже название города — он стал носить имя Мухаммадийя. Здесь одна из жен Мухаммада ал-Мадхи родила Харуна ар-Рашида, имя которого уже не раз упоминалось на страницах этой книги. Новая усобица — борьба за власть между сыновьями Харуна ар-Рашида Амином и Мамуном — не обошла Рей стороной. В 810 г. будущий основатель государства Тахиридов в Иране Тахир ибн ал-Хусейн одержал под Реем одну из решающих побед над войсками Амина. После этого сражения путь на Багдад, о печальной судьбе жителей которого мы уже знаем, был открыт для сторонников Мамуна. Во второй половине IX в. Рей не раз переходил из рук одной династии в руки другой, пока здесь не установился относительный покой после захвата города незадолго до прибытия туда Масуди — в 912 г. — Саманидами, включившими его в состав своего государства.

Большинство населения Рея составляли иранцы, усердно занимавшиеся ремеслом и торговлей. Особой славой пользовались местные шали, керамика, изделия из дерева. Знамени-

той была городская библиотека, которая располагалась на берегу канала Суркани в квартале Рудха. Ее-то, уж конечно, не обошел своим вниманием Масуди.

Недалеко от города, на холмах к югу от него, находился мавзолей Биби Шахр-Бану, в котором, по преданию, была похоронена дочь последнего сасанидского шаха, захваченная в плен арабами-мусульманами и отданная замуж за ал-Хусейна, второго сына халифа Али ибн Абу Талиба. Хусейн, попытавшийся после смерти первого халифа из династии Омейядов Муавии ибн Абу Суфиана, случившейся в 661 г., поднять восстание среди сторонников своего отца в южноиракском городе Куфа, был перехвачен отрядом правительственных войск на пути из Мекки в Куфу в местечке Кербела, где его окружили и убили вместе с группой родственников и сторонников. С тех пор он стал одной из центральных фигур шиитского ислама, основным его мучеником. До настоящего времени в Кербеле ежегодно устраиваются мистерии, изображающие мученичество и смерть Хусейна и его сподвижников, а в других местностях шииты организуют траурные шествия, которые в прошлом нередко сопровождались жестокими самоистязаниями. Легенда же о том, что Хусейн женился на дочери последнего сасанидского монарха, сделала шиитский вариант ислама особенно популярным среди населения Ирана, который до настоящего времени является крупнейшим центром шиизма во всем мире. По сообщениям авторов, современных Масуди, святилище Биби Шахр-Бану посещали паломники со всего Ирана, а также из других стран, входивших в состав Халифата. Особенно много здесь было женщин, которые верили в то, что святая, покоящаяся в мавзолее, может облегчить тяжесть родов, помочь счастливо выйти замуж и так далее.

Недалеко от Рея, «между Реем и Табаристаном», как говорит наш автор, он видел высочайшую вершину Ирана — по-

тухший вулкан Демавенд, высота которого достигает 5604 м. Масуди справедливо считал Демавенд одной из самых высоких гор мира. Особенно поразила путешественника древняя иранская легенда о том, что к скалам Демавенда прикован злодей Заххок (в транскрипции Масуди, ад-Даххак), арабский эмир, продавший душу дьяволу — иблису — и с его помощью захвативший Иран. У нечестивца Заххока за плечами выросли две огромные змеи, которые питались мозгом юношей, убиваемых по приказу безжалостного правителя. Когда Заххок погубил многих иранцев, его вазир стал подсовывать змеям вместо человеческого мозга мозг коз, а спасенных молодых людей высылать в горы. Масуди считает, что от этих беглецов произошли курды. Свергнутый в результате народного восстания, Заххок, по народному поверью, до сих пор томится в оковах. Предание о Заххоке было пересказано великим иранским поэтом Фирдоуси в поэме «Шахнаме», повествующей об истории Ирана, начиная с его мифических царей и кончая арабо-мусульманским завоеванием. Как и для Фирдоуси, Заххок для Масуди — не мифологический персонаж, а реальное историческое лицо, только наш автор высказывает сомнение в арабском его происхождении, полагая, что этот злодей в равной степени мог быть и иранцем. Масуди передает иранскую легенду о том, что Заххок был чародеем, что он захватил не только Иран, но и всю Ойкумену и что его царствование длилось тысячу лет.

Распростившись с Реем, Масуди двинулся на юг, к городу Куму, пребывание в котором должно было представлять особый интерес для нашего автора — ведь начиная с середины IX в. во всем арабо-мусульманском мире большую известность получила историографическая школа, возникшая и развившаяся здесь. Как и многие другие иранские города, Кум весьма древен. Он был завоеван арабо-мусульманским войском

под командованием известного сподвижника основателя ислама Мухаммада Абу Мусы ал-Ашари, которое состояло, главным образом, из представителей южноарабских племен. После установления власти династии Омейядов бедуины, обосновавшиеся в Куме, поддерживали эмира иранской области Сиджистан Ибн ал-Ашаса, который поднял восстание против омейядского наместника восточных областей Халифата ал-Хаджжаджа ибн Йусуфа. Идеологическим знаменем борьбы против власти Омейядов был шиизм, сложившийся в среде родственников и сторонников халифа Али, и именно это направление ислама завоевало умы и сердца жителей Кума. Сочинения историков, живших в Куме, освещали историю мусульманской общины именно с шиитских позиций. Когда власть Омейядов была свергнута Аббасидами, население Кума не примирилось с новым режимом и неоднократно поднимало безуспешные восстания в пользу Алидов. В Куме до сих пор сохранились существовавшие еще во времена Масуди мавзолей шиитских святых, среди которых наиболее почитаемой является могила дочери седьмого имама (руководителя шиитской общины) Мусы ал-Казима, Фатимы, похороненной там в 816 г. Всего же количество священных могил и мавзолеев в этом центре шиизма превышало четыре сотни. Поэтому нет ничего удивительного в том, что тамошние жители отличались крайним фанатизмом. Об этом рассказывали следующий анекдот. Некогда этим городом управлял один наместник, ярый суннит и противник шиизма. В отличие от суннитов, шииты не признают законности власти первых трех мусульманских халифов — Абу Бакра, Омара и Османа, поэтому среди них практически не встретишь людей, носящих имена первых руководителей мусульманской общины. Решив поиздеваться над гражданами Кума, наместник собрал их и велел найти хотя бы одного человека, которого звали либо

Абу Бакр, либо Омар, либо Осман, угрожая карой в случае неисполнения повеления. Горожане сбились с ног, но не сумели отыскать никого подходящего, кроме безобразного нище-

Певец и слушатели

го по имени Абу Бакр. Увидев этого тезку первого халифа, любимца Мухаммада, наместник решил, что шииты специально привели к нему такого уroda, и велел сечь их плетьюми. Тогда один острослов спас сограждан от взбучки следующим замечанием: «Что подделаешь, о эмир! Воздух Кума делает так, что Абу Бакр здесь не может иметь лучшей внешности».

Наместник был не лишен чувства юмора и великодушно отменил наказание.

Кум славился не только как центр шиитского благочестия, но и как город, обладавший одной из лучших в Иране систем водоснабжения, за исправностью которой следили специальные смотрители. Вода поступала из реки Кум, на которой стоит город, в дома по трубам, где она предварительно очищалась посредством системы фильтров. Как и в наше время, на улицах имелись люки, а под ними — ступени, которые вели к подававшим воду трубам. Некоторые трубы выходили за город, и водой, поступавшей по ним, орошались сады и огороды, принадлежавшие горожанам.

Из Кума Масуди поехал еще южнее — в Исфахан, который, так же как Рей и Кум, незадолго до начала его путешествия по Ирану вошел в состав государства Саманидов. За пятьдесят с небольшим лет до этого город был разрушен, а жители его перебиты полководцем халифа Мутазза (866—869) Мусой ибн Бугой, который обрушил на Исфахан эту страшную кару за оказание поддержки враждебной Аббасидам династии Алидов, правившей в прикаспийской области Ирана Табаристане. Ко времени приезда в Исфахан Масуди город успел залечить былые раны. Из соседних деревень, а также из других иранских городов сюда перебрались новые жители, вернулся и кое-кто из тех, кто уцелел после погрома, учиненного Мусой ибн Бугой. Помня о страшных уроках прошлого, исфаханцы вновь окружили город крепостной стеной, укрепленной сотней башен, в которой имелось четверо ворот. Исфахан стал опять быстро богатеть — немалый доход приносили ему расположенные неподалеку серебряные рудники. Однако на Масуди самое сильное впечатление произвела другая местная достопримечательность — развалины зороастрийского храма, который он считал одним из древнейших язычес-

ких святилищ на земле. Путешественник сообщает, что первоначально древние иранцы поклонялись здесь идолам, потом легендарный шах Йастасаф повелел убрать истуканов и заменить их зороастрийским алтарем огня. Конечно, историческая достоверность сведений об исфаханском храме, приводимых Масуди, вызывает у сегодняшнего читателя его сочинений сильное сомнение, однако эта информация весьма показательна в том смысле, что она отражает стойкий интерес Масуди к зороастризму и его святилищам. Наш автор осведомлен о древней религии иранцев весьма хорошо. Достаточно подробно в его сочинениях говорится о Заратуштре (Зарадаште в арабской транскрипции), который, согласно зороастрийской традиции, жил в VI в. до н. э. и основал зороастризм. До этого, как считает Масуди, иранцы поклонялись звездам. На самом деле религиозные воззрения иранцев, впоследствии оформившиеся в зороастризм, возникли гораздо раньше предполагаемого времени жизни Заратуштры. Гаты, древнейшая часть Авесты, вопреки зороастрийской традиции, складывались в течение длительного времени. В этом памятнике имеются различные пласты, соответствующие разным этапам развития иранских племен. Иранцы издавна поклонялись огню, который в зороастризме стал считаться порождением доброго божества Ахурамазды, ведущего непримиримую борьбу против злого бога — Анхра-Манью. Оба они являются сыновьями «бесконечного времени» — бога Эрвана. В конце времен, как верили зороастрийцы, состоится страшный суд, после которого противники доброго Ахурамазды подвергнутся вечным мукам.

Из Исфахана Масуди двинулся еще дальше на юг — в город Истахр, который расположен рядом с древней столицей Ирана Персеполисом. Здесь внимание путешественника привлек зороастрийский храм, превращенный ко времени посе-

щения Истахра Масуди в мечеть Сулаймана, где, однако, сохранились старинные изображения лошадей и каких-то фантастических животных, которые Масуди с интересом разглядывал. По словам Масуди, в мечети Сулаймана постоянно дует ветер, куда его якобы заключил этот библейско-коранический царь и пророк, наделенный даром повелевать джиннами — сверхъестественными существами. С именем Сулаймана (библейского Соломона) мусульмане связывали находящиеся недалеко от Истахра развалины древнего царского дворца в Персеполисе, который, как полагали во время Масуди, был возведен подвластными Сулайману джиннами. Возможно, что Масуди осмотрел также и расположенные неподалеку рельефы сасанидского времени, высеченные на южной оконечности скалистой горы Хусейн Ких, которые в то время считали изображением деяний легендарного иранского богатыря Рустама и называли по-персидски Накш-и-Рустам («Резьба Рустама»). Видимо, он также посетил и находящиеся в трех-четырех часах пути от Истахра три старинные башни, называемые местными жителями Кала-и-Истахр («Крепость Истахра»), в которых, согласно легенде, хранилась написанная золотыми буквами на двенадцати тысячах коровьих шкур Авеста, сожженная по приказу Александра Македонского, захватившего государство древних персидских царей — Ахеменидов, о чем также было известно Масуди.

Сам же Истахр во время посещения его Масуди был городом средней величины, площадью всего в одну квадратную арабскую милю (2 км²), пришедшим в упадок после арабомусульманского завоевания и отдавшим пальму первенства в провинции Фарс, где он расположен, Ширазу, до которого во времена Масуди надо было ехать из Истахра один день. Здесь путешественника ждала чрезвычайно интересная находка. В доме одной знатной персидской семьи, куда пригласили заез-

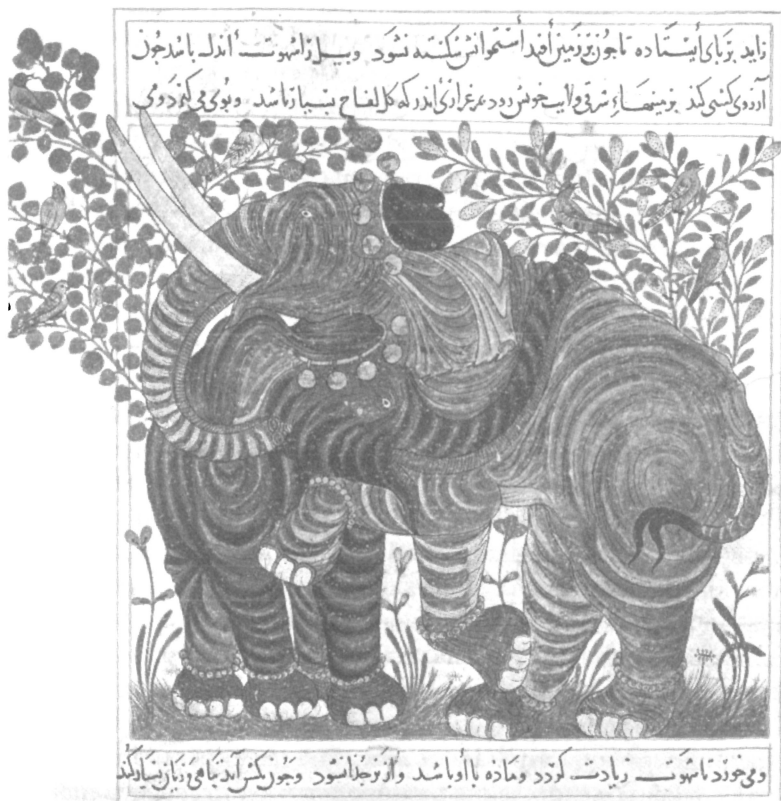
жего гостя, Масуди видел старинную рукопись некоего иранского исторического сочинения, посвященного описанию правлений шахов из династии Сасанидов. Рукопись, по его словам, была богато иллюстрирована — в ней имелись изображения 27 монархов. Масуди считал это сочинение официальной хроникой династии, которая создавалась на протяжении всего ее правления. Портреты царей, сообщает Масуди, рисовали в тот день, когда тот или иной шах умирал. После этого изображение покойного вместе с описанием его деяний клали в казну, чтобы память о царе дошла до его потомков. Впоследствии на основе этих материалов и была составлена виденная Масуди хроника. Сочинение открывалось изображением основателя династии Ардашира (226—241), который был нарисован стоя с копьём в руке, а завершалось миниатюрой, запечатлевшей последнего сасанидского монарха Йаздиджарда III также стоящим с копьём в руке и опирающимся на меч. Масуди поразила яркость красок, использованных для украшения рукописи, а также доброкачественность материала, на котором она была написана, — путешественник затрудняется решить, была ли то бумага или же пергамент. Наш автор, по всей видимости, обнаружил подлинник хроники, написанный на среднеперсидском языке пехлеви. Он специально подчеркивает, что это сочинение было переведено в 731 г. на арабский язык для омейядского халифа Хишама ибн Абд ал-Малика. Ни пехлевийский оригинал, ни арабский перевод до нашего времени, к сожалению, не сохранились, однако вполне очевидно, что история династии Сасанидов, описанная Масуди, а также другие иранские хроники оказали значительное влияние на арабо-мусульманскую историографию. Может быть, у иранцев арабы-мусульмане заимствовали принцип деления хроник на главы, посвященные правлению того или иного государя, — а такие хроники, называемые династийны-

ми, составляют значительную часть арабо-мусульманской историографической литературы. Кроме того, освещая историю Ирана при Сасанидах, арабо-мусульманские историки, в том числе и Масуди, пользовались материалами из иранских хроник, чаще всего, конечно, уже переведенных на арабский язык.

Осмотрев древности Истахра, Масуди переехал в находящийся еще южнее город Джур, который был основан в III в. н.э. первым шахиншахом династии Сасанидов, Ардаширом. Первоначально город имел круглую форму. Он был окружен стеной с четырьмя воротами по сторонам света. Может быть, такая планировка послужила образцом для основателя Багдада Мансура — ведь новая столица Халифата, как помнит читатель, также имела круглую форму. В центре города была возведена высокая башня, на вершине которой находился алтарь огня. Масуди видел ее развалины и отметил, что строение было разрушено арабами. В часе пути от Джура Масуди посетил еще один храм огня и, видимо, присутствовал на храмовом празднике. Касясь ремесел в Джуре, путешественник отмечает, что город славился производством розовой воды — одного из важнейших на Востоке ароматических средств, — которая была известна во всех концах Халифата.

Джур был самой южной точкой Ирана, которую Масуди достиг во время этого путешествия. Теперь он решает побывать на северо-востоке этой страны. Совершив длительный переход с караваном, путешественник через несколько недель прибыл в один из важнейших городов Хорасана Нишапур, основанный сыном первого сасанидского шаха Ардашира Шапуром I (239–272). Имя основателя сохранилось в названии города — в переводе со среднеперсидского Нишапур значит «Красивый Шапур». Недалеко от города, на горе Реванд, еще во время пребывания Масуди в Нишапуре находился один из важнейших зороастрийских храмов Ирана — Бурзун-Михр.

Согласно местной легенде, с которой был знаком Масуди, храм основал сам зачинатель зороастризма. По сообщениям многих арабо-мусульманских географов, Нишапур в начале X в.

Слоны

был большим городом, почти квадратным в плане — его длина и ширина равнялись одному фарсаху (6 км). Город делился на 42 квартала, плотно окружавших старинную цитадель,

недалеко от которой располагалась относительно новая к тому времени городская соборная мечеть, построенная во второй половине IX в. братом уже известного нам полководца и правителя Йакуба ибн Лайса Саффара. Кстати, надо отметить, что Саффар долго боролся с династией Тахиридов за обладание Нишапуром. Наконец, в 873 г. он взял его и там же захватил в плен последнего тахиридского правителя Мухаммада. Уже после смерти самого Саффара, в 892 г., халиф назначил его брата Амра, построившего городскую мечеть, правителем Хорасана, и тот решил избрать своей столицей Нишапур. Впрочем, новому правителю недолго суждено было благоденствовать в своей столице — в конце IX в. его постигла та же участь, что и захваченного Саффаром Тахирида Мухаммада, — Нишапур был взят Саманидами, а Амр пленен.

Из Нишапура Масуди, наконец, отправился в знаменитый город Балх, древнюю Бактру, центр провинции Бактрия, которая позже стала называться Тохаристан. Окончательно утвердившиеся там в 663 г. арабы называли Балх Умм ал-Билад — «Матерью городов». Начало Балха относится к седой древности. Захватив Бактру в IV в. до н.э., Александр Македонский переименовал ее в Александрию и велел отстроить заново в греческом стиле. Вскоре после этого империя Александра Македонского распалась, однако несмотря на это греко-македонские культурные традиции укоренились в Бактрии. Их синтез с местным наследием породил знаменитую греко-бактрійскую культуру. Балх лежит на перекрестке торговых путей, в центре схождения разнородных культурных влияний. Поэтому в раннее средневековье здесь получили распространение различные религиозные системы — буддизм, зороастризм, манихейство, несторианское ответвление христианства. Одним из важнейших религиозных центров Балха был буддийский монастырь Навбехар, пост настоятеля которого пе-

реходил по наследству среди предков Бармакидов — династии вазиров аббасидских халифов, о трагической гибели которой во время правления Харуна ар-Рашида мы рассказали со слов Масуди в первой главе книги. Обосновавшись в Балхе, арабо-мусульмане поняли, что им не удастся утвердиться здесь, не искоренив местные верования. Поэтому одной из первых акций а-Даххака ибн Кайса, полководца, чьи войска захватили город, было разрушение Навбехара и святилищ других религий. Масуди мог видеть лишь развалины некогда величественного сооружения. Видимо, он расспрашивал местных жителей о прошлом монастыря, так как сообщает некоторые интересные подробности. Путешественнику удалось узнать, что Навбехар был крупным земельным собственником. Настоятель монастыря носил титул бармака, который впоследствии стал родовым именем будущих аббасидских вазиров. По сведениям Масуди, в центре монастыря возвышалась башня, на вершине которой устанавливались копьа с флагами из оранжевого шелка (оранжевый цвет символизирует в буддизме бренность мира), сто локтей в длину каждый. Однажды ветер сорвал один из этих флагов, и его потом нашли за пятьдесят фарсахов от Балха.

Город этот расположен на Амударье, которую Масуди описывает достаточно подробно. Особенно заинтересовало географа Аральское море, куда впадает эта река, на котором он, очевидно, лично не побывал. Со слов очевидцев Масуди сообщает, что это величайшее на Земле озеро, длина которого равняется расстоянию месячного пешего пути. В Аральском море хорошо развито судоходство. Масуди известно, что недалеко от Аральского моря обитают тюркские племена, среди которых главенствующее положение занимают огузы. «Они, — пишет он, — самые мужественные из тюрков, самые низкорослые и узкоглазые». Во главе огузов стоит каган. Дру-

гими группами тюрков, упоминаемыми Масуди, являются карлуки и кимаки.

В Балх приезжало по торговым делам немало купцов из Индии. Их соотечественников Масуди, безусловно, видел еще в Багдаде, где, как помнит читатель, существовали специальные рынки для индийских и китайских негоциантов. Среди коренных жителей Балха были такие, которые сами ездили в Индию, привозили оттуда много диковинных предметов и удивительных рассказов об увиденном. Поэтому нет ничего странного в том, что молодой путешественник, взволнованный услышанным, решил лично познакомиться с красотами этой неизведанной страны.

К чудесам Индии

Арабо-мусульманские географы обозначили термином «Хинд» не только собственно Индию, но также и страны Юго-Восточной Азии. Северо-западную часть этой страны, территорию современного Пакистана, они называли Синдом. Эта область была в начале VII в. завоевана арабами-мусульманами — местные мелкие княжества покорились арабскому войску, которым командовал юный полководец Мухаммад ибн ал-Касим, пришедший в Синд в 712 г. Захватив важнейшие города Синда, Мухаммад ибн ал-Касим дошел во главе своего войска до реки Инд, но дальше двигаться не решился — северо-западную Индию отделяла от остальной части страны обширная пустыня, которую он не отважился форсировать — безводные пески ее были непроходимы даже для привыкших к жизни в пустыне арабов. Таким образом, центральная и юго-восточная Индия была спасена в VIII в. от арабо-мусульманского нашествия. Синд же стал одной из провинций Халифата, управляемой наместником. Здесь начал распространяться ислам — не только в силу того, что он как религия завоевателей

получил значительные привилегии, но также и по причине наличия в мусульманском вероучении демократических элементов, являющихся рудиментами родоплеменной идеологии, и простоты мусульманского религиозного культа сравнительно с религиозным культом индуизма. Эти особенности новой религии привлекли в ее лоно многих индийцев. В другие же районы страны ислам стал проникать путем торговли и благодаря миссионерской деятельности.

В IX в., когда центробежные тенденции в Халифате усилились, в Синде образовалось несколько мусульманских княжеств — эмиратов, которые лишь формально признавали сюзеренитет багдадского халифа. Центры крупнейших эмиратов Синда находились в Мултани и Мансуре. Мултан был первым индийским городом, куда с караваном прибыл из Балха Масуди. Главной достопримечательностью города, на которую обратил внимание путешественник, был некий индуистский храм, возможно, посвященный какому-то солнечному боже-ству, с великолепной украшенной золотом статуей, которую арабо-мусульманские авторы ошибочно называли статуей Будды. Храм и статуя весьма почитались индийскими царями, придерживавшимися индуистских верований, и они не раз пытались захватить Мултан, однако местный эмир, которым в начале X в. был, по сообщению Масуди, Абу-л-Лаххаб ал-Мунаббих ибн Асад ал-Кураши, всякий раз грозил разрушить храм и уничтожить статую. Тогда индийские цари отводили свои войска от стен Мултана.

Отправившись из Мултана в Мансуру — некогда столицу арабо-мусульманского Синда, основанную в 871 г. наместником Мансуром ибн Джамхуром недалеко от старинного индийского города Брахманабада и названную в честь своего основателя, — Масуди принялся внимательно изучать новую для него страну. Несмотря на то что еще в Багдаде он внима-

тельно прочитал «Книгу о воззрениях и верованиях» («Китаб ал-ара ва-д-дийанат») ал-Хасана ибн Мусы ан-Наубахти (ум. в начале X в.) и «Книгу источников вопросов и ответов» («Китаб уйун ал-масаил ва-л-джавабат») Абу-л-Касима ал-Балхи (ум. в 931 г.), в которых рассказывалось о религиях Индии, а также проштудировал географические труды Йакуби, Ибн Хардабеха и Ибн Русте, в которых содержались весьма интересные сведения по географии и этнографии этой страны, многое оказалось для Масуди новым и неожиданным. Можно сказать с большой долей уверенности, что сведения, сообщаемые им об Индии, являются плодом собственных его наблюдений и изысканий.

Прежде всего наш автор обратил внимание на особенности физического облика индийцев. По его мнению, подкрепленному авторитетом знаменитого античного врача Галена, индийцы по антропологическим характеристикам родственны неграм, то есть принадлежат к негроидной расе. У них темная кожа, вьющиеся волосы, слегка приплюснутые носы и полные губы. Нрав индийцев веселый, многие из них отличаются хорошим здоровьем, сохранению которого уделяют немало внимания. Правда, характеристика внешнего вида индийцев, данная Масуди, в большей степени соответствует не обитателям Синда, а жителям южной Индии, но возможно, что Масуди, включивший это описание в свое сочинение «Золотые копи», над которым он стал работать лет через двадцать после поездки в Индию, кое-что уже стал забывать и зафиксировал лишь наиболее яркие впечатления от облика индийцев.

Расспрашивая местных жителей о реках, протекающих в Синде, Масуди выяснил, что Инд — это самостоятельная река, впадающая в море. Таким образом, путешественник опроверг утверждение своего знаменитого предшественника Джахиза

о том, что Инд — это приток Нила, так как в обеих реках водятся крокодилы. Масуди, конечно, не преминул посмотреть на этого грозного хищника. Крокодилов так сильно боялись, что не имели о них достоверных сведений. Путешественнику также пришлось довольствоваться слухами и рассказами местных жителей. Только этим можно объяснить его уверенность в том, что крокодил не имеет заднего прохода, поэтому в желудке его постепенно заводятся черви, от которых животное чрезвычайно мучается. Тогда оно выползает на берег и открывает пасть. Туда залетают птицы и поедают скопившиеся нечистоты. Однако вместе с птицами в желудок крокодила может заползти некое существо всего в локоть длиной, которое прогрызает своими острыми зубами живот крокодила и, расправившись с ним таким образом, ищет себе новую жертву. Народная молва и сочинение Масуди отразили реальный факт существования птицы тари, которая очищает пасть крокодила от остатков пищи.

Преодолев значительное расстояние между двумя крупнейшими городами Синда, которое Масуди исчисляет в 75 фарсахов, то есть примерно в 450 км, путешественник прибыл в Мансуру. Здесь он, видимо, побывал на приеме во дворце эмира Абу-л-Мунзира Омара ибн Абдаллаха, так как сообщает, что видел не только самого правителя, но также вазира с двумя сыновьями и многих других знатных мусульман. В Мансуре Масуди впервые в жизни увидел вблизи слонов. Он особо отмечает, что в войске эмира имелось восемьдесят таких животных, которые составляли грозную силу. Ему рассказали об умершем незадолго до его приезда в Мансуру вожаке боевых слонов эмира, которого звали Манфаркалас. Однажды этот слон вел своих собратьев по улицам города, и вдруг на дорогу перед ним выскочила какая-то женщина, которая от испуга поскользнулась и упала прямо у ног чуть не

раздавившего ее животного. К счастью, Манфаркалас успел вовремя остановиться, хоботом помог испуганной женщине подняться, а когда она освободила дорогу, сделал знак своим товарищам продолжать движение. Однако сознание того, что он чуть было не раздавил человека, было для слона столь тягостным, что он стал отказываться от пищи, захирел и вскоре умер, обливаясь слезами. Так что и слоны тоже умеют чувствовать.

Из Мансуры Масуди отправился в важнейший порт Синда — Дайбул, который индийцы называли Дебал или Девал, что означает «храм». До арабо-мусульманского завоевания в Дайбуле находился буддийский храм, одним из элементов которого была высокая башня-ступа — культовое сооружение куполообразной формы, символизирующее быстротечность бытия и представляющее собой хранилище останков Будды, его учеников и буддийских святых. Над ступой развевалось огромное оранжевое знамя, считавшееся, как и статуя льва у ворот Исфахана, талисманом, охраняющим город от врагов. Воинам Мухаммада ибн ал-Касима, осадившим Дайбул в 712 г., удалось сбить выстрелом из катапульты верхнюю часть ступы вместе со знаменем. Вскоре после этого город-порт был захвачен арабами-мусульманами. Мухаммад ибн ал-Касим дал местным жителям статус людей, исповедующих официально разрешенную религию, — зиммиев, построил здесь первую в Синде мечеть и поселил во вновь отстроенных кварталах 4000 арабских семей. В середине IX в. лежавшую в развалинах ступу превратили в городскую тюрьму. Через несколько столетий после того, как Масуди побывал в Дайбуле, порт захирел и постепенно был покинут своими жителями, так что сейчас даже точно неизвестно, где он находился.

Из Дайбула Масуди, судя по всему, отплыл на западное побережье Индии, в крупнейшее государство Индостана того

مَعَالِدُ وَسَّأَلَهُ أَنْ يَنْتَحِلَهُ بَابَ الْمَكِيدَةِ فِي الْخَلِصِ مِنْ يَدِهِ قَتَالَ

Медведь и обезьяны

времени, империю Раштракутов, которой около 914—928 гг., то есть как раз во время путешествия Масуди по Индии, правил Индра III.

Путешественник называет это государство ал-Балхарой. Масуди указывает на обширность территории государства Раштракутов, упоминает столицу империи — город Манкир, а также ряд других крупных городов, в некоторых из которых ему довелось побывать — Камбай, Синдан, Субара, Тана, Саймур. Другим сильным политическим образованием Индии того времени Масуди справедливо считает государство Канаудж, расположенное к северо-востоку от империи Раштракутов, которое находилось во враждебных отношениях как с империей, так и с мусульманскими эмиратами Синда. Через год после посещения Индии Масуди Индра III разгромил войска государства Канаудж и захватил саму столицу враждебного царства. Рассказывая о государстве Раштракутов, путешественник с большим удовлетворением отмечает, что его единоверцы-мусульмане пользуются там большими привилегиями, у них много мечетей, в которых регулярно совершаются молитвы. По мнению Масуди, которое он, правда, приводит со ссылкой на жителей Индии, стабильность и сила этого государства объясняется тем, что царь оказывает покровительство мусульманам. У них он заимствовал даже систему организации войска — содержат его на средства, выплачиваемые из государственной казны, «как это делают мусульмане». На самом же деле, конечно, система комплектования регулярной армии, получавшей жалование из государственной казны, — местного, индийского происхождения; она никак не связана с военной системой Халифата.

Масуди, интересовавшийся многими областями жизни современной ему Индии, не мог пройти мимо таких важнейших явлений, как языки ее народов и их религиозные верования. Масуди отмечает, что язык жителей Синда не похож на языки жителей других областей Индостана. В государстве Раштракутов, которое наш автор знал лучше всего, по его наблю-

дениям, существовало два диалекта: один из них — это диалект центральных районов государства, главным образом жителей столицы, Манкира, а другой диалект был распространен среди жителей западного побережья Индии, которое Масуди называет Лар.

Наш путешественник — первый арабо-мусульманский автор, который сообщает существенные данные о главной религиозной системе Индии — индуизме. Эти сведения, скорее всего, являются плодом его собственных наблюдений над религиозной жизнью индийцев в государстве Раштракутов. Ему, например, известно о существовании каст. Их происхождение Масуди объясняет следующим образом. В незапамятные времена в Индии царило полное равенство. Потом знатные индийцы, возгордившись, избрали себе царя ал-Бархаму Великого (то есть Брахму, одного из важнейших индийских божеств). С того времени в Индии началась цивилизация — появились мудрецы (философы), люди стали строить храмы, добывать железо, составлять сочинения по математике и астрономии. Потомки ал-Бархамы — это ал-барахима (брахманы), которые занимают особое положение в индийском обществе. Их отличительным знаком являются желтые повязки. В то же время о других кастах он не говорит ничего. Масуди знал также, что индуизм предписывает своим последователям совершать ритуальные самосожжения во имя достижения блаженства в загробном мире. Ритуал самосожжения он наблюдал в Саймуре. Некий юноша попросил у правителя города разрешения взойти на костер. Его просьба была удовлетворена. В один из дней юноша вышел на улицу города в сопровождении своих родственников. На нем были надеты шелковые одежды, которые он разорвал в знак того, что ему предстоит; на голове — венок из базилика, кожа головы содрана, и на кровоточащую голову положены горящие угли.

Дойдя под звуки барабана до приготовленного костра, юноша разрезал себе живот кинжалом, отрезал кусок печени и отдал одному из своих спутников, желая показать тем самым, насколько он презирает смерть и как радуется грядущему уходу из жизни. Затем он бросился в огонь. Если умирает царь, продолжает Масуди, то сожжению подвергают себя несколько человек. Погребальный обряд Масуди описывает также достаточно подробно. Тело умершего царя сжигается, а пепел развеивается по ветру.

Путешествуя по Индии, Масуди, конечно, не мог не восхищаться ее великолепной природой. Он описывает не только слонов и крокодилов, но также и попугаев, носорогов, мускусных антилоп, обитающих в Тибете. Обилие флоры Индии он объясняет тем, что Индия — это та страна, куда из рая попал Адам. У прародителя человечества была с собой сумка с семенами райских растений, которые дали жизнь тамошнему богатому растительному миру. А листья, которые прикрывали наготу Адама, засохли и были разнесены ветром по всей стране, отчего произошли индийские благовония и драгоценности.

По Эфиопскому морю

В конце 916 г. Масуди отплыл из Индии к побережью Восточной Африки, которое было хорошо освоено арабскими мореходами из Южной Аравии еще с древних времен. Плавание по Индийскому океану, или Эфиопскому морю (ал-Бахр ал-Хабаш), как называет его Масуди, в то время было полно опасностей. Скорее всего, путешественник сел на арабский корабль — после долгого пребывания на чужбине ему, наверное, хотелось побыть вместе с соотечественниками. А арабские суда, по сравнению, скажем, с китайскими, отличались малыми размерами и часто терпели крушения. Знаменитый

венецианский путешественник Марко Поло (1254—1324), побывавший во второй половине XIII в. во многих странах Востока и видевший корабли арабских мореходов, описывает их следующим образом: «Суда у них (арабов. — *Д.М.*) плохи, и немало их погибает, потому что сколочены они не железными гвоздями, а сшиты веревками из индийских (кокосовых. — *Д.М.*) орехов. Кору эту они быют до тех пор, пока она не делается тонкою, как конский волос, и тогда вяют из нее веревки и ими сшивают суда; веревки эти прочны и от соленой воды не портятся. У судов одна мачта, один парус и одно весло; они без крыши. Нагрузят суда, сверху товары прикроют кожей, а на это поставят лошадей... Плавать на таких судах опасно: бури в Индийском море часты, и много их погибает». Несмотря на все опасности, корабль, на котором находился Масуди, благополучно достиг берегов Восточной Африки. Мне думается, что первоначально он спустился вдоль африканского побережья к острову Пемба, находящемуся у берегов современной Танзании, который путешественник называет Канбалу, а затем повернул назад, проплыл, иногда совершая высадки, вдоль берегов современных Танзании, Сомали и Эфиопии, а затем вдоль южного и юго-восточного побережья Аравии прибыл в Иран.

О Пембе Масуди сообщает, что этот остров находится на расстоянии двух дней пути от материка. Канбалу (Пемба) управляют мусульманами, которые представляют собой значительную группу населения. Мусульмане, видимо, арабы из южных районов Аравии и Ирана, в значительной степени ассимилировались и говорят на «языке зинджей» (зинджами, от иранского слова «занги» — «черный», арабы-мусульмане называли чернокожих жителей Африки южнее Сахары). На острове имеется также значительная группа коренного населения, которая не приняла ислама и, видимо, сохранила свои

традиционные языческие верования. Свидетельство Масуди представляет большое значение для изучения истории Восточной Африки, так как это одно из первых упоминаний в арабо-мусульманской историко-географической литературе о факте существования культуры и языка суахили, возникших в результате смешения местных, автохтонных, и пришлых, арабо-иранских, элементов.

Масуди весьма интересовался тем, как живут племена материковой Африки. Он описывает одно из раннеклассовых государственных образований, существовавших в ее восточной части. По его сведениям, титул царя зинджей — ваклими (или же вафлими — разночтение объясняется тем, что звуки [ф] и [к] по-арабски передаются сходными по начертанию буквами) — означает «сын величайшего Господа». Такой титул дается царю потому, что он обязан править справедливо. Если же ваклими переходит границы дозволенного и впадает в несправедливость, то зинджи убивают его, а царем делают другого. Зинджи, как и многие другие народы, стоявшие на той же ступени общественного развития, весьма высоко ценили красноречие. По словам Масуди, некоторые из зинджей славились как красноречивые ораторы, собиравшие целые толпы соплеменников и призывавшие их идти по пути правды и справедливости. У зинджей не было письменности, а следовательно, писаного закона. По этой причине, отмечает Масуди, они руководствуются неким комплексом установлений и традиций, передаваемых из поколения в поколение.

Масуди явственно видел, что восточно-африканские общества, которые он наблюдал, значительно отстают от стран Халифата не только в культурном, но и в хозяйственном отношении. Он подчеркивает, что у зинджей слабо развиты орудия труда, что украшения они делают из железа, а не из золота и серебра. Это верное наблюдение. Дело в том, что в

раннеклассовых обществах, например, в Греции в так называемую гомеровскую эпоху, железа добывалось очень мало и оно ценилось наравне с золотом, а то и дороже его. Вполне естественно, что в Африке украшения делали из самого дорогого металла. Лошадей, пишет наш автор, зинджи не знают. Для верховой езды и для хозяйственных нужд они пользуются коровами. Значительную роль в жизни восточно-африканских племен играет охота, в частности на слонов. Слонов здесь много, отмечает Масуди, причем, в отличие от индийских, африканские слоны не поддаются приручению, и зинджи поэтому не используют их для ведения войн или на работах, как это делают индийцы. Охота на слонов происходит следующим образом. В тех местах, куда эти животные ходят на водопой, зинджи кладут листья и ветви какого-то растения, имеющего наркотические свойства, а сами прячутся неподалеку. Слоны, попив воды и поев листьев и ветвей, падают замертво, а зинджи выходят из засады и добивают их особыми большими копьями. При всем удобстве такого способа охоты он, скорее всего, является плодом вымысла арабских купцов, выменивавших у африканцев слоновую кость, считавшуюся зинджами главным охотничьим трофеем, ради которого они убивали слонов. По словам Масуди, африканские слоны отличаются очень большими бивнями, каждый из которых весит от 100 до 300 манн (450—900 кг), что, конечно, маловероятно. Из «страны зинджей» слоновую кость вывозили в Оман, а оттуда — в Индию и Китай, где она находила весьма широкое применение. Масуди даже сетует на то, что большая часть этого ценного товара вывозится в Индию и Китай. «Если бы не эта торговля, то слоновой кости было бы много в землях ислама», — сетует он. Сами используя слоновую кость в меньшей степени, зинджи широко применяли кожу этих животных для изготовления щитов.

Кроме слоновой кости, отмечает путешественник, в Халифат из областей тропической Африки в его время вывозили львиные и леопардовые шкуры, рога буйволов и антилоп, черепаши панцири, из которых изготовляли гребни.

Касаясь такой важной стороны быта африканцев, как питание, Масуди отмечает, что зинджи едят бананы, которые в изобилии растут в Восточной Африке, дурру, мед, различные корни, а также мясо.

Кроме слонов внимание нашего автора привлекли жирафы, которых он, видимо, впервые увидел именно в Восточной Африке, хотя слышал и читал о них еще в Багдаде — ведь, по словам нашего автора, жираф в качестве диковинного дара привозили сасанидским царям и аббасидским халифам. Масуди приводит три точки зрения относительно того, что, собственно, представляет собой жирафа. Одни арабо-мусульманские ученые считали, что жирафа — это особая порода верблюда, другие — что это помесь верблюда и зебры, а третьи — что это самостоятельный вид, «подобно тому как самостоятельны лошади, ослы и верблюды». Описывает жирафу Масуди весьма странным образом. Он полагает, что это животное обладает длинными передними и короткими задними ногами, причем коленные суставы имеются только на передних ногах. По авторитетному для Масуди мнению крупного арабо-мусульманского ученого и писателя IX в. Джахиза, жирафа — помесь различных животных, встречи между которыми происходят на водопое в верховьях Нила.

Двигаясь далее на север, Масуди прошел на корабле вдоль берегов Эфиопии, о которой он сообщает, что это обширная страна, где правит ан-наджаши — негус, эфиопский император.

Обогнув Африканский Рог, корабль, на котором плыл путешественник, остановился на острове Сокотра, лежащем недалеко от побережья нынешнего Йемена. Остров этот сла-

вился алоэ особого сорта, которое вывозили в другие страны. Знаменитое сокотринское алоэ, видимо, способствовало тому, что об острове стали складываться различные легенды, одну из которых приводит и Масуди. Согласно этой легенде, Александр Македонский поселил на Сокотре, по совету своего воспитателя Аристотеля, значительное число греков, которые якобы до времени Масуди сохранили свой язык и даже родословные. По мнению путешественника, Сокотра — это единственное место на земле, где в его время еще сохранились «чистые», ни с кем не смешавшиеся греки. Действительно, в то время на острове еще обитали потомки греческих переселенцев, сохранявшие свой язык, обычаи и христианскую религию. Их далекие предки попали на Сокотру не при Александре, а позже, в эллинистическую эпоху.

Покинув Сокотру, Масуди проплыл вдоль юго-восточного берега Аравийского полуострова и высадился в важнейшем порту Омана Сухаре, через который тогда осуществлялись торговые связи между Йеменом, Ираком и Китаем. Несмотря на многочисленные потрясения Сухар богател день ото дня. Многие дома там были построены из кирпича и дорогого тикового дерева, на берегу моря, у самой гавани, красовалась соборная мечеть с высоким минаретом, облицованным разноцветными изразцами.

Из Сухара было рукой подать до иранского порта Сираф.

В родных местах

Масуди отсутствовал в Багдаде всего около двух лет, но за этот короткий срок он успел побывать в Иране, Индии и на побережье Восточной Африки. Теперь ему предстояло осмыслить увиденное, привести в порядок свои записи, заполнить кое-какие пробелы в образовании, которые он ощутил во время странствий.

Известно, что через несколько месяцев после возвращения в Багдад Масуди отправился на юг, в важнейший после Багдада культурный и торговый центр Ирака Басру, которая находится на берегу Шатт эль-Араба — реки, образующейся от слияния Тигра и Евфрата. К этому городу Масуди спустился на речном корабле по Тигру.

Согласно классификации городов, основанных «при исламе» — с того времени, когда эта религия вышла за пределы Аравийского полуострова, — приводимой Масуди в «Книге указания и наблюдения», Басра занимает первое место, так как это первый город, основанный арабами-мусульманами на отвоеванной у Сасанидов территории. В 638 г. второй мусульманский халиф Омар ибн ал-Хаттаб приказал командующему арабо-мусульманскими войсками в Ираке, одному из сподвижников основателя ислама, Утбе ибн Газвану построить на месте заброшенного иранского укрепленного поста, который арабы называли ал-Хурайба («Маленькая руина»), военный лагерь-базу (дар ал-хиджра), который служил бы источником военной силы для осуществления дальнейших завоеваний. Первоначально дома в Басре строились из кирпича-сырца, а со второй половины VII в., при первом омейядском наместнике города Зийаде ибн Абу Суфиане, здесь стали возводиться постройки из обожженного кирпича — соборная мечеть и дворец наместника. Зийад ибн Абу Суфиан разработал административное деление Басры на пять районов (ахмас), каждый из которых был заселен бедуинами, выходцами из определенной группы племен.

Долгие годы Басра была центром интеллектуальной жизни Ирака. Здесь возникла грамматика арабского языка, появилось особое религиозно-философское учение мутазилизм, о котором кратко говорилось во второй главе книги. В Басре жили первые знатоки хадисов — преданий о высказываниях и

поступках Мухаммада, а также собиратели сведений по истории арабо-мусульманского государства. В этом городе родились крупнейшие арабские поэты Башшар ибн Бурд и Абу Нувас, жили и работали знаменитые прозаики — Абдаллах ибн ал-Мукаффа, Сахл ибн Харун, Джахиз.

Как и многие другие города Халифата, Басра имела бурную историю, одной из наиболее ярких и трагичных страниц которой было восстание чернокожих рабов-зинджей. Десятки тысяч рабов в нечеловеческих условиях занимались осушением болот. Во главе восстания в Халифате, которое продолжалось с 869 по 883 г., встал приверженец одной из экстремистских мусульманских сект — азракитов, араб по происхождению Али ибн Мухамад ал-Баркуи, который провозгласил себя халифом. Центром восстания была вновь основанная столица государства зинджей Мухтара, находившаяся в низовьях Шатт эль-Араба. Повстанцы захватили Басру, а также важный торговый город ал-Ахваз в иранской провинции Хузистан. Али ибн Мухаммад и его ближайшие сподвижники вскоре почувствовали вкус власти и стали нещадно грабить население захваченных территорий. Масуди, приводящий интересные сведения о восстании в «Золотых копиях», сообщает, что в Мухтаре захваченные в плен арабские женщины продавались с молотка. Одна знатная дама, происходившая из рода халифа Али, попросила у предводителя зинджей заступничества. Однако Али ибн Мухаммад сурово ответил: «Господин твой, которому ты принадлежишь, имеет больше прав распоряжаться тобою, чем я». Такая бездумная политика привела к тому, что от восстания чернокожих невольников отошли присоединившиеся к ним на первых порах крестьяне-феллахи и бедуины. В захваченной зинджами Басре хозяйничал один из видных сторонников Али ибн Мухаммада Мухаллаби, отпрыск знатного арабского рода. Он велел уста-

новить минбар (кафедру для проповедей) на одном из племенных кладбищ города и стал по пятницам — дням общей молитвы у мусульман — и по праздничным дням произносить там проповеди, в которых проклинал обе халифские династии — и Омейядов, и Аббасидов.

Обеспокоенный халифский двор решил, наконец, покончить с новоявленным самозванным халифом. В 883 г. против зинджей выступило пятидесятитысячное войско под командованием брата халифа Мутамида Муваффака. Вскоре правительственные войска взяли Басру и ал-Ахваз. В Басре сопротивление сторонников Мухаллаби воинам Муваффака было особенно яростным, однако в конце концов повстанцы были разбиты. Оставшиеся из них в живых попрятались по колодцам, из которых они выходили по ночам в поисках пропитания. Несчастные первоначально ели кошек, собак и мышей, а когда и этих животных не стало, принялись за человеческие трупы. Масуди приводит рассказ об одной женщине, стороннице Мухаллаби, которая плакала из-за того, что от растерзанного другими голодными тела ее умершей сестры ей досталась только одна голова.

Овладев Басрой и ал-Ахвазом, Муваффак нанес последний удар по столице зинджей Мухтаре. После длительной осады город пал, а предводитель зинджей Али ибн Мухаммад и большинство защитников Мухтары погибли. Захваченных в плен участников восстания пригнали в Багдад, где они подверглись мучительной публичной казни.

Несмотря на все эти потрясения, а также на то, что пальма первенства среди иракских городов безусловно перешла к Багдаду, Басра во времена Масуди оставалась важным торговым и культурным центром. Хотя город и не стоял непосредственно на море, в тамошний порт ал-Кала поднимались по Шатт эль-Арабу большие океанские суда. На специальной

площади, где останавливались купеческие караваны, — Мирбаде — слышалась разноязыкая речь. В окрестностях Басры выращивались виноград и финики, которых было так много, что возникла пословица «Повез финики в Басру», соответствующая русской «Поехал в Тулу со своим самоваром».

Приехав в Басру в 917 г., Масуди успел застать в живых одного из самых колоритных филологов второй половины IX — начала X в. — Абу Халифу ал-Фадла ибн Хубаба ал-Джумахи, который умер в том же году. Джумахи славился красноречием и отличался тем, что всегда говорил в соответствии с правилами классического арабского языка, и это, по свидетельству Масуди, выходило у него совершенно естественно. Большую часть жизни Джумахи провел в Басре, где снискал уважение сограждан и даже занимал посты в местной администрации. Однажды филолог был отправлен вместе с другими басрийцами к халифу Мутаиду с петицией о снижении налогов. Только красноречие Джумахи убедило халифа в правоте жителей Басры, и он согласился удовлетворить их просьбу. Однажды, правда, любовь к арабскому языку сослужила этому учителю Масуди плохую службу. Как-то раз Джумахи пригласили на загородный пикник. Недалеко от того места, где расположились пирующие, находилась плантация финиковых пальм. Дело было как раз в то время, когда созрел урожай фиников, поденщики срывали спелые гроздья и складывали их в большие корзины. Один из приглашенных попросил Джумахи разъяснить некий коранический аят-стих, и знаменитый филолог, обрадованный возможностью блеснуть своими познаниями, тут же принялся за дело, обильно уснащая свою речь стихотворными и прозаическими цитатами, которые подтверждали определенный способ прочтения священного текста. Вдруг на устроителя приема, его гостей и слуг набросились поденщики и принялись их жестоко изби-

вать. Уже потом выяснилось, что, услышав странные слова, произносимые Джумахи, эти неискущенные в тонкостях грамматики и богословия люди решили, что собравшиеся святотатствуют — издеваются над священной книгой мусульман.

Во время одного из последующих визитов в Басру Масуди познакомился с другим выдающимся жителем этого города, купцом, путешественником и писателем Абу Зайдом ас-Сирафи. Он оставил небольшое по объему, но весьма ценное сочинение «Цепочка историй» («Силсилат ат-таварих»), в которой содержатся важные сведения об Индии и Китае. Основой книги являются сообщения побывавшего в этих странах во второй половине IX в. некоего купца Сулаймана. Масуди внимательно прочитал книгу, из которой он многое заимствовал для написания особой главы о Китае в «Золотых копиях», добавив некоторые сведения, полученные от бывалых путешественников. Еще во время первого своего путешествия — по Ирану — наш автор видел в Балхе одного почтенного старца, который неоднократно ходил в Китай с караванами. Возможно, что встреча с этим человеком и его рассказы способствовали тому, что у Масуди появилось желание написать о великой восточной империи.

Он считает китайцев потомками Абура, одного из внуков библейско-коранического Йафиса (Иафета). Исходя из внешнего облика жителей Китая, он полагает, что они родственны тюркам и тибетцам. Прежде же, пишет он, Китай был единым государством, которое жило по законам, установленным древними праведными царями. Цари разделили общество на классы, установили культ предков и небесных светил. Эти сведения отражают некоторые положения одной из господствовавших в Китае идеологических систем — конфуцианства, с его почитанием Неба, прародителей, разработанным до мелочей ритуалом взаимоотношений между выше- и нижестоя-

щими, реально существовавшей в этой стране иерархией чиновничьих званий. Несмотря на то что китайские цари были язычниками, они, по мнению Масуди, правили справедливо. Некоторые из китайских императоров даже тайно почитали Аллаха, посланных им на землю пророков и основателя ислама Мухаммада. В подтверждение этому Масуди приводит фантастическую новеллу, почерпнутую из «Цепочки историй» Абу Зайда ас-Сирафи, в которой рассказывается о том, как некий знатный мусульманин по имени Ибн Хаббар ал-Асвад бежал во время восстания зинджей из Басры в иранский порт Сираф, а оттуда — в Китай. Оказавшись без средств к существованию, он пришел во дворец к китайскому царю и стал просить помощи. Царь справился о родословной мусульманина в большом приморском городе Ханьфу, где имелась колония арабов и персов, и, удостоверившись в том, что проситель происходит из племени курайш, к которому принадлежал основатель ислама Мухаммад, велел пустить его к себе и щедро наградил. Потом царь показал Ибн Хаббару ал-Асваду шкатулку, в которой имелись статуэтки, изображавшие почитаемых исламом пророков начиная от Адама и кончая Мухаммадом. Подобную историю рассказывает о византийском императоре арабо-мусульманский историк второй половины IX в. Динавари. При помощи таких новелл, якобы подтверждающих приверженность исламу монархов двух крупнейших современных Халифату государств — Китая и Византии, арабы-мусульмане стремились объяснить то, почему эти с их точки зрения языческие страны обладали высоко развитой культурой и государственностью.

Китайский царь для Масуди — образец справедливого обращения с собственными подданными и приезжими мусульманскими купцами. В другой новелле о приключениях мусульман в этой стране наш автор рассказывает о том, как один

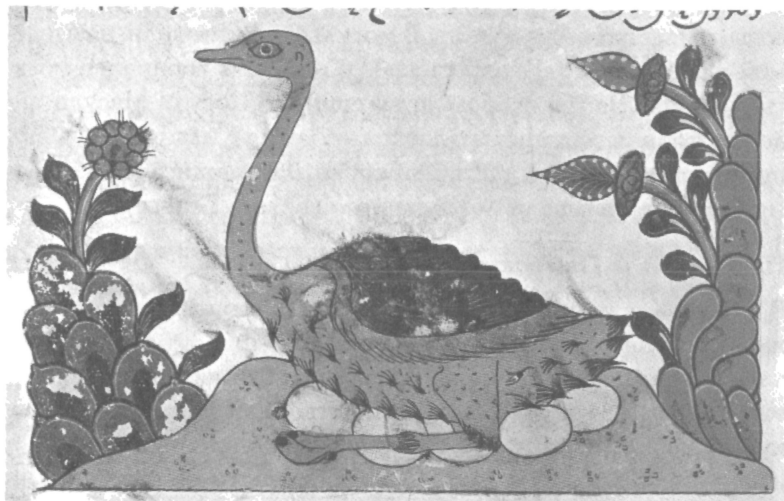
купец из Самарканда, заключенный в тюрьму и лишенный своих товаров несправедливым чиновником, был спасен от этих несчастий китайским царем.

На Ближнем и Среднем Востоке китайцы славились как хорошие ремесленники. Масуди называет китайцев одними из самых искусных людей на земле и сообщает, что китайский царь награждает ремесленника, если изготовленное им изделие выставлялось в течение года и признавалось всеми безупречным. Некий человек, продолжает Масуди, изобразил птицу, сидящую на колосе; горбун, внимательно рассмотревший картину, указал царю на то, что птица должна была непременно согнуть колос — художник же этого не учел. В результате живописец не получил ничего. Такие конкурсы, говорит Масуди, способствуют росту мастерства ремесленников всех специальностей.

Дела в Китае шли, по мнению нашего автора, наилучшим образом вплоть до начала восстания Хуан Чао, которое продолжалось с 874 по 884 г. Войско повстанцев подошло к городу Ханьфу (или, как его называет Масуди, Ханку), где издавна имелась колония мусульманских купцов, а также проживали христиане, иудеи и зороастрийцы. Взяв город, повстанцы убили многих иноземных торговцев. Затем была взята императорская столица, император низложен и закон, таким образом, нарушен. С тех пор, говорит Масуди, в Китае продолжается смута. Некогда единое государство распалось на несколько самостоятельных княжеств. Положение в Китае, считает наш автор, подобно ситуации, сложившейся на развалинах империи Александра Македонского эпохи диадохов, и состоянию Халифата в X в.

Лет через восемь после первого посещения Басры — в 925 г. — Масуди решает побывать на севере Ирака, в городах Текрит и Мосул. Ведь в этих местах еще с давних времен

получила распространение яковитская ветвь христианства; с IV в. н.э. Текрит, расположенный на правом берегу Тигра, был резиденцией яковитского епископа. До завоевания Ирака мусульманами в этом городе обитало христианское арабское племя ийад. Здесь Масуди, всегда интересовавшийся ре-

Страус

лигиозными учениями, встречался и спорил с яковитским ученым Абу Закарией Данха ан-Насрани. Диспуты, сообщает путешественник, проходили в Зеленой церкви Троицы, руины которой сохранились до настоящего времени в южной части современного Текрита. Видимо, Масуди побывал и в монастырях Дайр Сааба и Дайр Мар Йуханна.

В находящийся севернее Текрита Мосул Масуди отправился не только для того, чтобы встретиться с крупным ученым того времени Джафаром ибн Хамданом ал-Маусили (ум. в 935 г.) и поработать в принадлежавшей ему библиотеке, но

также для того, чтобы осмотреть древние памятники, находящиеся как в самом городе, так и в его окрестностях. Ведь здесь и до нашего времени сохранился основанный в 570 г. яковитский монастырь, ибо, как и Текрит, Мосул был одним из центров христианства в Ираке. При последнем омейядском халифе Марване ибн Мухаммаде (744—750) в Мосуле была возведена пятничная мечеть. В мосульской цитадели, называемой ал-Мурабба («Квадратная»), по средам собирався богатый рынок. На некотором отдалении от Мосула Масуди видел развалины халифского дворца — Дар ал-Хилафы. Побывал путешественник и на могиле пророка Джирджиса (так арабомусульмане называли легендарного святого Георгия).

По Сирии и Палестине

В 20-е гг. X в. наш герой неоднократно совершал поездки также в соседние с Ираком Сирию и Палестину. Эти места привлекали его по ряду причин. Во-первых, Сирия, как и Иран, — это страна, где в древности существовали высокоразвитые культуры, следы которых сохранились ко времени Масуди в изобилии. Во-вторых, Сирия, в особенности ее столица Дамаск, была главной базой халифской династии Омейядов, которая опиралась на племена бедуинов, поселившиеся в этой части арабомусульманского государства. Масуди же очень интересовался как теми политическими событиями, которые происходили в Халифате при Омейядах, так и личностями самих предшественников Аббасидов. Почти обо всех: Муавии ибн Абу Суфiane, Абд ал-Малике ибн Марване, Омаре ибн Абд ал-Азизе, — а также о других омейядских правителях он написал яркие очерки, которые включил в «Золотые копи». В-третьих, Сирия до арабомусульманского завоевания была провинцией Византии и сохраняла связи с бывшей метрополией. Эти контакты особенно остро чувствовались на се-

вере страны, в районе, который арабо-мусульмане называли ал-Авасим — «Укрепленные города», ибо там находился ряд сторожевых городов-крепостей, оборонявших северо-западные рубежи Халифата. Правда, на севере Сирии контакты с византийцами носили враждебный характер, так как там происходили постоянные военные столкновения между вооруженными силами обеих держав. Но именно в районе ал-Авасим Масуди не без оснований надеялся получить сведения о тогдашнем положении в этом государстве, а также о его истории и культуре — такой информацией располагали как тамошние старожилы, которым приходилось и воевать с византийцами, и вести с ними переговоры, так и мусульманские воины, возвращавшиеся из византийского плена — многие из них успевали познакомиться с главным соперником Халифата изнутри.

Впервые нашему путешественнику довелось отправиться в Сирию в 921 г. Тогда он приехал на север страны и пожил некоторое время в Алеппо (Халебе), расположенном на небольшой реке Кувайк. Здесь Масуди познакомился и подолгу беседовал с местным кади (мусульманским судьей) Ибрахимом ибн Джабиром, а также осматривал древние памятники. Ведь Алеппо существовал еще за три тысячи лет до времени жизни Масуди. При Селевкидах, в государство которых Сирия вошла после распада державы Александра Македонского, Алеппо превратился в настоящий эллинистический город. Его внешний облик сильно изменился в связи с распространением христианства и последующим установлением господства Византии. В 631 г. Алеппо капитулировал перед подошедшим к нему арабо-мусульманским войском. По договору о капитуляции завоеватели обязывались оставить в неприкосновенности все христианские церкви города, поэтому последователям новой религии — ислама — пришлось переделать в мечеть античную арку, которая стояла в начале колоннады, превратив-

шейся ко времени падения господства византийцев в обычную восточную городскую улицу, тесно и неровно застроенную домами, на первых этажах которых помещались лавки. При омейядских халифах — то ли при Валиде ибн Абд ал-Малике, то ли при Сулаймане — весьма заботившихся о благоустройстве сирийских городов, на месте первой мечети была возведена виденная Масуди Большая мечеть, которая сохранилась до наших дней. Гуляя в 921 г. по улицам Алеппо, Масуди, разумеется, не мог знать, что через 23 года город будет захвачен войсками рода Хамданидов, один из наиболее ярких сынов которого, Сайф ад-Даула, прославившийся победами над византийцами, сделает Алеппо столицей своего эмирата. Вокруг сиятельного мецената соберется круг талантливых поэтов и ученых, среди которых засияет имя великого поэта арабского средневековья Мутанабби (915—965).

Из Алеппо Масуди отправился на северо-запад, в город Антиохию, или, как ее называли арабы, Антакию, основанную около 300 г. до н.э. бывшим полководцем Александра Македонского Селевком (IV—III вв. до н.э.). Антиохия входила в пограничную зону ал-Авасим. Здесь Масуди посещал христианские храмы — церкви св. Марии, св. Варвары и св. Павла. Не оставил он своим вниманием и античные развалины древнего города. Правда, в настоящее время сообщения Масуди о древних развалинах весьма трудно поддаются идентификации. Во всяком случае, в «Золотых копиях» путешественник сообщает о руинах некоего античного храма, расположенного на горе внутри города. В храме имелись многочисленные статуи и другие священные изображения. Судя по тому, что Масуди приводит мнение последователей языческой секты сабиев, основная масса которых проживала в городе Харране на северо-востоке Сирии, которые считали, что этот храм в Антиохии был построен самим древнегречес-

ким богом Асклепием, можно предположить, что развалины, виденные Масуди, были некогда святилищем этого божества, разрушенным, по данным Масуди, в IV в. н.э. при первом римском императоре, принявшем христианство, Константине, и превращенным в наблюдательный пункт. Во времена Масуди дежурившие там воины должны были предупреждать начальника гарнизона Антиохии о приближении ромейских судов. Рядом с соборной мечетью города наш путешественник видел еще один старинный храм, который он называет ад-Димас.

Из Антиохии Масуди направился в другой город, принадлежавший к пограничной зоне ал-Авасим, Тарсус. Для христиан он был знаменит тем, что здесь, по преданию, родился апостол Павел. Возможно, именно это обстоятельство, помимо важного стратегического положения Тарсуса, было одной из причин, заставлявших византийцев с таким упорством стремиться захватить и удержать город. Арабы-мусульмане же не хотели уступать его своим воинственным соседям, и Тарсус неоднократно переходил из рук в руки, подвергаясь опустошительным разрушениям, но вновь отстраиваясь и укрепляясь заново. В то время, когда там побывал Масуди, Тарсус был сильной крепостью, обладавшей двойными стенами. На военную роль города указывало и название ворот, обращенных в сторону врага. Они именовались Баб ал-Джихад — «Воротами священной войны».

Последним из трех основных городов в зоне ал-Авасим Масуди побывал в Адане — самом северном укрепленном пункте Сирии на границе с Византией. Так же как и Тарсус, Адана неоднократно переходила из рук в руки. В последний раз перед приходом Масуди город был захвачен византийским императором Василием I в 875 г., но затем он вновь был отобран арабами-мусульманами. В середине сороковых годов, еще при

жизни Масуди, Адана снова на короткий срок попала под власть ромеев. Путешественник был принят ее комендантом, известным воином и дипломатом Абу Умайром Ади ибн Ахмадом ибн Абд ал-Баки ат-Тамими, который не раз бывал в Константинополе и других городах Ромейской державы с дипломатическими поручениями. Надо ли говорить о том, что гораздо чаще ему приходилось сходитьсь с византийцами не в дворцовых залах, где проводились официальные приемы, а на поле брани. Возможно, что Абу Умайр многое рассказал Масуди об обычаях византийцев, об административном делении Византии, о ее столице Константинополе. Сведения, которые сообщил этот уважаемый как арабами-мусульманами, так и своими врагами-византийцами человек, были тем более ценны, что Абд ал-Баки прекрасно владел греческим языком, и Масуди, беседуя с ним, черпал информацию, что называется, из первых рук. Недаром наш автор назвал Абу Умайра старейшиной сирийских пограничных крепостей.

Другим важным информатором Масуди о положении в Византии был знаменитый моряк, гроза византийских берегов, Лев Триполитанин, или, как его называли арабы-мусульмане, Абу-л-Харис Лави. Лев Триполитанин был по происхождению византийцем, принявшим ислам и развернувшим жестокую морскую войну против своих бывших соотечественников. В 904 г. он совершил дерзкий набег на византийский город Фессалонику, где захватил много пленных и богатую добычу.

Будучи человеком весьма обстоятельным, стремившимся к получению как можно более полных и объективных данных, Масуди при написании своих сочинений, в которых много места уделяется Византии, не мог удовлетвориться сообщениями устного характера. Поэтому он широко использовал как арабо-мусульманские, так и собственно византийские ис-

точники. Видимо, сведения общего характера о Римской империи Масуди почерпнул из географических трудов своих предшественников — Ибн Хардадбега и Кудамы ибн Джафара. Многим был он обязан также ныне утраченным трудам арабо-мусульманского автора IX в. Муслима ибн Абу Муслима ал-Джарми. Джарми попал в византийский плен, затем был выкуплен в 845 г. Он поведал своим соотечественникам не только собственно о Византии и византийцах, но также и об их соседях — аварах, булгарах, славянах. Кроме того, наш автор опирался на официальные отчеты о сезонных походах арабов-мусульман против Византии, в которых, видимо, сохранилось много конкретных фактов. Из сочинений византийских авторов Масуди проработал хронику александрийского монаха V в. н.э. Анниана. В одной из церквей Антиохии наш автор, по его словам, видел какую-то византийскую летопись, написанную по-гречески, с которой он ознакомился, по всей видимости, при помощи переводчика — в то время в Сирии было немало лиц, свободно владевших языком ромеев. В Халифате проживало много христиан, которые принадлежали как к господствовавшему в Византии религиозному направлению — православию, так и к другим ветвям христианства. Очевидно, к X в. большинство христиан в арабо-мусульманском государстве стало забывать языки, на которых они раньше говорили, главным образом сирийский. По этой причине образованные представители христианских общин на Ближнем Востоке были вынуждены создавать исторические сочинения, в которых много места отводилось истории Византии, на арабском языке, чтобы быть понятыми своими единоверцами. Для собирания сведений давней и недавней истории Римской державы Масуди пользовался трудами многих христианских авторов, писавших по-арабски: православных иерархов Евтихия и Агапия, несторианского писца Йакуба ибн

Заккарии, яковитского священника Абу Заккарии Данха, маронского ученого Кайса ал-Маруни.

На что же обращает прежде всего внимание Масуди, описывая Византию?

Много внимания уделяет он административному делению соседней державы — описанию фем (областей и одновременно военных округов), на которые делилось это государство. Начинает он с описания фем азиатских провинций Византии, затем переходит к фемам, расположенным в Европе. Сведения, приводимые ученым, весьма точны. Все фемы, упомянутые им, известны также и по византийским источникам. Исключение составляет одна из европейских фем — Тафла (возможны и другие прочтения этого названия — Табла, Тайла), которая не поддается идентификации. Некоторые неточности допустил Масуди в описании азиатских фем. Дело в том, что три административные единицы — Карманон, Колонса и Селевкия, — которые он считает фемами, в то время были областями более низкого ранга. Очевидно, Масуди располагал все же устаревшими данными, ибо в его время административное деление Ромейской державы было несколько иным — фем в то время было больше. Эти ошибки вполне объяснимы — ведь Масуди никогда не был в самой Византии, а его информаторы могли, конечно, ошибаться. Возможно, что наш ученый восстанавливал административную систему соседней империи на основе более ранних арабо-мусульманских источников, в которых бытовало мнение о том, что Византия делится на четырнадцать провинций. В этой связи понятно заявление Масуди о том, что «Ромейская земля... с древности разделена на четырнадцать частей». Повествуя о византийских фемах, Масуди не обходит молчанием и расположенные в них крупнейшие города. Это пограничные с Сирией Аморея и Гераклея, город Никея, Эфесс, который, по словам

географа, был родиной многих греческих мудрецов и врачей, многонаселенная Анкра, Фессалоника, подвергшаяся набегу Льва Триполитанина, и другие.

Достаточно хорошо осведомлен Масуди и о морях, находящихся под контролем Византии. Он сообщает о Геллеспонте, Мраморном море и Босфоре, которые он называет Константинопольским заливом (Халидж ал-Кустантинийя).

На основе свидетельств арабо-мусульманских путешественников и дипломатов, плававших в столицу Византии морским путем, Масуди описывает порты, где византийские корабли делали остановки по пути в Сирию. Возможно, морское сообщение между средиземноморским побережьем Сирии и Константинополем было регулярным — ведь наш географ называет эти приморские города «почтовыми станциями».

Внимание Масуди к морским рубежам Ромейской империи вполне объяснимо. Дело в том, что как мирные контакты, так и военные столкновения между Халифатом и Византией часто осуществлялись в значительной степени на морских просторах. Арабо-мусульманские моряки, отважно нападавшие на византийское побережье, захватывавшие в море ромейские корабли с богатыми грузами, пользовались в сирийских приморских городах большим уважением. Видимо, в среде сирийских моряков-корсаров сложилась легенда, которую пересказывает Масуди.

Однажды, в правление первого омейядского халифа Муавии (661–680), некий арабский воин оказался в византийском плену. Приведенный вместе с другими пленниками к императору, он подвергся оскорблению со стороны византийского вельможи, который публично дал мусульманину пощечину. Пленный воин воскликнул: «Муавия, где же ты? Почему ты позволяешь врагу распоряжаться нашими жизнями и подвергать нас оскорблениям?» Эти слова дошли до халифа, кото-

рый весьма расстроился и приказал выкупить всех арабских пленных, в том числе и того воина, который получил пощечину. Призвав его к себе, халиф пообещал, что отомстит за поругание. Потом он вызвал к себе одного весьма искусного морехода, который часто ездил в Византию и хорошо говорил по-гречески, и приказал ему похитить обидчика и привезти его к халифскому двору в Дамаск. Мореход построил на деньги, выделенные из халифской казны, необычайно быстроходный корабль, накупил разных дорогих товаров и отправился в путь. Добившись представления к императорскому двору, купец стал продавать вельможам и самому императору потребные им диковины. Так он совершил несколько поездок и в конце концов вошел в доверие к царедворцу, давшему пощечину пленному мусульманскому воину. Наконец, он заманил его на свой корабль и доставил в Сирию. Привезенный в Дамаск, ромей предстал перед Муавией. Халиф приказал привести того самого арабского воина, которому вельможа в свое время осмелился дать пощечину. Мусульманин отдал свой долг византийцу, восстановив таким образом свою честь. После этого он удалился, восхваляя мудрость и справедливость Муавии, а халиф богато одарил вельможу и с почетом отпустил его к императору, велев передать, что он защищает жизнь и честь своих подданных, оказавшихся во власти ромеев. В благодарность за то, что Муавия великодушно обошелся с византийским царедворцем, император, повествует Масуди, запретил обижать арабских пленнх.

Вполне очевидно, что подобная легенда могла возникнуть в такой среде, которая, несмотря на смену правящей в Халифате династии, продолжала хорошо относиться к Омейядам, которых официальная аббасидская историография представляла нечестивцами, развратниками и узурпаторами. В этой легенде Муавия, рисовавшийся в современных Масуди хро-

никах коварным властолюбцем и политическим циником, предстает мудрым и благородным правителем, защитником мусульман, великодушно обходящимся даже с врагом. Мы уже неоднократно видели, что Масуди питал большую склонность к подобным повествовательным легендам, которые в изобилии украшают «Золотые копии» — основное из дошедших до нас его сочинений, являющееся благодаря этим отрывкам выдающимся памятником средневековой арабской прозы.

Вернемся, однако, к рассказу о том, что сообщает наш автор о ромейской державе.

Из всех византийских городов наибольший интерес Масуди, разумеется, вызывает столица империи — Константинополь. Нашему автору известны различные названия этого города: собственно Константинополь (арабизированная транскрипция этого слова — ал-Кустантинийя), Византия — название, которым в современной науке обозначается Ромейская империя, Маликат ал-Мудун («Царица городов»), по-гречески Басилис Полис (название, придуманное в IV в. н.э. византийским историком Евсевием Кесарийским), а также народное название столицы ромейского государства — Истабулин (что означает «Город», «Полис»), от которого после османского завоевания Константинополя произошло турецкое название Стамбул.

Масуди описывает местоположение Константинополя со слов нескольких арабов-мусульман, участвовавших в походах на Византию. Мраморное море, или, как его называет Масуди, Халидж ал-Кустантинийя (Константинопольский залив) охватывает город с восточной и северной сторон. С юга находится суша. Там расположены знаменитые константинопольские Золотые ворота (в подражание которым были возведены ворота с таким же названием в древнерусских городах Киеве и Владимире), обшитые медными листами. Географ

справедливо отмечает, что в некоторых местах городские крепостные стены имеют несколько рядов. У западной стены, пишет Масуди, находится некий дворец. Это также правильная информация — известно, что в северо-западной части Константинополя находился дворец Биширнас. На берегу залива, то есть Мраморного моря, помещается «дворец с башенками и сторожевой башней». Имеется в виду Великий дворец, локализуемый как раз в том месте, на которое указывает наш автор. Константинополь имеет много ворот, а с внешней стороны его стен расположены многочисленные церкви. Известно Масуди также и о климате византийской столицы — «место это гнилое, где ветры часто меняются, влажное для тел по причине того, что оно находится между описанными нами морями».

Приведенный отрывок показывает, что информатор Масуди сам никогда в Константинополе не был. Скорее всего, он просто проплывал на корабле мимо него, возможно, совершая морской грабительский набег на какой-то другой ромейский город. Вот почему его внимание было сфокусировано прежде всего на местоположении Константинополя относительно моря, на расположении крепостных стен и двух крупных зданиях, видных из-за укреплений. Вполне вероятно также и то, что информатор принимал участие в одной из осад города, поэтому он побывал на суше со стороны Золотых ворот и, простояв под стенами некоторое время, ощутил на себе злое воздействие местного климата. В любом случае, сведения, приводимые Масуди, отличаются значительной точностью.

Помимо описания византийского государства и его столицы, арабо-мусульманский читатель находил в сочинениях Масуди подробное изложение византийской истории, в ходе которого наш автор решал ряд важных для своего времени проблем и во многом являлся новатором.

Во-первых, в отличие от многих своих предшественников, в том числе от крупнейшего прозаика и ученого IX в. Джахи-за, Масуди указывает на историческую связь между современными ему византийцами и древними греками. Это было смелым для его времени шагом, ибо арабо-мусульманские ученые отказывались верить в то, что древнегреческие философы, которыми они восхищались и у которых учились, являются предками нечестивых ромеев, с которыми халифату приходилось вести изнурительные войны.

Если на этническом уровне Масуди видит в византийцах потомков древних греков, то на государственном уровне он считает их наследниками древних римлян. Вот как он сам объясняет этот феномен: «Греки и ромеи (то есть римляне. — *Д.М.*) жили рядом, подобно персам и набатеям (семитоязычному населению Ирака. — *Д.М.*)... Потом ромеи завоевали греков, и все стали ромеями, как персы завоевали набатеев». Таким образом, Масуди понимал, что современная ему Византия — это наследница Римской империи.

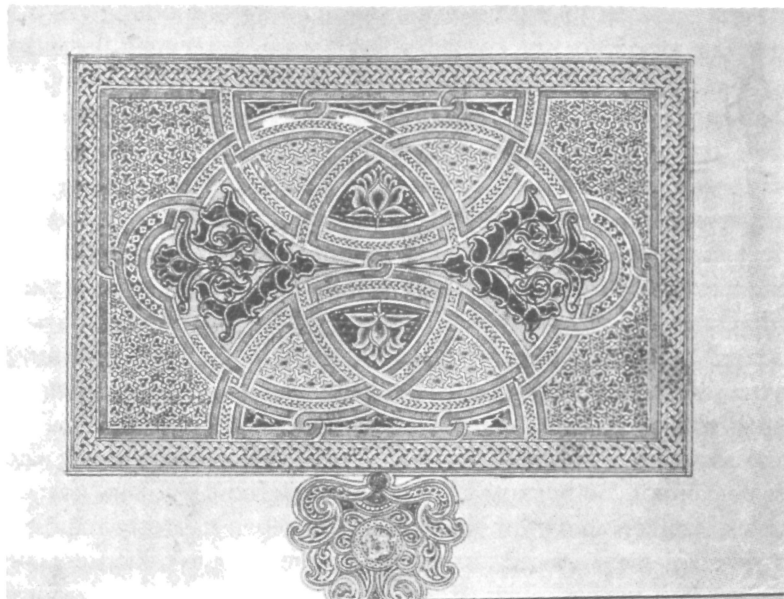
Излагая историю ромейского государства, Масуди выделяет в ней три периода. Во-первых, это история правления языческих ромейских императоров до Диоклетиана (284—305), то есть еще, собственно, не история Византии, а история Римской империи. Во-вторых, это правление христианских ромейских императоров, столица которых находилась в Константинополе, начиная с основателя новой столицы Константина I (306—337), принявшего христианство, и кончая императором Ираклием (575—641). И, наконец, в-третьих, история Византии после возникновения ислама.

Масуди сообщает верные сведения о количестве византийских императоров и сроках их правления. Он подробно освещает деятельность христианской церкви, рассказывает о первых шести вселенских соборах. Считая возникновение ислама

центральным событием всей человеческой истории, Масуди отводит много места изложению событий, произошедших во время правления императора Ираклия, когда истощенная многолетней распрей с сасанидским Ираном Византия не устояла перед натиском арабо-мусульман и потеряла Сирию в Азии и Египет в Африке. Материалы, касающиеся двух первых периодов византийской истории, наш автор почерпнул, по всей видимости, из переведенных для него византийских и самостоятельно проработанных арабо-христианских хроник.

Для исследователей истории Византии и арабо-византийских отношений наибольший интерес представляет информация, приводимая Масуди относительно современного ему состояния соседней империи. Правда, эти сведения ученый получил значительно позже своей первой поездки в Сирию, в то время, когда он уже прочно осел в Египте и лишь изредка наезжал в Дамаск и другие сирийские города. Так, летом 946 г. в Дамаск прибыл видный византийский дипломат и ученый Иоанн Мистик для ведения переговоров с наместником правителя Египта Ихшида, который присоединил большую часть Сирии к своим владениям, о заключении перемирия и подписании договора об обмене пленными. Масуди срочно выехал из египетской столицы Фустата в Дамаск и добился встречи с византийским вельможей. Иоанн Мистик рассказал арабскому ученому о борьбе за власть между двумя претендентами на византийский трон — Константином VII Багрянородным (913—959) и Романом I (920—944), которая закончилась победой Константина и заточением Романа в монастырь. Через несколько лет Масуди узнал о том, что свергнутый император Роман умер, а из его сыновей один был убит, а другой посажен в темницу. Обо всем этом наш автор написал в своем последнем сочинении — «Книге указания и наблюдения».

Интересовался Масуди также и внешнеполитическим положением Византии. Его внимание привлекает византийско-болгарская война, когда арабы-мусульмане предприняли совместные действия с болгарами, которыми предводительство-

Заставка в рукописи Корана

вал царь Семион. Он сообщает также о нападениях печенегов и мадьяр на северные границы империи,

Возможно, что, находясь в Сирии и собирая сведения о Византии, Масуди впервые услышал о некоем народе, который носил название русов. Бывалые арабские воины сообщили любознательному иракцу, что слово «русы» означает «рыжие» — таков был цвет волос большинства сыновей этого народа, которых доводилось видеть сирийским погранични-

кам. Масуди узнал также, что некогда русы совершали нападения на Константинополь, но потом, как он выражается, «вошли в общность румов и стали нести караульную службу в приграничных областях». Не совсем понятно, какой смысл вкладывал сам ученый в выражение «вошли в общность румов», но известно, что, согласно договорам, заключенным между Византией и киевскими князьями в 911 и 944 гг., особые отряды русских воинов принимали участие в боевых действиях против арабов-мусульман. Фактически это, конечно, не означало, что Киевская Русь стала зависимым от Византии государством, как могло показаться Масуди, получавшему весьма отрывочную и одностороннюю информацию о состоянии русско-византийских отношений, однако не вызывает сомнений тот факт, что в X в. Русь все больше и больше втягивалась в орбиту византийского культурного и политического влияния, что привело к концу столетия к введению там православного христианства. Таким образом, русские воины находились на византийско-сирийской границе не как вассалы империи, а как ее союзники. Во всяком случае, знакомство с русами, хоть и понаслышке, пробудило в Масуди интерес к этому народу, жившему, в его представлении, на самом краю Ойкумены, и он решает познакомиться с ним получше. Через некоторое время после пребывания на сирийско-византийской границе путешественник совершит поездку в район Каспийского моря и на Кавказ, где он добудет более подробные сведения о Киевской Руси и посвятит русам и славянам в целом особые разделы «Золотых копей».

Интересовался Масуди и взаимоотношениями между Византией и латинским Западом, хотя и не располагал о Западной Европе столь подробными сведениями, как о ближайшем соседе Халифата. Центром Запада он считает Рим, во главе которого стоит некий «хозяин Рима». Возможно, так Масуди называет папу.

Рим, по Масуди, — это столица «царства франков», в зависимости от которого находятся многие другие народы Запада. В силу давнего договора, пишет Масуди, «владелец Рима» был подчинен византийскому императору, он не носил короны, пурпура — знака императорской власти, однако потом «его дело окрепло» и он объявил себя независимым монархом. Узнав об этом, византийский император Константин Багрянородный направил войска, чтобы захватить Рим, однако ромеи потерпели поражение. Тогда был заключен мир. До этого «владелец Рима» выдал замуж за сына Константина Багрянородного свою дочь, которая, однако, вскоре умерла.

В целом все эти сведения весьма далеки от действительного положения вещей. Возможно, что представление о подчиненности «владельца Рима» константинопольскому владыке сложилось у Масуди на основании того, что в далеком для него самого прошлом, в VI в., Византия претендовала на восстановление своей власти в Италии и действительно некоторое время контролировала Рим.

В X в. некогда уступавшая в мощи Халифату Византия перешла в наступление на арабо-мусульманское государство. Несмотря на это, Масуди, который, конечно, знал о победах ромеев над его единоверцами, стремился нарисовать как можно более объективный образ византийской культуры. В отличие от прочих арабо-мусульманских авторов, иракский ученый не упрекает византийцев за то, что они оскопляют своих детей, не приписывает им бытовой нечистоплотности и нечестности. Более того, он восхваляет административную систему Византии, подчеркивая, что благодаря централизации Империя добилась успеха в борьбе с Халифатом.

Через пять лет после пребывания в северной Сирии, посещения приграничной области ал-Авасим, Масуди решил по-

знакомиться с городами, историческими памятниками и природой Палестины. Возможно, что эта поездка путешественника началась с города Тивериады (по-арабски Табарии), стоящего на берегу Тивериадского озера. Масуди, любителю древностей, здесь было на что посмотреть. В Табарии сохранились остатки античного дворца, древние городские стены, переделанный в христианскую церковь языческий храм, возведенный при императоре Адриане. Масуди посетил также могилу, в которой, по преданию, был похоронен библейский пророк Иисус Навин. В Тивериаде он встретился с неким мавлой (клиентом, зависимым человеком) свергнутого халифского рода Омейядов, у которого видел сочинение по истории этой династии. Этот труд, до нашего времени не дошедший и по другим источникам не известный, видимо, сослужил Масуди хорошую службу, так как из него он почерпнул многие важные сведения по ранней истории Халифата.

Несколько южнее Табарии, в долине, окруженной горами, находится древний палестинский город Назарет, называемый арабами ан-Насира, где, по преданию, Христос жил с родителями до тридцатилетнего возраста. Столько знавший о развитии христианства в Византии, знакомый со многими христианскими деятелями Ближнего Востока и их сочинениями, Масуди не мог обойти стороной этот город. По его свидетельству, он посетил в Назарете некую весьма почитаемую церковь. Возможно, что это была построенная еще византийцами церковь святой Марии. Сообщая о своем пребывании в Назарете, путешественник отмечает, что от арабского варианта транскрипции его названия произошло одно из наименований христианства, распространенных в Халифате, — ан-на-сранийя. Побывал Масуди и на родине Христа — в небольшом городке Вифлееме (Бейт Лахме).

Из Назарета Масуди попал в Наблус, получивший это название по стоявшему некогда на его месте римскому городу Неаполису. В X в. Наблус был населен последователями иудейской секты самаритян, с учением которой Масуди постарался познакомиться прямо на месте. Двигаясь дальше на юг, Масуди прибыл в Рамлу, небольшой город, где любили отдыхать и охотиться омейядские халифы. Многие для Масуди здесь было связано с омейядским халифом Сулайманом, который его и основал, будучи наместником Палестины при своем брате Валиде ибн Абд ал-Малике. Сделавшись халифом, Сулайман не оставил насиженного места и бывал в Рамле гораздо чаще, нежели в столице — Дамаске. По приказу Сулаймана сириец-христианин ал-Батрик ибн ан-Нака построил дворец и Белую мечеть (ал-Масджид ал-Абйад), которая была расширена при преемнике Сулаймана Омаре ибн Абд ал-Азизе. Во времена Масуди считалось, что ниша, указывающая направление на Мекку (михраб), Белой мечети является самой большой во всем мусульманском мире. В городе существовала система водоснабжения. Вода в дома жителей поступала из особого хранилища Унайзии, построенного в 789 г. во время правления Харуна ар-Рашида. Арабо-мусульманские историки рисовали Сулаймана, основателя Рамлы, обжорой и франтом. Масуди сообщает, что вечно голодный Сулайман имел привычку хватать горячие куски жареных кур, завернув руки в длинные рукава дорогих кафтанов, отчего испорченные жиром одеяния приходилось часто менять. Эти засаленные кафтаны, по свидетельству Масуди, хранились еще в казне Харуна ар-Рашида, и один из них халиф подарил филологу Асмаи за то, что тот сумел объяснить ему происхождение пятен на них.

Покинув Рамлу, Масуди дня через два прибыл к цели своего путешествия — в столицу Палестины, священный город христианства, иудаизма и ислама — Иерусалим.

Этот древний город арабо-мусульманские географы, в том числе и Масуди, называли Кудс («Святость») или Байт ал-Мукаддас («Дом Священного») в память о том, что здесь в глубокой древности обитал библейский патриарх Мелхиседек. В римскую эпоху при императоре Адриане (117—138) на месте Иерусалима был построен новый город — Элия Капитолина. Масуди была известна древняя история этого города, однако в большей степени его интересовали мусульманские и христианские памятники, имеющиеся здесь в изобилии, ибо с течением времени Иерусалим стал священным городом также христианства и ислама. Перестройка Иерусалима в христианском духе началась при императоре Константине. В этом участвовала его мать Елена, на средства которой был воздвигнут главный христианский храм города — храм Воскресения, о чем Масуди пишет в «Книге указания и наблюдения». Став хозяевами положения в Римской империи, христиане принялись активно искать в Иерусалиме материальные свидетельства жизни и мученичества Христа. Вскоре ими были обнаружены остатки креста, на котором Он был распят.

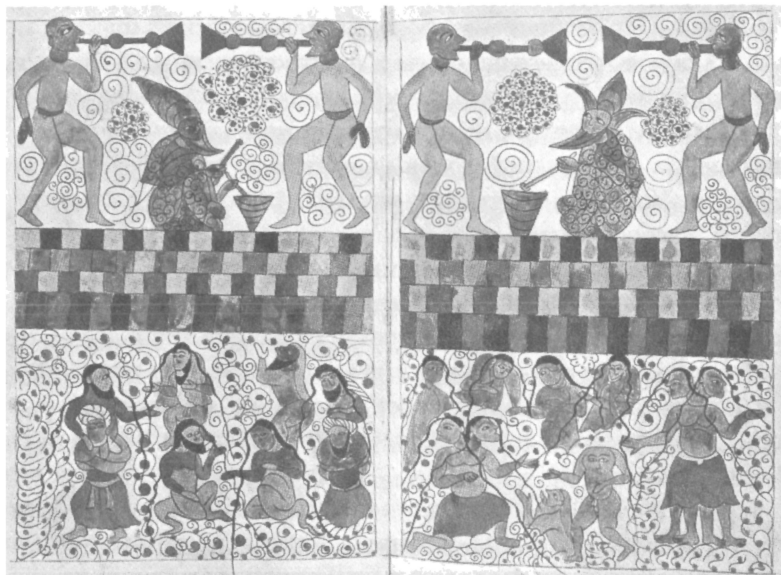
В этой связи в среде христиан-сирийцев возникла легенда о том, как еще до принятия христианства Константином некая знатная женщина по имени Протоника стала христианкой и совершила паломничество в Иерусалим, где обнаружила кресты, на которых были распяты Христос и два разбойника, казненные вместе с ним. Когда Протонике и ее детей ввели в подземелье, где находились кресты, ее дочь внезапно упала замертво. Решив, что эта смерть является божественным знаменiem, спутники Протоники стали поочередно прикладывать кресты к бездыханному телу девушки, и когда к ней приложили крест, на котором был распят Христос, она тотчас же воскресла. Так и был идентифицирован тот самый священ-

ный чудотворный крест. Этот легендарный рассказ был известен Масуди, который, правда, не приводит его целиком, а просто сообщает о факте нахождения креста римлянкой, которую он называет женой римского царя, а имя ее передает как Фрутуника. Скорее всего, наш автор считал, что в основе легенды о Протонике лежит некий исторический факт, и не желал осложнять его изложение фантастическими деталями, в истинность которых верили христиане. Сам же Масуди, будучи мусульманином, относился к христианству с большим интересом и известной долей уважения, однако без особого доверия. Упоминание же им имени Протоники свидетельствует о том, насколько тщательно и широко подбирал он материалы в тех местах, где ему доводилось бывать.

Из Иерусалима Масуди совершил поездку в район Мертвого моря. Он отмечает высочайшую концентрацию соли в этом водоеме, в котором нет живых существ и на поверхности которого можно лежать без движения, не погружаясь в воду. Описывает Масуди и течение реки Иордан, впадающей в этот водоем.

В следующем, 927 г. наш путешественник совершил поездку по городам центральной Сирии. Возможно, что исходным пунктом маршрута являлся город Харран, лежавший на границе между Сирией и Ираком и бывший в средние века центром языческой секты сабиев, доктрина которой сложилась в результате смешения древнегреческих религиозных воззрений, принесенных на Ближний Восток в результате завоеваний Александра Македонского, с местными древними культами. Сабии почитали двух главных философов-пророков — Азимуна и древнегреческого Гермеса, которого они отождествляли с египетским богом Сетом. Одним из сабейских пророков считался мифический певец Орфей. Мир, согласно учению последователей этой секты, создан неким священным всеве-

дающим Творцом, к нему человек может приблизиться через посредство бесплотных духов, ступенью ниже которых стоят духи, управляющие планетами, Солнцем и Луной и обитающие в построенных для них храмах.

Дикари

Кульτ духов планет объясняет то, почему у сабиев была столь сильно развита астрономия. Масуди даже полагал, что именно обитатели Харрана разработали систему измерения орбит планет и в соответствии с этим стали называть жрецов по степеням. Система духовных чинов была, по его мнению, впоследствии перенята у сабиев христианами.

Знакомясь с верованиями харранской секты на основе собственного опыта, Масуди осмотрел главный их храм, кото-

рый, по преданию, был построен Эзрой, отцом библейского Авраама (у арабов — Ибрахима). На дверях другого молитвенного дома сабиев путешественник видел надпись на сирийском языке, который был священным языком секты: «Кто познает себя, тот приобщится к Божеству». Сабии полагали, что это изречение принадлежит древнегреческому философу Платону.

Стремясь в Дамаск, Масуди на некоторое время задержался в оазисе, расположенном к северо-востоку от сирийской столицы, так как его внимание привлекли находящиеся там грандиозные развалины Пальмиры — столицы эллинистического арабского царства, которое в III в. н.э. соперничало на Ближнем Востоке с самой Римской империей. В то время Пальмирой правила царица Зенобия, сумевшая подчинить себе не только всю Сирию, но даже и Египет. Однако в 270 г. римский император Аврелиан положил конец успехам честолюбивой царицы. Разбив войска Зенобии, он захватил и разрушил Пальмиру, а пленную Зенобию отправил в Рим, где она и умерла. В разгроме римлянами Пальмиры принимали участие вспомогательные войска, набранные из арабов-бедуинов, благодаря воспоминаниям которых о могущественной царице Зенобии и возникла легенда о разгроме Пальмиры и гибели ее правительницы, известной арабам под именем Заббы. Эту легенду и пересказывает Масуди в «Золотых копиях».

Жила-была царица Забба, правившая всей Сирией и частью Ирака. Она была незамужней, и к ней посватался владелец соседнего арабского царства Джазима. Забба ответила на сватовство согласием и предложила Джазиме явиться к ней лично. Джазима собрал своих приближенных на совет, и все они сказали, что поездка к Заббе не сулит никакой опасности. Один только Касир ибн Саад посоветовал лучше вызвать правительницу Пальмиры к себе — если ее намерения чисты,

то она обязательно приедет. Однако царь не послушался Касира и решил сам ехать в гости. Когда Джазима со своими людьми прибыл в Пальмиру, его окружили воины Заббы и одного, без свиты, ввели в покои царицы. Увидев Джазиму, Забба велела схватить его, вскрыть ему вены и выщедить всю его кровь в золотой сосуд — дело в том, что злодейке сказали, будто кровь Джазимы обладает целебными свойствами, и она поэтому решила заманить его к себе и убить. Свита царя также была перебита, и только один Касир сумел спастись, вскочив на быстрого коня и ускакав на нем от погони к преемнику Джазимы Амру ибн Ади. Касир и Амр решают отомстить Заббе — но как достать ее за неприступными стенами Пальмиры? Тогда Касир придумывает хитрость: он просит Амра отрезать ему нос и уши, в таком виде отправляется к Заббе и говорит ей, что над ним надругался Амр ибн Ади и он молит великую царицу о защите и отмщении обидчику. Забба приняла Касира и назначила его своим придворным купцом. Тайно съездив к Амру и привезя от него своей новой повелительнице чрезвычайно понравившиеся ей товары, Касир так вошел к ней в доверие, что Забба рассказала ему о том, что из ее дворца за пределы города ведет потайной подземный ход, по которому можно спастись, если возникнет какая-либо опасность. Вскоре после этого Касир сказал Заббе, что едет за новым товаром для нее, а сам отправился к Амру, все ему передал и посоветовал укрыться вместе с двумя тысячами воинов в сундуках, которые погрузили на верблюдов и привезли в Пальмиру под видом товаров для царицы. Когда верблюды вошли в город, Амр и его воины выскочили из сундуков и стали рубить и колоть всех, кто попадался им под руку. Забба бросилась было к подземному ходу, однако ей преградил дорогу Касир с мечом в руке. Забба побежала назад и столкнулась с Амром ибн Ади, который ее и зарубил. Вот как погибла

коварная царица Забба, а с нею и неприступная Пальмира, разрушенная воинами Амра ибн Ади.

Прибыв в Дамаск, Масуди осмотрел Мечеть Омейядов — главное мусульманское культовое сооружение сирийской столицы. Мечеть была построена при халифе ал-Валиде ибн Абд ал-Малике (705—715) на месте православного храма Иоанна Крестителя, который был отобран у христиан вопреки договору между арабами-мусульманами, занявшими Дамаск в 635 г., и жителями города. Согласно этому договору, христианам гарантировалась сохранность жизни, церквей и имущества. В 705 г. собор Иоанна Крестителя был разрушен, за исключением массивных каменных стен, внутри которых возвели молитвенный зал с куполом и окружили двор мечети крытой колоннадой. Масуди также сообщает, что мусульманские строители сохранили колокольни собора, которые стали использовать как минареты. В мечети остался также мавзолей, в котором, согласно легенде, погребена голова Иоанна Крестителя, почитаемого как христианами, так и мусульманами.

Масуди было известно, что до собора Иоанна Крестителя на месте Мечети Омейядов находился построенный при римлянах храм Юпитера, но он уже не знал, что до присоединения Сирии к Римской империи здесь также было языческое святилище. Однако какие-то предания о давнишнем культовом значении этого места до Масуди, видимо, дошли. Поэтому он передает легенду о том, что во время строительства мечети была обнаружена каменная плита с греческой надписью, призывающей к аскетизму и праведности. Мусульманский ученый Вахб ибн Мунаббих, который расшифровал письмена, счел, что доска относится ко времени Сулаймана ибн Дауда, то есть библейского Соломона.

Среди прочих мест, посещенных Масуди во время этой поездки, следует назвать знаменитый Баальбек, где сохранился

римский храмовый ансамбль I—III вв. н.э., в который входят Большой храм (так называемый храм Юпитера), Малый храм (так называемый храм Вакха или Меркурия) и Круглый храм (так называемый храм Венеры). Арабы-мусульмане считали, что все эти величественные сооружения возведены джиннами, подвластными пророку Сулайману. Если помнит читатель, таким же, с точки зрения средневековых любителей древности, было происхождение развалин Персеполиса, которые Масуди видел, находясь в иранском городе Истахре. В отличие от своих современников, наш путешественник справедливо полагает, что храмы Баальбека — это творение рук человеческих, представляющее собой святилище Ваала, одного из семитских божеств, почитавшегося в Финикии, Палестине и Сирии. Действительно, изначально в Баальбеке существовали храмы семитских богов, которые в эллинистическую и римскую эпохи стали отождествляться с Зевсом-Юпитером, Афродитой-Венерой и Гермесом-Меркурием. Однако, поскольку в эпоху Масуди исторического подхода к общественным явлениям и памятникам культуры еще не существовало, наш автор связал культ Ваала в Баальбеке с древними греками. Поездка в Баальбек с его грандиозными постройками, из которой Масуди вынес богатые впечатления, была достойным завершением его странствий по Сирии, откуда он вскоре вернулся в Багдад. Но здесь Масуди опять пробыл недолго: вскоре неутомимый странник направился через Аравийский полуостров к колыбели арабской цивилизации — Йемену.

Сквозь пески Аравии

Йемен, расположенный на юге Аравийского полуострова, сыграл в истории Ближнего Востока особую роль. Здесь издавна существовало поливное земледелие, которое со временем обеспечило возникновение высокоразвитой цивилизации

и государственности. Потребности существования классового общества в Йемене привели к тому, что местный йеменский южноарабский язык, в настоящее время мертвый, выработал свою письменность, сохранившуюся в многочисленных эпиграфических памятниках, обнаруженных на территории этой страны. Древняя йеменская культура оказала значительное влияние на соседние страны. В I тысячелетии до н.э. жители Йемена стали проникать на территорию современной Эфиопии, где, смешавшись с местным темнокожим населением, положили начало эфиопской цивилизации. Естественно, что весьма прочны были контакты оседлого населения Йемена с кочевниками и полукочевниками внутренних районов Аравии. Поэтому не случайно, что в арабских преданиях йеменские цари часто выступают в роли арбитров в спорах между арабскими племенами. Йемен был знаменит не только в районе Красного моря и на Аравийском полуострове. О нем было известно античным географам, которые называли эту страну Счастливой Аравией, считая ее родиной драгоценных редкостных благовоний. В первые века нашей эры, когда йеменская цивилизация стала клониться к упадку, в Йемен происходит массовая миграция арабских племен из центральных областей Аравии. Позже, в первые века после возникновения ислама, йеменцы, смешиваясь с этнически родственными им пришельцами, начинают забывать свой исконный древний язык и говорить на диалектах североарабского языка, языка племенной поэзии, а позже и Корана, распространившегося в результате арабо-мусульманских завоеваний на значительные территории. Несмотря на арабизацию Йемена, его население вплоть до настоящего времени сохраняет сознание принадлежности к особой йеменской общности, гордость тем, что оно является наследником древней цивилизации.

Йеменский патриотизм был особенно силен в то время, когда жил Масуди. В ходе арабо-мусульманских завоеваний арабские племена раскололись на две соперничавшие друг с другом группы — аднанитов, или северных арабов, и кахтанидов, или южных арабов, возводивших свою родословную к мифическому прародителю Кахтану, якобы обитавшему на территории Йемена. Кахтаниды считали себя потомками древних йеменцев, наследниками йеменских царей, и поэтому в их среде сформировалось так называемое южноарабское (или кахтанидское) племенное предание — совокупность легенд о царях древнего Йемена, в которых реальные исторические факты были весьма сильно трансформированы. Позже кахтанидское предание попало в сочинения арабо-мусульманских ученых, связанных с южноарабскими племенами, и стало достоянием всей арабо-мусульманской историографии.

Безусловно, Масуди познакомился с этим преданием еще в пору своего ученичества в Багдаде. Именно из него он узнал о том, что в Йемене некогда существовала цивилизация, памятники которой сохранились до его времени. Вот почему, немного отдохнув после поездок по Сирии, он решает лично увидеть эти древние сооружения. Датировать путешествие Масуди в Аравию не представляется возможным, но можно предположить, что оно произошло в первой половине тридцатых годов X в. Видимо, однажды в преддверии мусульманского месяца зу-л-хиджжа, в первые десять дней которого установления ислама предписывают совершать хадж в священный город мусульман Мекку, Масуди присоединился к каравану паломников в Багдаде, который возглавлялся доверенным лицом халифа, обычно принадлежавшим к роду Аббасидов. Достигнув Мекки вместе с караваном, Масуди совершил положенные ритуалы. Правда, незадолго до прибытия путешественника к святыне ислама Каабе, в 930 г., вой-

ско экстремистской мусульманской секты карматов захватило и разграбило Мекку. Карматы также похитили одну из святынь Мекки — знаменитый Черный камень, который паломники обязаны целовать. Камень был возвращен только через 21 год, так что существенный элемент ритуала отсутствовал. По окончании паломничества путешественник отправился непосредственно в йеменскую столицу Сану — древний город, родину знаменитых на весь Ближний Восток йеменских мечей, которые, как помнит читатель, любил коллекционировать халиф Мутаваккил и страсть к которым, если верить Масуди, послужила поводом к его гибели.

В первой половине X в. Йемен фактически не контролировался Багдадом. Власть здесь принадлежала местной династии Йафуридов, возводивших свой род к йеменскому царю Тубба. Обстановка отнюдь не была спокойной. Против Йафуридов боролись как карматы, так и члены другой секты — зайдиты, и известно, что в начале X в. Сана около двадцати раз переходила из рук в руки. К тому времени, когда в Йемене побывал Масуди, столица вновь находилась под властью йафуридского правителя Асада ибн Ибрахима. В Сане путешественник видел развалины некогда величественного дворца Гумдан, построенного одним из царей Йемена в I в. до н.э. Выше уже говорилось о том, что арабы-мусульмане нередко приписывали возведение величественных построек древности пророку Сулайману (библейскому Соломону), считавшемуся повелителем джиннов. Аналогичные легенды возникли и по поводу строительства дворца в Сане. Масуди же считает, что Гумдан — это не дворец, а храм планеты Венеры, возведенный мифическим завоевателем Ирана Даххаком (Заххоком), тем самым, который, по преданию, был прикован к горе Демавенд в Иране. В VI в., когда эфиопы временно захватили Йемен, Гумдан был разрушен, но затем вновь отстроен

царем Сайфом ибн Зу Йазаном, изгнавшим эфиопов при помощи иранского шаха. Судя по описаниям, Гумдан был высотой двадцать этажей. Нижняя его часть была сложена из массивных каменных блоков, а верхняя — из мрамора. Четыре бронзовые статуи, изображавшие львов, служили достойным украшением величественного здания. В VII в., когда Йемен вновь охватили смуты, Гумдан постигла печальная участь многих памятников архитектуры — он был разрушен до основания. Масуди сообщает, что это было сделано по приказу третьего мусульманского халифа Османа ибн Аффана (644—656). Путешественник видел на месте дворца огромный холм, который скрыл его остатки от человеческих глаз. Местные жители рассказали Масуди, что правитель Йемена Асад ибн Йафур хотел было восстановить дворец, но один из его приближенных ему отсоветовал. Так развалины Гумдана и остались под землей.

Конечно, слава о дворце Гумдан была жива в арабо-мусульманском мире, но ее затмевала известность другого сооружения, существовавшего в Йемене, — плотины, построенной в Марибе, бывшей столице Сабейского царства, одного из древних государственных образований на территории этой страны. Мариб находится на относительно небольшом расстоянии к северо-востоку от Саны, и Масуди не преминул побывать там. Марибская плотина образовывала резервуар, в котором собирались стекавшие с гор воды. Затем по специальной системе каналов вода распределялась по полям. Местность вокруг Мариба была хорошо возделана. По словам Масуди, тамошние сады были столь обширны, что по ним можно было ехать верхом в любом направлении в течение трех дней, укрываясь в тени фруктовых деревьев. Марибская плотина не только накапливала и распределяла воду, но также служила защитой против селей. В конце концов вся эта

система пришла в негодность, очередной сель разрушил ее, и обширные плодородные земли оказались затопленными. Это нанесло сильный удар по хозяйству древнего Йемена. Катастрофа произошла, по всей видимости, в VI в.

Скорее всего, Масуди, который не любил сидеть на месте, побывал не только в Санае и Марибе, но изрядно поездил по новой для него стране, хотя он об этом и не сообщает, однако он включил в «Золотые копии» краткое, но точное описание границ Йемена, в котором он приводит расстояния между его важнейшими местностями.

Возвращался Масуди назад той же дорогой, внимательно наблюдая жизнь арабов-бедуинов. Он отмечал, что несмотря на все трудности и лишения существование в пустыне носит более здоровый характер, нежели в городах, где в его время часто случались эпидемии. Благодаря постоянно испытываемым тяготам, благодаря свежему воздуху и незагрязненной земле арабы, по мнению Масуди, — одни из самых здоровых людей на земле. Кроме того, постоянная борьба с тяжелыми природными условиями приучила их быть гостеприимными, честными, оказывать помощь своим соседям и просто незнакомым путникам. Не случайно поэтому возникла приводимая Масуди легенда о том, что бедуин Хатим ат-Таи, который даже среди других арабов выделялся безграничной щедростью, и после своей смерти обильно угощал всякого, кто приходил на его могилу.

Путешествуя по Аравии, Масуди приходилось слышать от своих спутников, проводников и просто случайно встреченных бедуинов, с которыми он беседовал у костра во время привалов, красочные рассказы о страшных столкновениях со сверхъестественными существами — коварными и кровожадными людоедами-гулями и созданными Аллахом из огня демонами-джиннами. Гули, чудовища с козьими ногами, любят,

по представлениям арабов, заманивать путников в безлюдные места и там пожирать их. Хотя вера в существование гулей и джинов подкреплялась не только многочисленными свидетельствами «очевидцев», но даже авторитетом Корана и многих сподвижников основателя ислама Мухаммада — Масуди приводит рассказ халифа Омара ибн ал-Хаттаба о том, что он однажды, еще до ислама, встретил гуля и зарубил ее мечом, — наш автор не очень-то верит в реальность подобных существ. Поэтому он осторожно замечает, что, по мнению некоторых древних философов, гуль — это не оборотень-людоед, а просто некое животное и что индийские мудрецы считают гулей просто-напросто миражами, которые порождаются светом звезд. А джины — это галлюцинации, возникающие в сознании человека от долгого одиночества среди раскаленных песков.

Видимо, путешествие Масуди из Йемена в Багдад прошло без особых приключений, и он благополучно вернулся домой.

У границ таинственной Страны русов

Во второй половине тридцатых годов X в. Масуди предпринял одно из самых обильных по собранному материалу путешествий — к берегам Каспийского моря, которое в его время называлось Хазарским (Бахр ал-Хазар), и на Кавказ. От мусульманских купцов, бывавших в тех местах, Масуди не раз слышал о многих неизвестных ему народах, обитавших на Кавказе, или, как его называли арабы-мусульмане, горе Кабх, а также по соседству с этим горным массивом. Видимо, путешественник хотел поближе познакомиться с хазарами, булгарами, незадолго до того принявшими ислам, и, наконец, русами, о которых Масуди, возможно, услышал во время пребывания на сирийско-византийской границе. Кроме того,

предстояло решить одну чисто географическую проблему — определить, соединяются ли между собой моря Пунтус (Черное) и Хазарское (Каспийское). Арабо-мусульманские географы, предшественники Масуди, однозначно полагали, что Бахр ал-Хазар — это часть моря Пунтус, но у нашего ученого на основании каких-то предварительных сведений это вызывало сомнения.

Отправной точкой путешествия был, видимо, Багдад. Добираться до Каспийского моря Масуди решил через беспокойные области Ирана — Табаристан (ныне Мазендеран) и Джурджан (Горган), где правили местные княжеские династии, всегда подчинявшиеся Халифату только номинально. Добравшись до порта Абаскун, находившегося в трех днях пути от большого города Джурджана — центра одноименной области Ирана, Масуди сел на купеческий корабль и проплыл вдоль южного и восточного побережья Каспийского моря. Во время плавания Масуди видел в воде какие-то непонятные существа, которые он назвал драконами — танинин. Видимо, на самом деле это были водящиеся в Каспии тюлени. На одном из островов он наблюдал белых соколов, которые в арабо-мусульманском мире считались диковиной. По мнению знатоков, говорит путешественник, эта разновидность охотничьих птиц является самой быстрой, поэтому белых соколов прикармливают рыбой, а затем ловят, приручают и продают. У побережья Апшерона Масуди показали подводные источники нефти, которые он принял за вулканы. Вездесущие купцы рассказали путешественнику о важнейших реках, впадающих в Каспийское море — Волге, Урале, Куре и других. Но все это не было для него самого столь значимым, как констатация того, что Каспий — это самостоятельный водоем, отдельный от Черного моря. Проверив это обстоятельство лично, Масуди с гордостью пишет, что Хазарское море не

соединяется с морем Бунтус, ибо сам он плавал по нему и расспрашивал всех встречающих купцов.

По всей видимости, конечным пунктом плавания Масуди по Каспийскому морю был Баку, город, в окрестностях которого, по словам Масуди, много нефтяных источников. Баку — это важный порт, откуда корабли направлялись в Хазарию. Это было первое государственное образование в Восточной Европе, возникшее в VII в. на развалинах распавшегося западнотюркского Каганата. Хазарский Хаканат был пестрым в племенном отношении объединением. Ядром этого раннефеодального государства был народ хазары, язык которого относится к западнотюркской группе. В состав Хазарского Хаканата входила также часть родственных хазарам болгар, обитавших в Приазовье и на Таманском полуострове. Они были покорены хазарами еще в VII в., вскоре после образования независимого хазарского государства. Другая часть болгар, не пожелавшая признать господство хазарской знати, откочевала во главе с ханом Аспарухом на Дунай, где образовала совместно с покоренным славянским населением Дунайскую Булгарию. Булгары на Дунае, которых сравнительно со славянами было ничтожно мало, постепенно были ассимилированы, усвоили язык и образ жизни завоеванного населения, и только название их звучит в имени славянской страны Болгарии. Наконец, третья часть болгар образовала государство на территории современной Татарии. Хазарский Хаканат вел упорные войны против двух главных государств Ближнего Востока — Халифата и Византии, однако к X в. он уже клонился к упадку. Пройдет менее тридцати лет после приезда Масуди в Баку, и в 965 г. киевский князь Святослав нанесет городу смертельный удар.

Столица Хазарии, Итиль, лежала в низовьях Волги. Масуди, скорее всего, лично там не был, но оставил нам живое

описание этого города, основанное, по всей видимости, на сообщениях мусульманских купцов, ездивших в Хаканат по торговым делам. Итиль, пишет Масуди, находится на берегах великой реки, текущей из страны тюрок, то есть Волги. Посередине реки расположен остров, на котором построен дворец хакана. Остров соединен с одним из берегов реки понтонным мостом.

Масуди хорошо осведомлен о политической системе Хазарского государства. Он знает, что реальная власть в Хаканате принадлежит царю, ставленнику булгарской знати, сакральной же фигурой, от которой, согласно верованиям хазар, зависело благополучие всей страны, являлся хакан, постоянно находившийся во дворце и не имевший права появляться перед народом. Если дела в Хаканате складывались не лучшим образом — наступала засуха или же одолевали враги, — то по требованию подданных царь убивал хакана или же выдавал его на расправу, а ему наследовал другой представитель того же рода. Начиная заниматься какой-либо новой страной, Масуди всегда интересовался тем, какая там распространена религия. Путешественнику известно, что хакан и его ближайшее окружение в начале IX столетия приняли иудаизм. Что же касается большинства рядовых хазар и булгар, то они сохранили традиционные языческие верования.

В Итиле, сообщает Масуди, обитала значительная группа мусульман, называвшаяся ал-ларисийя, выходцы из Хорезма. Современные исследователи считают, что это остатки аланско-асских племен из Средней Азии. Мусульмане, говорит путешественник, пользовались в Хазарии значительным влиянием, так как они составляли основную военную силу хазарского царя. Согласно сведениям, приводимым Масуди, ал-ларисийя заключили с царем договор, обеспечивавший их привилегированное положение. По этому договору мусульма-

не имели право свободно отправлять свой религиозный культ и не принимать участия в войнах Хазарии против других мусульман. Кроме того, только мусульманин мог занимать пост советника хазарского царя, по терминологии Масуди — вазира. Масуди называет имя мусульманина, который занимал этот пост во время его путешествия по Кавказу и Прикаспию, — Ахмад ибн Кавайх. В Итиле жили и две другие группы населения — язычники (славяне и русы) и христиане. Судебная система хазарской столицы учитывала многоконфессиональный характер города — здесь имелось двое судей для иудеев, двое судей для христиан и один судья для язычников.

Помимо государства хазар Масуди известна также Волжская Булгария. Он особо интересовался волжскими булгарами потому, что знал о принятии их правителем и его ближайшим окружением ислама во время правления халифа Муктадира (908—932). В этой связи наш автор упоминает о нападениях болгар на Константинополь, однако в данном случае он ошибается, ибо по названию смешивает волжских болгар с дунайскими болгарами, действительно воевавшими против Византии. Говоря о булгарах, Масуди справедливо отмечает, что этот народ представляет собой «отрасль тюрок». Он сообщает также, что в стране болгар ночи так коротки, что за одну такую ночь нельзя даже вскипятить котла воды. Эти сведения, которые встречаются также в сочинениях других арабских географов, касаются, конечно, не самой Волжской Булгарии, а гораздо более северных районов, где летом наблюдаются так называемые белые ночи. Однако эти сведения попадали к арабо-мусульманам через Булгарию, и поэтому арабские географы отнесли их к «стране болгар».

Кроме хазар и болгар, Масуди отрывочно упоминает о кочевых народах Восточной Европы — печенегах (баджнэк), мадьярах (баджкирд), гузах (ал-гузз).

Наверное, от тех же купцов, которые часто ездили в Хазарию и рассказали о ней Масуди, он узнал о том, что лет за двадцать с небольшим до его приезда в район Кавказа некий народ — русы — совершил опустошительный поход на южное и юго-восточное побережье Каспийского моря. Купцы, возможно, сами пережившие это бедствие, рассказали путешественнику, что 500 русских кораблей, в каждом из которых сидело примерно по 100 воинов, прибыли к хазарскому сторожевому посту — видимо, Тьмутаракани, — находившемуся на северном побережье Азовского моря, которое Масуди называет заливом моря Бунтус (Черного). Через гарнизон крепости вожди русов обратились к хазарскому царю с просьбой разрешить их войску проход через хазарскую территорию в мусульманские земли, лежащие на южном и юго-западном берегах Каспия. Хаканат боролся с мусульманскими эмиратами за контроль над торговым путем, который вел на север от Каспийского моря по Волге, и поэтому хазарский царь согласился пропустить русские корабли при условии, что пришельцы на обратном пути отдадут ему половину награбленной добычи. Русы поднялись по Дону, потом — судя по всему, волоком, хотя Масуди об этом и не говорит — перетащили ладьи к Волге у того места, где находилась хазарская столица Итиль, а затем спустились по реке прямо в Каспийское море. Переплыв его, русы достигли его южных берегов. Там они разделились на несколько отрядов, которые принялись грабить Азербайджан, Табаристан и Дейлем — области, лежащие на берегах Каспийского моря. Особенно ожесточенными были бои недалеко от Баку. Ширваншах Али ибн ал-Хайсам собрал значительные силы и напал на незваных гостей, которые устроили себе пристанище на островах, расположенных недалеко от берега. Однако войско ширваншаха потерпело жестокое поражение и понесло большие потери. Проведя несколько месяцев на

Каспии, русы решили отправиться домой. По всей видимости, они двигались очень медленно, ибо ладьи были нагружены богатой добычей и захваченными невольниками. Дойдя до Итиля и отдав хазарскому царю положенную по уговору плату, русы собрались было идти дальше, однако недалеко от Итиля на них напали мусульманские воины хазарского царя, ал-ларисийя. Хазарский царь, обязанный русам погромом его мусульманских соседей и значительными средствами, полученными от них в качестве пошлины за проход по его территории, все же предупредил пришельцев о грозящей им опасности, не имея других средств помешать своим непокорным воинам-мусульманам. Войско ал-ларисийя, в котором было много конницы, выстроилось на берегу Волги на пути следования русов. Те же вышли из своих судов и также встали боевым порядком. Завязавшееся сражение закончилось для русов катастрофой — многие из них пали на поле брани, другие утонули. Остаткам разбитых русов удалось спастись на ладьях, но после, по пути домой вверх по Волге, большинство их было убито волжскими булгарами и другими племенами, обитавшими на берегах великой реки. Так неудачно для русов закончилось это военное предприятие.

Отечественный исследователь сочинений Масуди как источника по истории Восточной Европы В.М. Бейлис считает, что одной из скрытых причин похода было желание киевского князя избавиться от избытка военной силы, которая накопилась у него в лице наемников при подготовке похода на Константинополь, который состоялся в 911 г., — ведь нападение на южное Прикаспье произошло всего через два года после этого. Поэтому вполне возможно, что значительную, если не большую часть русов, воевавших в прикаспийских областях, составляли скандинавские воины.

Как бы то ни было, сведения, полученные Масуди о походе русов на мусульманские земли в 913—914 гг., а также воспоминания о том, что он слышал о них во время пребывания на сирийско-византийской границе, стимулировали его интерес к русам и способствовали сбору путешественником всевозможных известий об этом народе. Расспрашивая людей, что-либо знавших о русах, Масуди пришел к выводу, что они представляют собой одну из составных частей славянства, о котором нашему автору доводилось читать в сочинениях некоторых арабо-мусульманских географов. Территорию, занимаемую русами, Масуди локализует на самом востоке славянской общности, западнее земли хазар. Важнейшим географическим объектом, связанным с Русской землей, Масуди считает море Бунтус (Черное), которому впервые в арабо-мусульманской географической науке он дает название Русского моря, «ибо никто, кроме русов, по нему не плавает». Видимо, наш географ не изобрел это название, но узнал его от арабо-мусульманских купцов, которым приходилось ходить по этому морю. В арабо-мусульманском мире русы славились как отважные воины и мореплаватели, о чем свидетельствует уже приведенный нами рассказ Масуди об их походе в Прикаспье. Наш автор также считал, что русы совершают путешествия с торговыми целями в Константинополь, Рим и Андалусию. Более того, Масуди полагает, что неизвестный народ, совершивший в 912 г. нападение на берега Андалусии, был именно русами, причем это обстоятельство, с его точки зрения, подтверждается тем, что море Бунтус (Черное) соединено с Океаном, омывающим всю Ойкумену. Относительно связи Черного моря и Океана Масуди заблуждался, а что касается неизвестного народа, совершившего нападение на Андалусию, то это, видимо, были норманны, однако нельзя отрицать возможности экспедиций русов в составе разноплеменных дружин в Ита-

лию и на Иберийский полуостров в целях захвата добычи и ведения торговли с местным населением. Интересно отметить также то, что Масуди известно имя некоего самого могущественного среди славянских царей Дира, владельца обширных городов, куда приезжают с различными товарами мусульманские купцы. Было бы заманчиво отождествить этого Дира с соправителем Аскольда, упоминаемым в Повести временных лет, однако прямых доказательств этому, разумеется, сейчас уже нет.

Масуди многое известно о погребальных обычаях славян и русов. Его интерес к этому весьма понятен, так как он считал такие обряды одним из проявлений религиозной жизни народов и обращал на это первостепенное внимание, где бы ни находился. Сведения о погребальных обрядах славян и русов Масуди получил от того же информатора, который описывал ему хазарскую столицу Итиль. Русы и славяне составляли значительную часть населения города, и об их обычаях было хорошо известно приезжавшим туда мусульманским купцам. Масуди сообщает, что русы и славяне-язычники сжигали вместе с покойником его оружие, украшение и лошадей. Если умирал муж, то вместе с ним сжигали заживо его жену. В случае, если покойный был холостым, его женили после кончины, и новую жену также предавали мучительной смерти. Несмотря на это, говорит путешественник, женщины стремятся к тому, чтобы умереть в огне погребального костра, ибо, по их мнению, такая гибель обеспечивает блаженство в загробном мире. Обладая ко времени пребывания на Кавказе значительным кругозором и опытом странствий по многим странам, Масуди отмечает, что у индийцев также существует обычай сжигать мертвых.

Читатель, видимо, уже обратил внимание на то, что вслед за Масуди мы постоянно упоминаем термины «славяне» (по-арабски «сакалиба») и «русы» («рус»), подчеркнув уже, что Масуди считал русов частью славян. Основываясь на данных

более ранних арабо-мусульманских источников, можно предположить, что ученый не сразу пришел к такому выводу — ведь предшественники Масуди генетически не связывали славян и русов между собой. Это объясняется тем, что далеко не все славянские племена входили в состав Русского государства. Восточных славян, плативших дань киевскому князю, стали называть русами, а прочие славянские племена арабо-мусульманские географы обозначали термином «сакалиба».

Границы славянских земель наш автор определяет весьма приблизительно: на западе славяне граничат с ифранджа (франками), на юге — с бурджан (дунайскими болгарам) и ар-рум (византийцами), на востоке — с русами. Масуди называет девять славянских племен, прототипы которых известны: в.литаба* — велеты, астатрана — стодоряне, дулаба — чешские дулебы, масабана — видимо, мазовшане, србин — лужицкие сербы, хорватин — хорваты-висляне, х.шанин* — хижане, хашабин — кашубы, транджабин — дрангубиты, мрав — моравские славяне. Помимо этого он ошибочно включает в число славянских племен намджин (немцев) и сасин (саксонцев). Понятно, что эти сведения Масуди не мог получить ни на Кавказе, ни в Сирии посредством связей с византийцами. Скорее всего, он пользовался каким-то письменным сочинением. Крупный отечественный специалист по изучению арабо-мусульманских источников о народах Восточной Европы профессор Харьковского университета А.П. Ковалевский полагал, что Масуди почерпнул сведения о славянах в сочинении некоего неизвестного арабо-мусульманского автора из Андалусии, который побывал в славянских землях в 20-х гг. X в. Он знал один из славянских племенных диалектов, так как на-

---

* Написание отражает особенности средневековых арабографических памятников.

звания славянских племен, зафиксированные у Масуди, весьма близки их прототипам. К тому же германцев этот неизвестный автор на славянский манер называет «намджин» (немчины).

Среди многих аспектов жизни славян Масуди, как мы это уже видели на примере описания славяно-русского обряда погребения, в наибольшей степени интересовала их религия. По этой причине в разделе «Золотых копей» о храмах различных народов имеется специальная глава «Сообщения о зданиях, почитаемых у славян», которая была также детально изучена профессором Ковалевским.

Отделив многие фантастические сведения от правдоподобных, профессор Ковалевский пришел к выводу, что речь идет о реально существовавших славянских языческих храмах на Карпатах и на побережье Балтийского моря. Храмы имели куполообразную форму. В них не было окон. Стоявшие в святилищах идолы были сделаны из различных металлов и украшены драгоценными камнями. В одном из храмов имелись изображения гадательных геометрических фигур. Описание славянских храмов было заимствовано Масуди из «Книги тысяч» — сочинения известного астроном и астролога IX в. Абу Маашара, который, по всей видимости, почерпнул сведения о священных сооружениях славян в Багдаде от арабо-мусульманских купцов, побывавших в славянских землях. Видимо, наш автор располагал этими сведениями еще до начала поездки в район Каспийского моря, что указывает на проведенную им обстоятельную подготовку к предстоявшей научной экспедиции.

Находясь в Баку, Масуди постарался изучить царство Ширван, которое с X в. стало независимым от Халифата. Государство это имело давние традиции и еще до арабо-мусульманского завоевания находилось в вассальных отношениях с сасанидским Ираном. С X в. Ширван обрел независимость, отложившись от Халифата. Масуди сообщает, что в его вре-

мя ширваншахом был Мухаммад ибн Йазид из арабской династии Майадидов, который, однако, желая опереться на местные традиции, возводил свой род к сасанидскому шаху Баграм Гуру. Масуди перечисляет некоторые племена и местности, подчиненные ширваншаху — народ лакз (видимо, лезгины), аддуданийя (очевидно, дидойцы, ныне цезы) и другие.

Из Баку Масуди, судя по всему, направился в также расположенный на Каспийском море город-крепость Баб ал-Абваб (современный Дербент). По-арабски Баб ал-Абваб означает «Ворота ворот». Эта крепость, основанная, согласно иранской исторической традиции, унаследованной арабо-мусульманской историографией, при шахе Хосрове I Ануширване (531–579), а согласно современным научным данным, несколько раньше — в V в. н.э., охраняла вход в ущелье Кавказских гор, которое арабы и называли Баб — Ворота. Поэтому и сама цитадель получила такое название. Баб ал-Абваб был важнейшим пунктом целой системы укреплений, возведенных иранскими шахами на Кавказе. Эти укрепления защищали северные области Ирана от вторжений кочевников из прикаспийских степей. Захваченный арабо-мусульманами в 717 г., Баб ал-Абваб стал важным форпостом распространения ислама на Кавказе. В связи с ослаблением власти багдадских халифов в Баб ал-Аббабе воцарилась местная династия Хашимитов, находившаяся в первой половине X в. в вассальной зависимости от государства ширваншаха, расположенного на территории современного Азербайджана. Баб ал-Абваб был важнейшим портом Каспийского моря, однако Масуди это, видимо, мало интересовало. Он сообщает только, что видел на тамошних рынках шкурки чернобурых лисиц, привезенные с севера — из Восточной Европы.

Из Баб ал-Аббаба наш путешественник поехал в Бардау, цветущий город, расположенный на реке Тертер (ныне развалины

города находятся недалеко от районного центра Барда). Как и Баб ал-Абваб, Бардаа была хорошо укрепленной пограничной крепостью, большинство населения которой составляли арабы-поселенцы, говорившие на особом диалекте арабского языка. Побывал он, наверное, и на рынке, расположенном за городской стеной у Баб ал-Акрад (Курдских ворот), куда приезжали купцы из самого Ирака, так что наш путешественник имел возможность познакомиться с земляками.

Путешествуя по Кавказу, Масуди побывал и в Тифлисе (современном Тбилиси). Тифлис был завоеван арабами-мусульманами в середине VII в. и стал важным пунктом арабского господства в Закавказье. По сообщению нашего автора, до времени правления халифа Мутаваккила грузины и абхазы платили наместнику города дань, однако после многих усобиц между арабскими военачальниками власть Халифата была значительно поколеблена и поступления дани прекратились.

Масуди наблюдал жизнь многих народов этого региона. Вот некоторые из них, о которых с разной степенью подробности пишет наш автор: табасараны, авары, кайтаки (предки нынешних кайтакских даргинцев), гумик (предки лаков), ала-ны (предки осетин), кашак — касоги древнерусских летописей (предки адыгейцев, черкесов и кабардинцев). Упоминает он также о грузинах и абхазах.

Таким образом, путешествие Масуди на Кавказ действительно принесло богатые плоды и существенно расширило представления арабо-мусульманских ученых об этом регионе и прилегающих к нему странах.

В стране пирамид

После путешествия на Кавказ мы опять на несколько лет теряем Масуди из вида. В его сочинениях ближайшее по времени упоминание, касающееся биографии путешественника, от-

носится к 942 г. Масуди сообщает, что 6 января он присутствовал в египетской столице Фустате, который ныне вошел в черту современного Каира, на христианском празднике Крещения. Несмотря на арабо-мусульманское завоевание коптские, христианские традиции в Египте были очень сильны, поэтому Крещение (по-арабски ал-Гитас, «погружение» — на этот праздник полагалось купаться в Ниле) отмечалось всенародно. Даже правитель Египта Мухаммад ал-Ихшид, по свидетельству Масуди, велел украсить свой дворец горящими факелами. Горожане толпились по берегам великой реки. Некоторые ныряли в воду, полагая, как говорит наш автор, что эта процедура защитит их от болезней. Однако места для купания явно не хватало не из-за обилия тех, кто хотел погрузиться в воду, а потому, что почти вся поверхность реки в пределах Фустата была покрыта лодками, также украшенными горящими факелами и свечами и заполненными радостными участниками праздника.

В сороковые годы X в. Масуди, видимо, постоянно проживает в Египте, который, равно как и часть Сирии, находился под управлением формально подчиненной аббасидским халифам, но фактически самостоятельной династии Ихшидидов. Что же заставило Масуди навсегда покинуть столь горячо любимый им Ирак? Дело в том, что халифская власть, которая во второй половине IX в. впала в глубокий кризис, в 30-е гг. X в. совершенно приходит в упадок. Вскоре на востоке Халифата, в Иране, появляется сила, которая оказалась способной надолго подчинить своему влиянию династию Аббасидов и Багдад. Это были Буиды, трое сыновей мелкого землевладельца в иранской провинции Дейлем, Абу Шуджа ибн Бувайха, который в качестве военачальника принимал участие в военных столкновениях между шиитской династией Алидов, правившей в Табаристане, и государством Самани-

дов. Братья Али, Хасан и Ахмад захватили Шираз, затем Мидию и Кирман, а потом двинулись на Багдад. В декабре 945 г. халиф Мустакфи был вынужден признать власть Буидов в столице Халифата и пожаловать Ахмаду титул амир ал-умара — эмира эмиров. Все три брата получили от главы арабо-мусульманского государства почетные прозвища. Не прошло и месяца со времени установления власти Буидов в Багдаде, как они решили, что халиф Мустакфи недостаточно покорен, и, ослепив, свергли его и возвели на престол другого Аббасида — Мути. Масуди был сторонником режима Аббасидов, хотя видел его слабость и немало писал об этом, поэтому после таких политических изменений он уже не мог вернуться к себе на родину. К тому же Буиды по вероисповеданию были шиитами, а Масуди, скорее всего, суннитом, и это обстоятельство делало путешественника еще более неудобной персоной в Багдаде. Скорее всего, Масуди до конца дней так и не довелось ни разу побывать в родных краях. Ведь недаром он так часто писал о своей тоске по дому.

Но ученый и путешественник, вынужденный навсегда поселиться на чужбине, остается верным себе. Во-первых, он решает основательно изучить удивительные строения, украшенные таинственными письменами и статуями, которыми славился Египет. Недалеко от египетской столицы Фустата Масуди видел знаменитые пирамиды, чудо зодчества, как он их называл. Величие этих сооружений поразило воображение путешественника. Опираясь на легендарные свидетельства местных жителей, он сообщает, что древнеегипетские цари, построившие пирамиды, велели начертать на них: «Кто хочет сравниться с нами в мощи, пусть разрушит эти пирамиды». По словам Масуди, некий мусульманский правитель Египта решил попробовать свои силы на этом неблагодарном поприще, но потом выяснил, что на осуществление предприятия не

хватит хараджа (подати), взимаемого со всей страны. Назначение пирамид Масуди, однако, не было известно. Он полагал, что это некий огромный храм.

Развалины древнеегипетских храмов ученый видел повсеместно и, заинтересовавшись религией древних египтян, но не имея о ней достоверных сведений, решил, что египтяне были монотеистами и что их мудрецы даже сумели предсказать потоп.

На основе специфических арабо-египетских преданий, сложившихся после арабо-мусульманского завоевания страны и зафиксированных в арабских хрониках, составлявшихся в Египте, Масуди составил его легендарную историю. Родоначальником египтян он считал внука Ноя Байсара, по имени старшего сына которого, Мисра, страна на Ниле получила свое название (по-арабски Египет называется Миср). А по имени старшего сына Мисра Кубта жители Египта стали называться коптами. Через некоторое время Египет захватил сирийский царь, носивший арабское имя, — ал-Валид ибн Даума. Возможно, что предание об этом царе возникло под воздействием смутного воспоминания египтян о покорении страны в XVIII в. до н.э. кочевниками-тиксосами, предположительно семитами, выходцами из Аравии. Потомок ал-Валида ибн Даума, которого звали ал-Валид ибн Мусаб, был тем самым фараоном, при котором жил Муса (библейский Моисей). Он погиб в Красном море со всем своим войском, погнавшись за уходившим из Египта пророком и его сородичами. Затем страной стала править некая мудрая женщина Далука, с которой Масуди связывает строительство многих храмов.

Изучая легендарную историю своей новой родины, Масуди неоднократно пытался выяснить, что означает слово «фараон», однако сколько он ни расспрашивал коренных египтян — коптов, никто не мог удовлетворить его любопытства.

«Видимо, — пишет ученый, — язык египтян сильно изменился с древних времен».

Рассказал Масуди и об эллинистической культуре Египта. Центром ее была Александрия, основанная в 332 г. до н.э. Александром Македонским. Поэтому наш автор сообщает немало сведений о ее достопримечательностях. Кстати, интересно отметить то, каким образом наш путешественник объясняет прозвище знаменитого завоевателя — Македонский. Арабы-мусульмане, конечно, уже не знали страны Македонии, располагавшейся в древности к северу от Греции. Масуди считал, что Македония — это часть северного Египта, центром которой является Александрия. Поэтому, мол, Искандар (Александр) стал прозываться ал-Макдуни (Македонский).

О строительстве Александрии в самом этом городе, да и во всем Египте ходило много легенд, некоторые из которых зафиксировал Масуди. Так, например, он сообщает, что белизна мрамора в только что построенном городе была так ослепительна, что на его улицах вывешивали полотнища зеленого шелка, чтобы они скрадывали отражаемый солнечный свет. Красота Александрии пришлась не по вкусу морским чудовищам, которые обитали недалеко от берега, где возвели новую столицу Египта. По ночам, говорит Масуди, морские шайтаны стали выходить на сушу и разрушать городские постройки. Тогда Александр Македонский велел сделать ящик со стеклянными окнами и опустил в нем вместе с художниками под воду. Живописцы нарисовали чудовищ и, выйдя на берег, изготовили по этим рисункам статуи, которые Александр Македонский распорядился установить у моря. Следующей ночью шайтаны увидели свои собственные изображения, испугались и перестали тревожить обитателей Александрии.

Самой популярной легендарной личностью в Александрии после ее основателя была последняя египетская царица

из рода Птолемеев — Клеопатра, возлюбленная Юлия Цезаря и Антония, памятная по «Параллельным жизнеописаниям» Плутарха, трагедии Шекспира «Антоний и Клеопатра», повести Пушкина «Египетские ночи». История любви Клеопатры к римскому полководцу Антонию, сопернику Октавиана Августа, ради которой гордая царица пожертвовала жизнью, сохранилась не только на страницах сочинений, но и в памяти александрийцев, но, конечно, в сильно трансформированном виде. Наверное, от них Масуди узнал, что у Клеопатры был муж по имени Антуниус. На счастливую чету пошел войной римский царь Угустус, убивший Антуниуса в одном из сражений. Видя, что у нее нет сил защитить Египет от римлян, Клеопатра решила погубить их царя. В тот день, когда победоносный Угустус должен был явиться во дворец поверженной царицы, она велела принести ядовитую змею. Одна из служанок Клеопатры, желавшая умереть вместе с царицей, первой приняла смерть от змеиного яда. Затем Клеопатра взошла на трон и дала себя укусить змее. Правительница Египта тут же скончалась, а змея спряталась в стоявших рядом опахалах. Вскоре во дворец прибыл Угустус и вошел в тронный зал. Сначала он решил, что царица жива, и приблизился к трону. Тут его и ужалила змея. От этого у Угустуса отнялись правая рука и нога и он ослеп на один глаз. Если бы змея, говорит Масуди, не кусала перед этим служанку и Клеопатру, то римский царь умер бы сразу, а так он жил некоторое время калекой и в печальных стихах оплакивал свою горькую долю.

Любой город славен не только его обитателями, но и имеющимися в нем памятниками архитектуры. Самым знаменитым архитектурным сооружением в Александрии во времена Масуди был Александрийский маяк, построенный при царе Птолемее Сотере (305—283 гг. до н.э.) на северной оконечнос-

ти расположенного недалеко от берега острова Форос, который был соединен с материком специальной дамбой. По сообщению Масуди, в древности на вершине маяка стояло огромное зеркало, при помощи которого наблюдали за проходившими в море кораблями, чтобы вражеский флот не мог незаметно приблизиться к Александрии. Маяк был построен из больших блоков белого камня. Основание маяка, составлявшее, по словам нашего путешественника, около двух третей его высоты, было в плане четырехугольным. Верхняя часть маяка представляла собой восьмигранник, увенчанный круглой башней с куполом. До нашего времени это великолепное сооружение, к сожалению, не сохранилось — оно обрушилось в 1324 г., а в 1477 г. из остатков маяка соорудили форт Фарос, где в настоящее время помещается террариум. Маяк играл важную роль в обороне Александрии от нападений с моря как в античные времена, так и при византийцах и арабах. Видимо, византийцы неоднократно устраивали диверсии с целью разрушения маяка и облегчения отвоевания города.

Масуди, как всегда, рассказывает по этому поводу занимательную историю. Однажды ромейский царь послал одного своего преданного слугу к омейядскому халифу ал-Валиду ибн Абд ал-Малику, поручив ему тем или иным способом уничтожить Александрийский маяк. Слуга явился к халифу и, чтобы войти к нему в доверие, сообщил, будто послан ромейским царем убить его, но просит прощения и желает принять ислам. Халиф щедро наградил перебежчика и сделал его своим приближенным. Через некоторое время слуга ромейского царя сообщил Валиду сокровенную тайну своего господина — будто под маяком в Александрии зарыты несметные сокровища Александра Македонского. Не заподозривший подвоха халиф немедленно отрядил новообращенного мусульманина в Египет, приказав ему разрушить маяк и разыскать сокрови-

ща. Маяк разрушили до половины, но потом поняли, что все это уловка ромейского царя. Видя, что он разоблачен, мнимый мусульманин успел заблаговременно скрыться.

В истории о легковерии халифа Валида присутствует весьма характерный для египетского фольклора мотив — мотив спрятанных в древности сокровищ. Понятно, что в такой богатой памятниками древности стране, как Египет, такой мотив мог возникнуть на основе реальных фактов. Ведь известно, что вплоть до недавнего времени целые египетские селения специализировались на грабеже древних могильников и продаже найденных там диковин. Легенды о заколдованных кладах имели среди египтян очень широкое распространение. Считается даже, что знаменитая сказка из «1001 ночи», «Волшебная лампа Алладина», возникшая в Египте, является образцом фольклора кладоискателей. В этой связи Масуди рассказывает, что однажды к омейядскому наместнику Египта Абд ал-Азизу ибн Марвану пришел некий человек и предложил раскопать один холм, в котором, по его словам, находился богатый клад. Абд ал-Азиз послал к холму партию рабов с заступами. Они начали раскопки и вскоре обнаружили подземелье, в которое вела медная лестница. Приехавший туда Абд ал-Азиз велел одному из рабов спуститься в подземелье, но едва тот ступил на четвертую ступень, как появились два волшебных меча и разрубили несчастного пополам. Затем в подземелье послышался страшный шум и все, кто занимался раскопками, внезапно погибли. Испугавшись, Абд ал-Азиз велел немедленно закопать холм и больше к нему не прикасаться.

Масуди, конечно, интересовался не только преданиями египетской земли. Он много путешествовал по Египту, стремясь как можно лучше его изучить. В своих сочинениях наш автор дал точные описания как этой страны в целом, так и отдельных ее местностей. Египет, пишет Масуди, лежит меж-

ду Ифрикией (современным Магрибом) на западе, морем Кулзума (Красным морем) на востоке, Ромейским морем (Средиземным) на севере и землями чернокожих на юге. Страна, по его сведениям, делится на восемьдесят областей, в каждой из которых имеются города и диковинные старинные постройки. Возможно, что путешественник имел в виду восходящее еще к древности деление страны на особые административные единицы — номы, сохранившееся до средних веков.

Масуди прекрасно понимал, что основой хозяйства Египта является Нил, водой которого орошают возделываемые феллахами плодородные поля, по которому везут плоды земледельческого труда в столицу — Фустат, а также за пределы страны. Нил, пишет Масуди в «Золотых копиях», столь важен для Египта и столь огромен, что его по праву называют морем. Истоки Нила, по мнению Масуди, лежат далеко на юге, в Лунных горах, находящихся за пределами Ойкумены. Судходство по Нилу, говорит путешественник, возможно до Асуана. На расстоянии нескольких миль от Асуана находятся пороги, через которые корабли перейти не могут. Далее Нил течет мимо Фаюмского оазиса, а затем, разделившись на множество рукавов, протекает мимо городов Александрии, Рашида и Дамьетта и впадает в Ромейское (Средиземное) море. В дельте имеется также много больших и малых озер.

В Египте с древних времен господствует орошаемое земледелие, и поэтому Масуди сообщает немало сведений о каналах, несущих нильскую воду на крестьянские поля. Первоначально, говорит он, вода во время разливов реки текла по земле как придется. Потом египтяне научились рыть каналы и строить дамбы, и это послужило основой развития цивилизации — «земля Египта наполнилась городами». Путешественник полагает, что в его время наиболее развитой система оросительных каналов была в Фаюмском оазисе. Известно, что

для наилучшего орошения полей египтяне издавна стали создавать «ниломеры» — специальные приборы для измерения уровня воды в реке. Масуди пишет, что «ниломеры» применял еще библейский Иосиф (по-арабски — Йусуф); потом якобы подобное устройство было поставлено в Верхнем Египте легендарной царицей Далукой. Строили «ниломеры» и в мусульманское время, в том числе один такой прибор был сделан при правителе Египта Ахмаде ибн Тулуне. Возможно, Масуди имеет в виду «ниломер», установленный в 862 г. на острове Рода (ныне в черте Каира) и сохранившийся до настоящего времени. Он представляет собой облицованную тесаным камнем шахту глубиной около 13 м, куда выходят арки трех туннелей, по которым в нее поступает речная вода. Посередине расположен столб с делениями и коринфской капиталью на вершине.

Как и в других странах, весьма сложно проследить маршруты путешествий Масуди по Египту. Достоверно известно, на основании его сочинений, что он побывал на побережье Красного моря, в некогда важном порте Кулзум, по которому все Красное море называлось морем Кулзума. Теперь этот город, покинутый жителями еще в XIII в., представляет собой скопление развалин, занесенных песком. Ранее, сообщает Масуди, здесь проходил канал, соединявший Нил с Красным морем. Ко времени арабо-мусульманского завоевания Египта канал был засыпан песком, а правитель страны Амр ибн ал-Ас предлагал халифу Омару ибн ал-Хаттабу (634—644) прорыть его снова, но Омар, боясь, что ромейские корабли смогут прорываться по нему к берегам Аравии, воспротивился осуществлению этого плана. Позднее восстановить канал пытался Харун ар-Рашид, однако его попытка закончилась безрезультатно. Безусловно, Масуди также поднялся вверх по Нилу, побывал в городе Ихмиме, славившемся ткачеством,

осмотрел там развалины древнего храма с многочисленными статуями людей и животных, которые местные жители называли «барба». Затем, совершив короткую остановку в Кифте, путешественник прибыл в Асуан — город, расположенный на границе между Египтом и христианской Нубией. Когда арабы-мусульмане захватили Египет, сообщает Масуди, они сделали попытку завоевать также и Нубию, однако экспедиция закончилась неудачей. Вскоре, однако, арабо-мусульманскому наместнику Египта удалось заключить с нубийским царем мир на условиях поставки определенного количества товаров и рабов. Такая форма дани называлась бактом. По словам нашего автора, в состав бакта ежегодно включались триста шестьдесят пять рабов. Асуан был как раз тем самым местом, куда доставляли бакт из Нубии. Недалеко от Асуана располагались важные для всего арабо-мусульманского мира золотые прииски в Вади Аллаки.

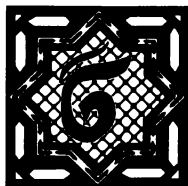
Видимо, десятилетия, проведенные в странствиях, полных опасностей и лишений, сказались на здоровье Масуди. Поездив по Египту и осознав, что он, к сожалению, уже не тот, каким был прежде, путешественник решил обосноваться в египетской столице Фустате, чтобы привести в порядок свои дорожные заметки. Материально он, скорее всего, не нуждался — наверное, ему удалось вывезти значительную часть своего семейного богатства из Багдада, когда он понял, что там могут произойти неблагоприятные политические изменения. С другой стороны, сам путешественник упоминает, что был принят при дворе египетского правителя, который, надо полагать, не оставил своим вниманием знаменитого ученого и назначил ему приличную его положению пенсию. Так что Масуди не надо было думать о хлебе насущном, и он с головой ушел в столь благодатную творческую работу. В 947 г. он закончил в Фустате главное свое сочинение — «Золотые копи

и россыпи самоцветов». Затем Масуди написал около тридцати сочинений по различным отраслям арабо-мусульманской науки. К сожалению, ученый писал их для себя и не отдавал переписчикам-варракам для размножения. Поэтому ни одна из работ того времени не сохранилась или, по крайней мере, еще не обнаружена в многочисленных собраниях арабских рукописей. К счастью, эта судьба миновала самое последнее сочинение Масуди — подводящую итог его размышлениям о мире и ходе человеческой истории «Книгу указания и наблюдения». Масуди завершил окончательный вариант «Книги указания и наблюдения» в 956 г. Вскоре, через несколько месяцев, его не стало. Зная неукротимый и упорный характер Масуди, толкавший путешественника все в новые и новые странствия, заставивший его исписать тысячи бумажных и папирусных страниц, можно предположить, что смерть Масуди встретил с тростниковой палочкой для письма — каламом — в исхудавшей руке.

Вместо послесловия

Жизнь после смерти

ывают такие творческие судьбы, которые обрекают мастера на непризнанность при жизни и забвение сразу после смерти. Его работы обретают лишь признание далеких потомков. Судьба наследия Масуди сложилась совсем иначе. Мы ничего не можем сказать по поводу его прижизненной популярности, однако известно, что после его смерти рукописи главных его сочинений неоднократно переписывались. Впоследствии многие из них оказались в европейских собраниях, в том числе и в собрании Азиатского музея в Петербурге, куда они попали благодаря стараниям известного русского дипломата первой половины XIX в. И.Я. Италинского. Арабо-мусульманские ученые составляли также сокращенные изложения сочинений Масуди. Масуди высоко ценил великий арабо-мусульманский мыслитель XIV в. Ибн Халдун, который писал о нашем авторе: «Упоминание об общих условиях на широких просторах (Земли), о поколениях (людей) и эрах является важнейшей основой для историка, на которую направлены его устремления и посредством которой становятся ясными собранные им сведения. Этому историки посвящали специальные работы. Так же поступил Масуди, сочинив свои «Золотые копи». В этом труде он объяснил условия жизни народов и стран вплоть до своего времени — на Западе и на Востоке. Масуди также рассказал о религиозных верованиях и обычаях этих наро-

дов. Он описал страны, горы, моря, царства и государства — как арабские, так и неарабские. Масуди стал авторитетом и главой историков, которые ссылаются на него; он стал той основой, на которую они опираются во многих своих положениях». С появлением в арабском мире книгопечатания главное из сохранившихся сочинений Масуди — «Золотые копии» — неоднократно издавалось и до сих пор является одной из наиболее читаемых старинных арабских книг.

На Западе ученые-арабисты также не обделяли наследие Масуди вниманием. Впервые широкий европейский читатель (конечно, широкий по масштабам XVIII в.) познакомился с отрывками из сочинений Масуди в приложении к переводу на латинский язык хроники арабо-мусульманского историка и географа XIII—XIV вв. Абу-л-Фиды, опубликованному в 1789—1794 гг. немецким арабистом И. Рейске. Почти одновременно с Рейске сочинениями Масуди стал заниматься французский ориенталист Жозеф де Гинь. Его статья о Масуди, опубликованная в Париже в беспокойном для Франции 1790 г., была первой попыткой научного анализа работ арабо-мусульманского географа. Через двадцать лет после этого знаменитый французский арабист Сильвестр де Саси публикует статью о Масуди, в которой главным образом излагает содержание тогда еще не изданного сочинения Масуди «Книга указания и наблюдения». В 30-е гг. XIX в. интерес к Масуди в европейской арабистике возрождает Э. Картмер, напечатавший в парижском «Журнал азиатик» за 1839 г. статью о жизни и сочинениях Масуди. В сороковые годы творчество нашего географа было подвергнуто всестороннему анализу в работах выдающегося французского исследователя арабо-мусульманской географической науки М. Рено.

Арабисты скоро заметили, что в сочинениях Масуди содержится ценнейший материал по истории и этнографии на-

родов Европы в средние века и использовали его труды в своих исследованиях. Один из таких исследователей француз М. д'Оссон, понимая огромное значение трудов нашего автора как для арабо-мусульманской географической науки, так и для европейской исторической этнографии, назвал Масуди арабским Геродотом, и этот афоризм я использовал в качестве названия моей книги о Масуди.

Работа исследователей первой половины XIX в. подготовила первое научное издание «Золотых копей», осуществленное в 1861–1877 гг. французскими арабистами Б. де Мейнаром и А. Паве де Куртейлем. В 1894 г. голландский арабист М. Де Гье издал текст «Книги наблюдения и указания», а в 1897 г. француз Б. Карра де Во осуществил перевод этого сочинения на французский язык. В двадцатом столетии сочинения Масуди исследовали такие зарубежные ученые, как Й. Маркварт, В.Ф. Минорский, А.З. Валиди-Тоган, Д.М. Данлоп, Х. Биркеланд, А. Мигель, С. Макбул Ахмад, М.Х. Шбул Ахмад, Т. Халиди и другие. Новое научное издание текста «Золотых копей» было опубликовано французским арабистом Ш. Пелла в 60-е — 70-е гг. В русском и советском востоковедении Масуди занимались такие ученые, как Б.А. Дорн, Х.Д. Френ, А.Я. Гаркави, В.В. Григорьев, Н.А. Караулов, Ф.И. Брун, Фр. Вестберг, И.Ю. Крачковский, В.В. Бартольд, А.Ю. Якубовский, А.П. Ковалевский, Б.Н. Заходер, В.М. Бейлис, Т. М. Калинина и другие.

Эта небольшая книга о великом путешественнике, первая из написанных на русском языке, основывается как на самостоятельном изучении сочинений Масуди, так и на работах моих отечественных и зарубежных коллег и предшественников. Пусть же она будет скромным памятником не только жизни Масуди, но и усилиям тех, кто сделал его наследие достоянием мировой науки.

Краткая библиография

1. Бартольд В.В. Арабские известия о русах // Советское востоковедение. — 1940. — № 1. — С. 15—50.
2. Бейлис В.М. Ал-Масуди о русско-византийских отношениях в 50-х годах X в. // Международные связи России до XVII в. — М., 1961.
3. Бейлис В.М. Сведения о Черном море в сочинениях арабских географов IX—X вв. // Ближний и Средний Восток. — М., 1962.
4. Бейлис В.М. Сочинения ал-Масуди как источник по истории Восточной Европы X в.: Дисс. канд. ист. наук. — М., 1963.
5. Ковалівський А.П. Абу-аль-Хасан Алі аль-Масуди як учений // Учені записки Харківського університету. Труды історичного факультету. — Харків, 1957. — Т. V. — С. 167—182.
6. Крачковский И.Ю. Арабская географическая литература // Крачковский И.Ю. Избранные сочинения. — М. — Л., 1957. — Т. 4.
7. Islamic Historiographi. The Histories of Masudi by Tarif Khalidi. — Albany, 1975.
8. Notice sur la vie et les auras de Matsonod par M.Quartremer // Journal Asiatique. — Janvier 1839. — P. 5—32.
9. Shboul Ahmad M.H. Al-Masudi and his World. A Muslim Humanist and his Interest in non-Muslims. — London, 1979.

Оглавление

ПРЕДИСЛОВИЕ	7
-------------------	---

ГЛАВА I

Детство в «городе 1001 ночи»	10
------------------------------------	----

Блистательная и трагическая история

Города Мансура	11
----------------------	----

Тайны багдадского двора	20
-------------------------------	----

Базарные страсти	36
------------------------	----

Утехи багдадского простонародья	40
---------------------------------------	----

Все багдадцы равны, но некоторые равнее	45
---	----

Радости и горести Багдада и Самарры	51
---	----

«Лучшие из дел — умеренные», особенно в гостях	59
--	----

ГЛАВА II

К вершинам знания	66
-------------------------	----

ГЛАВА III

От Индии до Египта, от Кавказа до Мадагаскара	112
---	-----

По Ирану	117
----------------	-----

К чудесам Индии	148
-----------------------	-----

По Эфиопскому морю	156
--------------------------	-----

В родных местах	161
-----------------------	-----

По Сирии и Палестине	170
----------------------------	-----

Сквозь пески Аравии	194
У границ таинственной Страны русов	200
В стране пирамид	212
ВМЕСТО ПОСЛЕСЛОВИЯ	
Жизнь после смерти	224
КРАТКАЯ БИБЛИОГРАФИЯ	227

Д.В. Микульский
Арабский Геродот

Ответственный редактор Л.Ю. Сергиенко

Художник С.Ю. Гордеева

Литературный редактор А.Б. Шахнович

Технический редактор А.С. Мишачева

Верстка Г.А. Фетисова

Корректор О.В. Наумова

Сдано в набор 01.08.97. Подписано в печать 24.02.98. Формат 60 × 84¹/₁₆.
Гарнитура «Баскервиль». Бумага офсетная. Печать офсетная. Усл.
печ. л. 13,49. Тираж 3000. Тип. зак. № 312

Издательство «Алетейя». Лицензия ЛР № 040768 от 22 мая 1996 г.
115569, Москва, ул. Шипиловская, 7.

Отпечатано в полном соответствии с качеством предоставленных диа-
позитивов в ОАО «Можайский полиграфический комбинат».
143200, г. Можайск, ул. Мира, 93.

